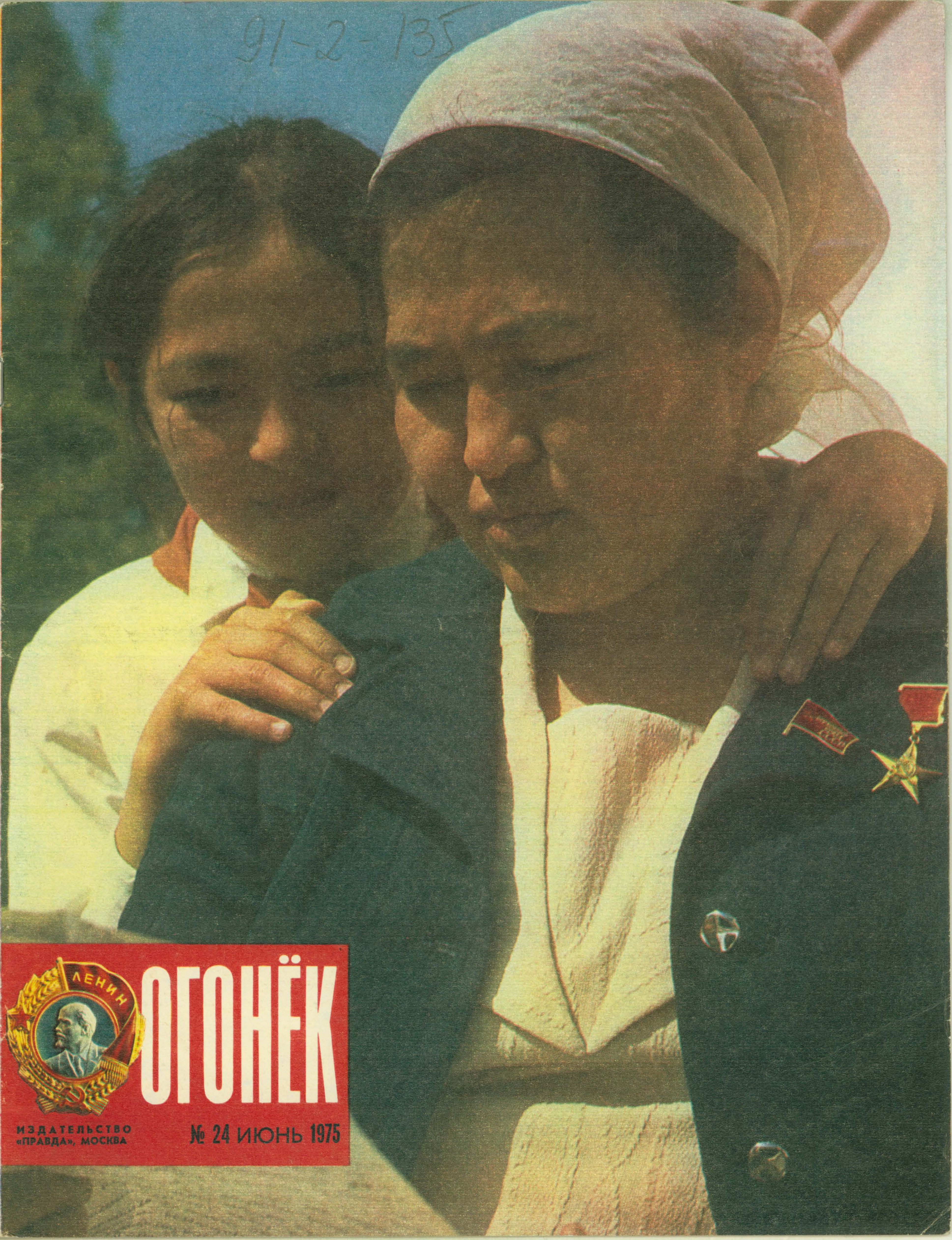

91-2-135
ЛЕНИН
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 24 ИЮНЬ 1975

— Мы — каменщики!

КОМСОМОЛ

— Подходи, новосел! — В. Мельников, начальник СУ-851.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 24 (2501)

14 ИЮНЯ 1975

Город продолжается...

ВСЕ НА ВЫБОРЫ!

ЬСКА МЛАДШИЙ БРАТ

Идет целлюлоза.

В. КУЗНЕЦОВ

Фото автора.

15 июня состоятся очередные выборы в Верховные Советы союзных и автономных республик и местные Советы депутатов трудящихся.

В годы, отделяющие нас от прошлых выборов, советские люди жили и трудились, настойчиво выполняя решения XXIV съезда партии, соревнуясь за досрочное выполнение заданий девятой пятилетки.

В минувшие годы на карте Родины появилось много новых городов. Об одном из них — наш репортаж.

Кажется, совсем недавно это было. Пароходы «Коминтерн» и «Колумб» подошли к пустынному дикому берегу Амура и высадили первых строителей Комсомольска. Забурлила тут жизнь большой стройки, а рядом, в полусотне километров выше по реке, стояла тихая таежная деревушка Падали — десяток нанайских домиков.

Сегодня Комсомольск-на-Аму-

ре — легендарное прошлое наших отцов. А на месте тихой деревушки вырос один из самых молодых городов страны — Амурск. Его называют младшим братом Комсомольска. Ему от роду семнадцать. Только год назад он получил право зваться городом.

В стороне от многоэтажных домов высятся корпуса, связанные транспортерными галереями. Взметнулись в небо трубы комбинатов — целлюлозно-картонного и лесопильного деревообрабатывающего. Словом, Амурск в свои семнадцать стал настоящим городом. И живут тут влюбленные в него славные люди, молодые, веселые и работящие. Я познакомился с ними на стройплощадках, в цехах, на улицах.

Один из них — Александр Реутов. Человек, от которого профессия требует большого физического напряжения, а он еще находит силы, чтобы заниматься живописью, скульптурой, графикой, краеведением, фотографией, пишет в газету, сочиняет рассказы...

Елена Петровна Ефимова — маляр-штукатур одного из строительных управлений треста «Амурскстрой».

Встретиться с Еленой Петровной оказалось нелегко. На отделке второй очереди целлюлозно-картонного комбината сказали: отработала смену, была у профорга и ушла, возможно, в деревоподготовительный цех комбината. Но и там Елену Петровну я не нашел и познакомился с ней лишь на другой день, далеко от города, в пионерском лагере «Орбита». Маляры готовили корпуса к приезду ребят, и Ефимова красила двери.

Наверное, 1975 год будет в жизни Елены Петровны самым памятным. Потому, что все предшествующие были как бы подготовкой к нему. Окончив школу в украинском селе Бабино, Хмельницкой области, Лена вместе с подругой Фаиной Кравчук отправилась в райком комсомола. Долго беседовали с представителем дальневосточной стройки Леонтьевым. Он рассказывал о суровых амурских зимах, намекал на большие лопаты, на нелегкий труд строителей нового города. Девушки не испугались, и тогда он сказал:

— Завтра на вокзал, с вещами!

Первые впечатления не радовали. Амурск встретил добровольцев затяжными дождями. Грязь на улицах, на стройке, в общежитии. Самой модной обувью были резиновые сапоги.

Шло время, крепчал характер, появились опыт, профессиональная сноровка. На прошлых выборах народ избрал Елену Петровну депутатом в районный Совет.

Много хороших дел сделала депутат Елена Петровна Ефимова, много еще предстоит сделать. Город, в котором она живет и работает, растет, а значит, прибавляется и депутатских забот. Будущее города зависит от людей, строящих его. А будущее Амурска видится светлым. Первый секретарь городского комитета партии Владимир Михайлович Крысин рассказал:

— Моя встреча с Амурском состоялась в 1959 году, когда еще город только начинался. Но стройка уже шла полным ходом. Я был секретарем комитета комсомола стройки. Сегодня Амурск насчитывает более десятка крупных промышленных предприятий. Они выпускают вискозную целлюлозу марки «шелк» и «штапель», древесноволокнистые плиты, технологическую щепу, кормовые дрожжи, электро- и теплоэнергию, железобетон, многие виды нестандартного оборудования. Наш жилой фонд уже исчисляется тремястами тысячами квадратных метров благоустроенных квартир. Десятки магазинов, столовых, кафе, рестораны, гостиницы. Дворец культуры, широкоэкранный кинотеатр, клуб... Тысячи малышей — в детских садах и яслях. В распоряжении молодежи несколько спортивных залов, а скоро появится отличный комплекс, включающий в себя плавательный бассейн и стадион на десять тысяч мест...

Амурский целлюлозно-картонный комбинат — ведущее предприятие целлюлозно-бумажной промышленности Дальнего Востока. Наша целлюлоза по качеству вышла на уровень мировых требований, ей присвоен государственный Знак качества. В этом году здесь будет сварена миллионная тонна.

Мощным толчком для развития Амурска явились исторические решения XXIV съезда партии. Именно в пору девятой пятилетки самые дерзновенные мечты первостроителей и стали реальностью. Амурск строила юность всей страны. Разве можно не любить такой город? Он будет еще прекраснее. Одним из ленинградских институтов создан генплан нового Амурска с перспективой развития на ближайшие тридцать лет. К концу этого срока население вырастет до двухсот тысяч. Город протянется по берегу Амура, и будет в нем пять районов. Но давайте-ка вернемся в день сегодняшний. На пороге пятилетка десятая. Двадцать пятый съезд КПСС определит ее рубежи. Но мы уже знаем, что к 1980 году на целлюлозно-картонном комбинате будет пущена вторая очередь. Это значит, что страна получит еще больше целлюлозы, тарного картона, кормовых дрожжей, сернокислого глинозема, каустической соды и много другой продукции.

Теперь давайте себе представим, что все, о чем я только что говорил, уже построено, благоустроено, пущено. И перед нами возникнет Амурск, один из красивейших городов Дальнего Востока.

Елена Петровна Ефимова.

В ДРУЖЕСТВЕННОЙ

ПУШКИНСКИЙ ПРАЗДНИК ПОЭЗИИ

Как всегда в последние годы, первые июньские дни были отмечены именем Пушкина.

На Псковщине и в Болдине, в Верхневолжье и в Москве проводился IX Всесоюзный Пушкинский праздник поэзии. В праздновании 176-летия со дня рождения великого русского поэта приняли участие литераторы из многих советских республик, зарубежные гости, многочисленные почитатели гениальных пушкинских творений.

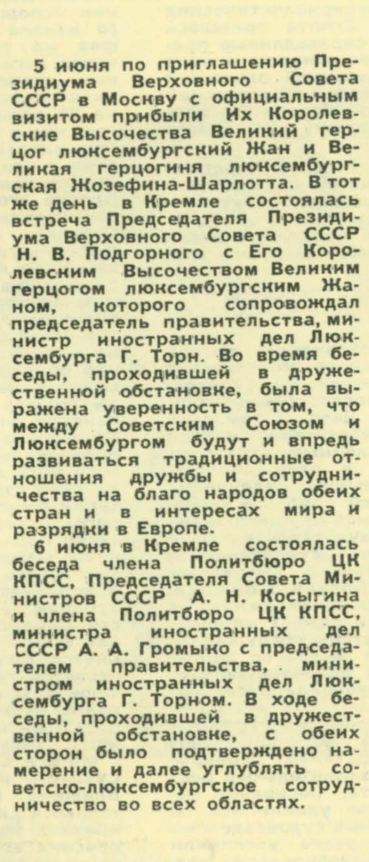
Пушкинские Горы. У могилы великого поэта.

Фото И. Чиркова

ОБСТАНОВКЕ

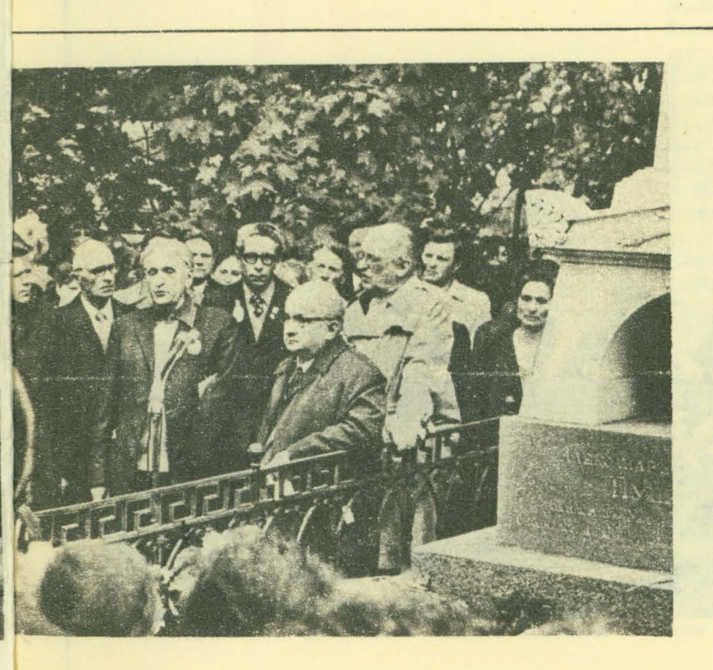
На встрече в Кремле.

5 июня по приглашению Президиума Верховного Совета СССР в Москву с официальным визитом прибыли Их Королевские Высочества Великий герцог люксембургский Жан и Великая герцогиня люксембургская Жозефина-Шарлотта. В тот же день в Кремле состоялась встреча Председателя Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорного с Его Королевским Высочеством Великим герцогом люксембургским Жаном, которого сопровождал председатель правительства, министр иностранных дел Люксембурга Г. Торн. Во время беседы, проходившей в дружественной обстановке, была выражена уверенность в том, что между Советским Союзом и Люксембургом будут и впредь развиваться традиционные отношения дружбы и сотрудничества на благо народов обеих стран и в интересах мира и разрядки в Европе.

6 июня в Кремле состоялась беседа члена Политбюро ЦК КПСС, Председателя Совета Министров СССР А. Н. Косыгина и члена Политбюро ЦК КПСС, министра иностранных дел СССР А. А. Громыко с председателем правительства, министром иностранных дел Люксембурга Г. Торном. В ходе беседы, проходившей в дружественной обстановке, с обеих сторон было подтверждено намерение и далее углублять советско-люксембургское сотрудничество во всех областях.

Перед началом беседы.
Фото А. Гостева.

ПОСЛЕ РЕФЕРЕНДУМА

Вадим НЕКРАСОВ

Комментарии по поводу состоявшегося 5 июня в Великобритании общенационального референдума, который должен был показать, хотят ли избиратели, чтобы страна и впредь оставалась членом «Общего рынка», почти неизменно сопровождались определением: первый в британской истории. Да, первый. Правящие классы Англии, любящие кичиться «демократизмом» ее государственной системы, всегда, как огня, боялись каких-либо форм прямого народного волеизъявления. Парламентаризм — это пожалуйста: раз в пять лет избиратели посылают в Вестминстерский дворец представителей той или иной партии, а там уж последние обязаны подчиняться отнюдь не наказу избирателей, а решениям своих политических руководителей. Но референдум, всенародный опрос? Независимо от его предмета и результатов, не создает ли он прецедент? И не станут ли массовые организации требовать проведения всенародных опросов всякий раз, когда на повестку дня будут ставиться острые политические проблемы? Так или примерно так рассуждали в верхах британского общества, не скрывая своих антипатий к этому политическому новшеству.

Тем не менее референдум состоялся. Ибо вопрос, требовавший ответа, стоял в центре внимания английской общественности. Это был вопрос о будущем месте и роли Великобритании в мировых делах, о направлении ее экономического развития. Быть ли ей членом замкнутой группировки — Европейского экономического сообщества (оно же «Общий рынок»)? Или остаться верной традициям («У Англии нет постоянных союзников и противников, у нее есть лишь постоянные интересы»,— говаривали в Лондоне XIX века), стремиться сохранить независимую роль в международных делах и оставить за собой право быть суверенным хозяином собственного экономического развития?

В ходе референдума около $^2/_3$ принявших участие высказалось за продолжение членства Англии в «Общем рынке». Тем самым они поддержали точку зрения руководства консервативной и либеральной партий и большинства руководителей лейбористской партии и лейбористского правительства.

Можно ли было предвидеть подобный исход референдума? В значительной степени да. В защиту британского членства в «Общем рынке» выступило не только руководство трех крупнейших политических партий, но и весь правительственный аппарат с его огромными возможностями. Пропаганду в пользу «Общего рынка» вел крупный бизнес во главе с его штаб-квартирой — Конфедерацией британской промышленности. Фактически вся ежедневная пресса, за исключением газеты коммунистов «Морнинг стар», изо дня в день на протяжении уже не одного года ратовала за участие в ЕЭС.

Итак, Великобритания остается в Европейском экономическом сообществе (ЕЭС) со всеми вытекающими отсюда последствиями. И лишь компьютеры в состоянии теперь продолжать игру, отвечая на вопрос: «Что было бы, если бы Англия покинула ЕЭС?» Участие в «Общем рынке» не сулит стране немедленного избавления от ее экономических бед. Число безработных как превышало до 5 июня миллион человек, так превышает и сегодня, причем в обозримом будущем не предвидится его существенного сокращения. Темпы инфляции, достигшие 25—30 процентов в год, сохраняют свою тенденцию к росту. Установления контроля над внешней торговлей, над экспортом капитала, над всей финансовой системой страны требует, по мнению многих английских экспертов, нынешнее кризисное состояние экономики. Но именно это-то и запрещается Лондону правилами участия в ЕЭС.

Характерная черта: даже ярые сторонники участия Англии в «Общем рынке» на последнем этапе кампании, предшествовавшей референдуму, были вынуждены признавать, что рекомендуемый ими выбор не способен сам по себе решить ни одной из текущих проблем страны. Тогда спрашивается: за что же они ратовали?

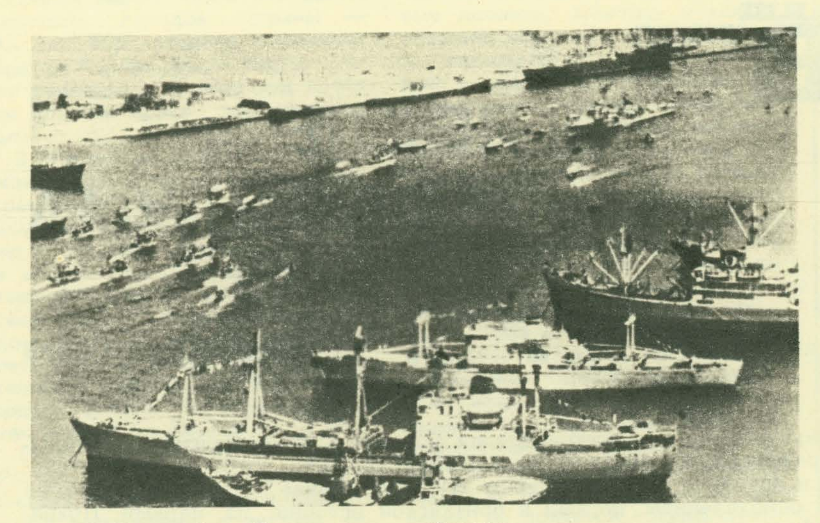
И тут выясняется, что определяющее место в их расчетах играли соображения политические. Как в области внутренней политики, так и внешней. Теперь многие суверенные вопросы внутренней жизни оказываются подконтрольными учреждениям, находящимся за пределами Британских островов. Ну, а уж органы «Общего рынка», где хозяйничают сегодня межнациональные корпорации, вовсе не будут склонны идти на уступки требованиям британских трудящихся. В области же внешней политики расчеты строятся на сколачивании западноевропейской политической группировки, в которой Лондон мог бы играть первую скрипку. Другое дело, позволят ли ему это Париж или Бонн. Но надеяться-то можно?..

Было бы, однако, далеким от истины считать, что кампания, которую столь энергично, хотя и в неблагоприятных для себя условиях вели противники «Общего рынка», оказалась безрезультатной. В ее ходе, как никогда в прошлом, сплотились представители демократических сил британского народа.

Вспоминается разговор в редакции леволейбористского еженедельника «Трибюн», состоявшийся несколько месяцев назад. «Даже если мы проиграем на референдуме,— говорили наши собеседники, готовившиеся в те дни к развертыванию кампании за выход Англии из ЕЭС,— мы не сложим оружия. Мы будем продолжать борьбу за наши цели в рамках «Общего рынка», и нашими союзниками будут мощные социалистические, коммунистические и иные народные организации в других странах ЕЭС, которые выступают за социальный прогресс».

Референдум прошел, но борьба прогрессивных сил английского народа продолжается с неослабевающей энергией.

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

«Голубой конвейер» Суэца снова в действии.

Фото ТАСС — АП.

на темы дня

СУЭЦКАЯ ДВЕРЬ

Виктор КУДРЯВЦЕВ

У входа в северный створ Суэцкого канала написано по-латыни «Apprire terram gentibus», что значит «Открыть землю людям». Построенный во второй половине прошлого века, канал стал своего рода «дверью» между Востоком и Западом, сократив мореходные трассы из Европы в Азию в три — пять раз. К. Маркс назвал его «великим путем на Восток». В результате израильской агрессии 1967 года «суэцкая дверь» была закрыта в течение восьми лет. Это привело к тому, что состояние мировых мореходных путей практически вернулось к тому положению, которое существовало в средние века: плавать из Европы в Азию приходилось, огибая мыс Доброй Надежды, как во времена Васко да Гамы.

Ныне Суэцкий канал вновь открыт для судоходства. Основные работы по расчистке его акватории закончены. Она полностью освобождена от взрывоопасных и крупных металлических предметов, затопленных кораблей и барж.

По просьбе правительства АРЕ советские моряки провели ответственные операции по разминированию Суэцкого канала.

Египетская администрация канала приняла решение о повышении тарифов за проход по нему торговых судов, груженных промышленными товарами. Они будут подняты на 100 процентов по сравнению с 1967 годом. Для судов, идущих порожняком, танкеров и судов с сырьевыми товарами повышение составит 90 процентов. Можно заметить, что таким образом развивающиеся страны, нефтедобывающие государства получат определенную льготу, поскольку именно они в первую очередь провозят сырьевые грузы и нефть.

В результате доходы от эксплуатации будут приносить Египту ежегодно приблизительно 450 миллионов долларов. Это в два раза больше того, что он получил в последний год перед закрытием канала.

Суэцкий канал — достояние египетского народа. Его национализация, проведенная под руководством Г. А. Насера, была важнейшим актом антиимпериалистической революции в Египте. Это вызвало яростную реакцию империалистических кругов. Народу Египта пришлось защищать свои справедливые права на обладание каналом в ходе борьбы с тройственной агрессией 1956 года и израильской агрессией 1967 года. В этой борьбе он опирался на поддержку Советского Союза.

Общеизвестно международное значение Суэцкого канала как важнейшего мореходного пути современности. Накануне его закрытия через канал проходило около одной шестой части мирового грузооборота.

Каковы же будут последствия возобновления деятельности Суэцкого канала?

Несмотря на очевидную выгоду для международного мореходства сокращения важнейших судоходных трасс, эти последствия отнюдь не однозначны. Дело в том, что восьмилетнее бездействие канала вызвало определенные структурные изменения в этой области. Ввиду значительного удлинения мореходных путей наиболее экономичными оказались крупнотоннажные суда. В результате выросло новое «поколение» супертанкеров грузоподъемностью в 250 тысяч тонн и выше. В Японии, например, строятся суда водоизмещением в 700 тысяч тонн и даже 1 миллион тонн. Для того, чтобы обслуживать новое поколение судов со значительно большим водоизмещением, потребуется углубление русла канала. Предполагают, что эти работы, которые уже планируются Египтом, займут несколько лет.

Другим последствием перекрытия канала был значительный рост стоимости фрахта, поскольку мореходные трассы удлинились. В результате крупные судовладельческие компании резко увеличили свои прибыли. Возобновление деятельности канала может повлечь за собой сокращение этих доходов, что, естественно, не приносит удовольствия владельцам судов.

Открытие Суэцкого канала вновь ставит на повестку дня и проблемы своего рода конкуренции, существовавшей между различными мореходными путями. Так, Компания Панамского канала пришла к выводу, что к 1977 году она будет ежегодно терять 10 миллионов долларов в виде сборов, которые будут поступать Суэцкому каналу. Руководители компании считают также, что уже в нынешнем году число судов, проходящих через этот канал, сократится на 60 процентов.

Зато морские страховые компании используют открытие Суэцкого канала для повышения тарифов на страхование следующих через него судов. Крупнейшая из них — компания «Ллойдс» — подняла стоимость такой страховки на 25 процентов под тем предлогом, что в акватории канала могут еще находиться взрывчатые вещества и что, таким образом, плавание по нему все еще небезопасно. Против этого возражал председатель правления администрации Суэцкого канала М. А. Машхур, подчеркнувший, что в таком повышении не было необходимости, поскольку канал полностью очищен и многократно проверен на безопасность движения судов.

В связи с открытием судоходства по каналу Израиль принял решение об отводе части израильских войск и вооружений с линии их нынешнего расположения на Синайском полуострове. Эта мера была широко разрекламирована как проявление «миролюбия» Тель-Авива и чуть ли не как «изменение в лучшую сторону» израильской позиции блокирования ближневосточного урегулирования. Однако действия Израиля представляют собой лишь маневр, призванный дезориентировать общественное мнение. В условиях продолжающейся оккупации Тель-Авивом основной части Синайского полуострова военная угроза Суэцкому каналу сохраняется. Кроме того, акция Израиля касается лишь египетского участка фронта. В ней проглядывает намерение попытаться возобновить сепаратный подход к ближневосточному урегулированию.

Мир и безопасность на берега Суэцкого канала, как и на весь Ближний Восток, могут прийти только в связи с общим решением кризиса на основе вывода израильских войск со всех захваченных арабских территорий и восстановления законных прав арабского народа Палестины.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЯКУТИЯ

4—5 июня в Москве состоялся очередной пленум правления Союза писателей Российской Федерации, посвященный якутской литературе. Современный литературный процесс в Якутии, его связи с общим развитием многонациональной советской литературы были глубоко рассмотрены в докладе председателя правления Союза писателей Якутской АССР С. Данилова и содокладе главного редактора журналов «Хотугу сулус» и «Полярная звезда» А. Егорова, в речах выступавших на пленуме.

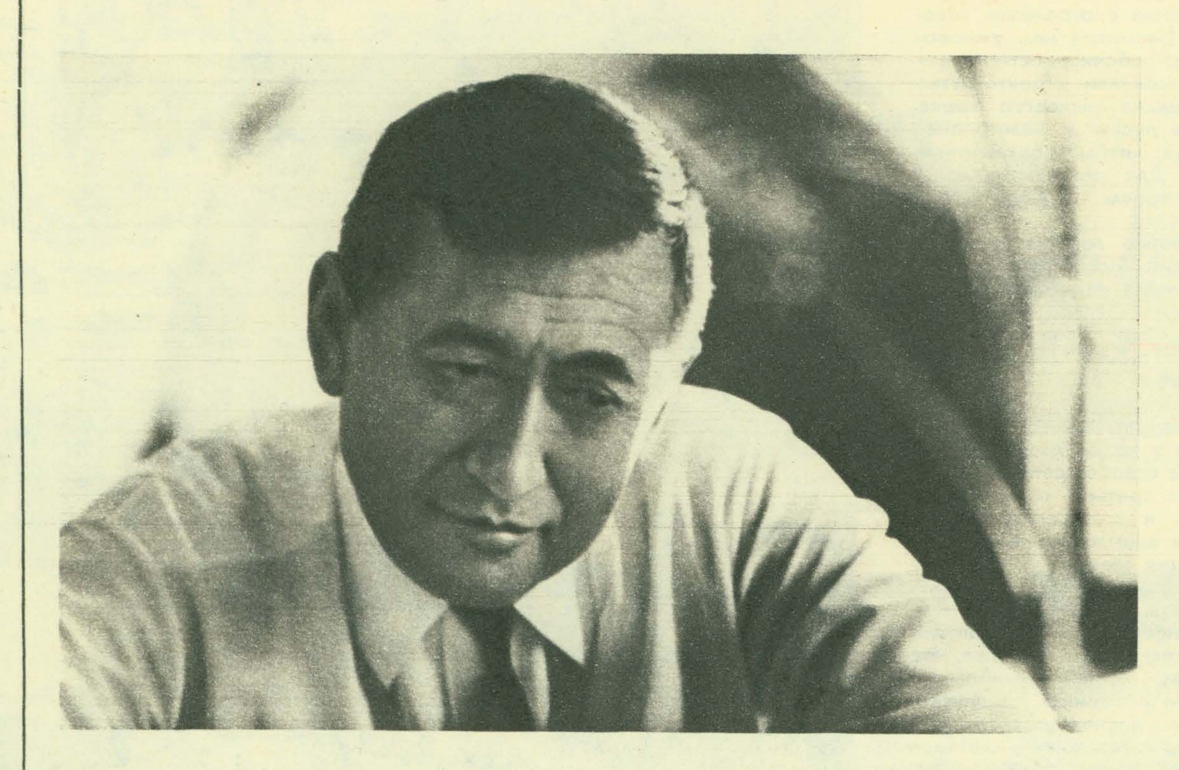
●

В президиуме пленума правления Союза писателей РСФСР.

Фото Г. Макарова.

СОЦВЕТИЕ СОВЕТСКОЙ НАУКИ

Академик А. С. САДЫКОВ,
Герой Социалистического Труда,
президент Узбекской Академии наук

Центральный Комитет КПСС принял постановление «О проведении юбилейной сессии Академии наук СССР, посвященной 250-летию ее основания».

250 лет — возраст солидный. Сегодня в составе академии сотни институтов и лабораторий. «География» советской науки расширяется с каждым днем. Научные учреждения созданы сейчас почти в шестидесяти городах страны — от Карелии до Сахалина, от берегов Северного Ледовитого океана до гор моей Средней Азии.

Все больше научных центров, работы которых известны во всем мире, наносится на карту: Дубна, Пущино, Ногинск, Обнинск, Красная Пахра... Созданы Башкирский, Дагестанский, Казанский, Коми, Карельский, Кольский филиалы Академии наук СССР. Тридцать шесть институтов с Бурятским, Восточно-Сибирским и Якутским филиалами объединяет Сибирское отделение Академии наук. Строятся корпуса мощных научных центров на Урале и Дальнем Востоке.

В соцветие советской науки наряду с филиалами «Большой академии» входят и Академии наук союзных республик. Создавались они в разное время, начиная с 1919 года, как Украинская, и кончая 1961-м — годом образования самой молодой Академии наук нашей страны — Молдавской.

Но есть в организации и развитии республиканских академий общая черта. Это постоянная забота Коммунистической партии и Советского правительства, огромная помощь русской науки, русских ученых.

В 1920 году декретом за подписью В. И. Ленина в Ташкенте был учрежден университет — первое высшее учебное заведение Средней Азии. В 1920-м! Вспомните, ведь неподалеку от Ташкента, в Бухаре, еще правил эмир; в Крыму хозяйничал барон Врангель; не был взят Спасск; не одержана еще победа под Волочаевкой. Да, еще не кончилась гражданская война, а Владимир Ильич Ленин, Коммунистическая партия уже делали первые шаги по созданию науки в самых отсталых областях страны.

Вьюжным февралем 1920 года из Москвы ушел в Ташкент военно-санитарный поезд. В стране свирепствовал сыпняк, не хватало продовольствия и топлива. Когда дрова в топке паровоза кончались и поезд останавливался среди бесчисленных перегонов, по вагонам шел клич: «Товарищи ученые, выгружайтесь, надо запастись дровами».

Ровно пятьдесят два дня шел в Ташкент этот поезд науки. Из Москвы, Петрограда и других городов России приехало в Ташкент 86 профессоров и преподавателей. Вместе с ними прибыли лабораторное оборудование, учебники, библиотека. Это был первый «посев»... А вот и богатая «жатва»: сегодня в научно-исследовательских институтах и вузах Узбекистана трудятся свыше 27 тысяч научных сотрудников! В составе Узбекской Академии наук 106 академиков и членов-корреспондентов. И все они сыновья, дочери, а теперь уже и внуки батраков, бедных дехкан, рабочих. И среди них я, химик — сын сапожника...

Мы гордимся, что среди ученых — лауреатов Ленинской премии есть имена сотрудников Узбекской Академии наук. Их работы по праву вошли в сокровищницу советской науки. Достаточно назвать исследования члена-корреспондента Академии наук СССР Х. М. Абдуллаева, связанные с прогнозом поиска полезных ископаемых; академиков АН Узбекистана И. Х. Хамрабаева, теоретически обосновавшего наличие цветных металлов в республике; известного биохимика Я. Х. Туракулова; поэта и литературоведа Гафура Гуляма.

Вот что значил для развития узбекской науки декрет вождя революции Владимира Ильича Ленина о создании первого высшего учебного заведения Средней Азии — Ташкентского университета!

В дни, когда подводишь какие-то итоги, невольно вспоминаешь своих учителей. Мне выпало счастье учиться у профессора А. П. Орехова, всемирно известного ученого в области химии алкалоидов. Каждый, кто знал Александра Павловича, кто учился у него, никогда не забудет этого удивительного человека, не забудет его лаборатории в Москве на Зубовском бульваре, где помещался Научно-исследовательский химико-фармацевтический институт.

И сегодня я помню радушную квартиру Александра Павловича, где мы, студенты, приехавшие в Москву из разных уголков страны, нашли родной дом. Мы пользовались книгами из его библиотеки, засиживались до ночи у него в кабинете, жадно впитывая каждое слово учителя. Он давал не только большую сумму знаний, он учил нас главному в науке — гуманизму.

«Что надо студенту? — часто, посмеиваясь, говорил он жене, знакомя ее с очередным учеником из Средней Азии, Кавказа или Сибири. — Его надо учить и кормить. Вот и будем его учить и кормить вместе». Представляете заботы его супруги, которая кормила нашу голодную энергичную ораву? А ведь в тридцатые годы жизнь в Москве была очень трудной. Я часто рассказываю своим ученикам, студентам Ташкентского государственного университета, об Александре Павловиче Орехове.

Наши учителя... Наши ученики... Советская наука сегодня молода, как никогда. Молодые талантливые исследователи включаются в самые трудные области. Они исследуют земные недра и космические лучи, проникают в атом, строят машины, создание которых казалось еще вчера несбыточной фантастикой.

Под Ташкентом возник сейчас научный городок — Улугбек, где работает крупнейший в Средней Азии Институт ядерной физики. На базе атомного реактора ведут исследования не только физики, но и химики, медики, биологи. Основной состав работающих здесь ученых — молодежь. Ведь именно перед молодежью наука открывает широкое поле деятельности, и никогда нельзя будет сказать, что все в науке уже открыто... Научный прогресс должен всегда содействовать счастью человечества.

Свою лепту в этот прогресс вносят ученые всей нашей огромной страны, имя которой — Союз Советских Социалистических Республик.

навстречу урожаю

МОЛОДОСТЬ РОСТСЕЛЬМАША

Михаил АНДРИАСОВ
Фото Н. КОЗЛОВСКОГО.

Этому гигантскому предприятию идет пятый десяток. Его начали строить, когда Советской власти было десять лет. Ростсельмаш — один из первенцев первой пятилетки. С простейших уборочных машин — косилок, сноповязалок, крестьянских ходо́в — начал он свою жизнь в тридцать первом году. В том же 1931 году большой друг Советского Союза Поль Вайян-Кутюрье, побывавший на молодом заводе, писал в «Юманите»:

«Сельмашстрой!

Сельмашстрой — великий арсенал колхозов и совхозов...— это рождающийся гигант.

...Сельмашстрой вырос в степи, у врат Ростова, социалистическим темпом. Большой город возник одновременно с огромным заводом, за четыре года. Несмотря на... ужасающие трудности работы, рабочие достигли цели. Более того, они закончили строительство на восемь месяцев раньше планового срока. Там, где раньше была пустая и безотрадная степь, выросли деревья, клубы, монументальные строения и цехи. Для детального ознакомления с Сельмашстроем необходим месяц».

Это Поль Вайян-Кутюрье говорил о предприятии, которое только-только становилось на ноги, хотя уже и тогда подобного завода мир не знал.

Заводу, если считать с той поры, как его начали строить, почти пятьдесят лет. Но Ростсельмаш всегда называют молодым. Почему? Потому, что он всегда молод, непрерывно обновляется. О нем говорят, что он рожден трижды. В первый раз в конце двадцатых годов, во второй — после освобождения Ростова от фашистов, в сорок третьем году, в третий — в шестидесятые и семидесятые годы, когда началась и ныне еще продолжается генеральная реконструкция завода.

Ростсельмаш еще только возводился, а наши недруги за рубежом иронически посмеивались, не верили в способность большевиков создать гигантское, технически совершенное предприятие. Но нам верили зарубежные братья-рабочие. Как не вспомнить предпусковой 1930 год, когда шли последние строительные работы. Однажды такелажники, вынимая из ящиков огнеупорный кирпич, нашли сверток, в котором находилось небольшое письмо. На клочке серой бумаги было написано по-немецки: «Мы, рабочие фирмы «Краузе» в гор. Визен, желаем вам, а также нашей крепости — ВКП(б) — победы и успеха. У вас счастливое будущее. Шлем вам лучшие пожелания и обнимаем вас. Если возможно, товарищи, получить от вас известие, мы будем очень рады.

Рабочие кирпичного завода: Пауль Бенцлер, Иоганн Штайгер, Пауль Розенберг. Саксония. Визен».

Где они теперь, авторы этого письма? Живы? Может быть, откликнутся?

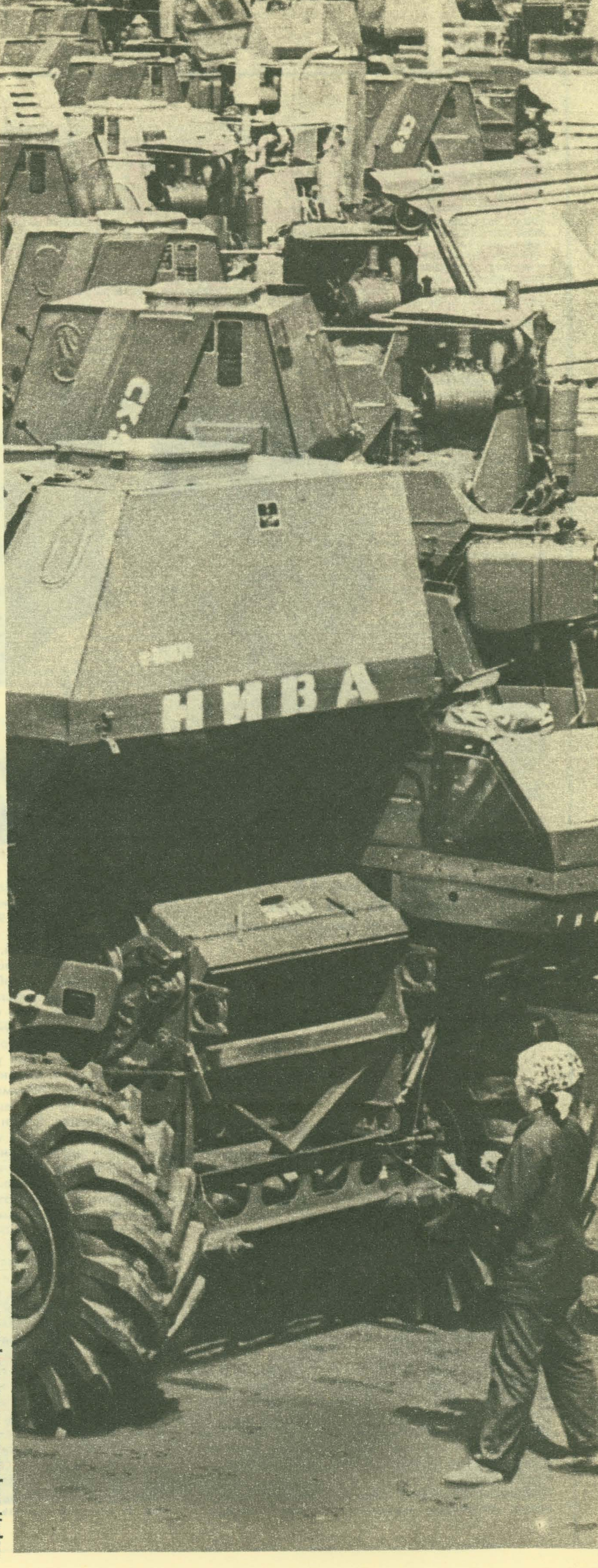
Ростсельмашевцы оправдали надежды своих братьев по классу.

Как далеко шагнул с тех пор Ростсельмаш! В одном лишь новом, только что отстроенном кузнечно-прессовом корпусе может вместиться десять больших цехов!

Молодость! Она всегда была присуща заводу. «Выполним досрочно! Дадим сверх плана!» — это девиз ростсельмашевцев. Так было. Так есть. Коллектив Ростсельмаша взял обязательство к тридцатилетию Победы выпустить сверх плана 85 комбайнов. Оно перевыполнено — 180. То, что еще несколько месяцев назад было рекордом — 200, 202 и более комбайнов,— теперь стало ежедневной нормой.

Из чего складываются трудовые успехи коллектива? Из тех высот, на которые выходят бригады, участки, цехи.

Есть в первом механосборочном цехе комсомольско-молодежная бригада, которой руководит опытный мастер, ветеран завода, коммунист Григорий Мухин. Подтянутый, всегда собранный, волевой человек, он из тех, кто обдуманно, смело берет на себя ответственность за решение сложных задач. Убежденность — вот, пожалуй, главный аргумент, который движет им. Это творчески мыслящий руководитель. В отношениях между членами бригады царят дружелюбие и дисциплина.

Перед отправкой на поля страны.

В начале девятой пятилетки бригада Мухина взяла обязательство выполнить свою пятилетку за четыре года. И выполнила. За три года и десять месяцев.

Девятнадцатого апреля, в красную субботу, в шесть часов утра, возле проходной Ростсельмаша состоялся короткий общезаводской митинг. Через час, в семь утра, срочно собралось бюро парткома завода. Рассматривались только что принятые бригадой Мухина обязательства: начиная с субботника, с 19 апреля, бригада становится на трудовую вахту имени XXV съезда КПСС и к открытию съезда партии выпустит сверхплановой продукции на 280 тысяч рублей. И еще, работать так, чтобы все выпускаемые бригадой детали аттестовались на заводской Знак качества.

На заводе не сомневаются: комсомольско-молодежная бригада выполнит свое слово. Для этой уверенности есть основания. Все рабочие — многостаночники. Зина Еременко — партгрупорг, надежный помощник Мухина, его правая рука. Работниц Анну Березовскую, Зинаиду Любимову, Антонину Мыкитенко, групкомсорга Галину Никифорову и других здесь знают, как умелых, квалифицированных тружениц, хозяев своего слова.

В начале семьдесят первого года тридцать рабочих бригады обслуживали 60 станков и 60 процентов продукции сдавали с первого предъявления. А к концу октября 1974 года 36 рабочих уже обслуживали 104 станка и 98 процентов продукции сдавали с первого предъявления. За 1971 год производительность труда выросла на 9 процентов, а за десять месяцев 1974 года она составила двенадцать с половиной процентов.

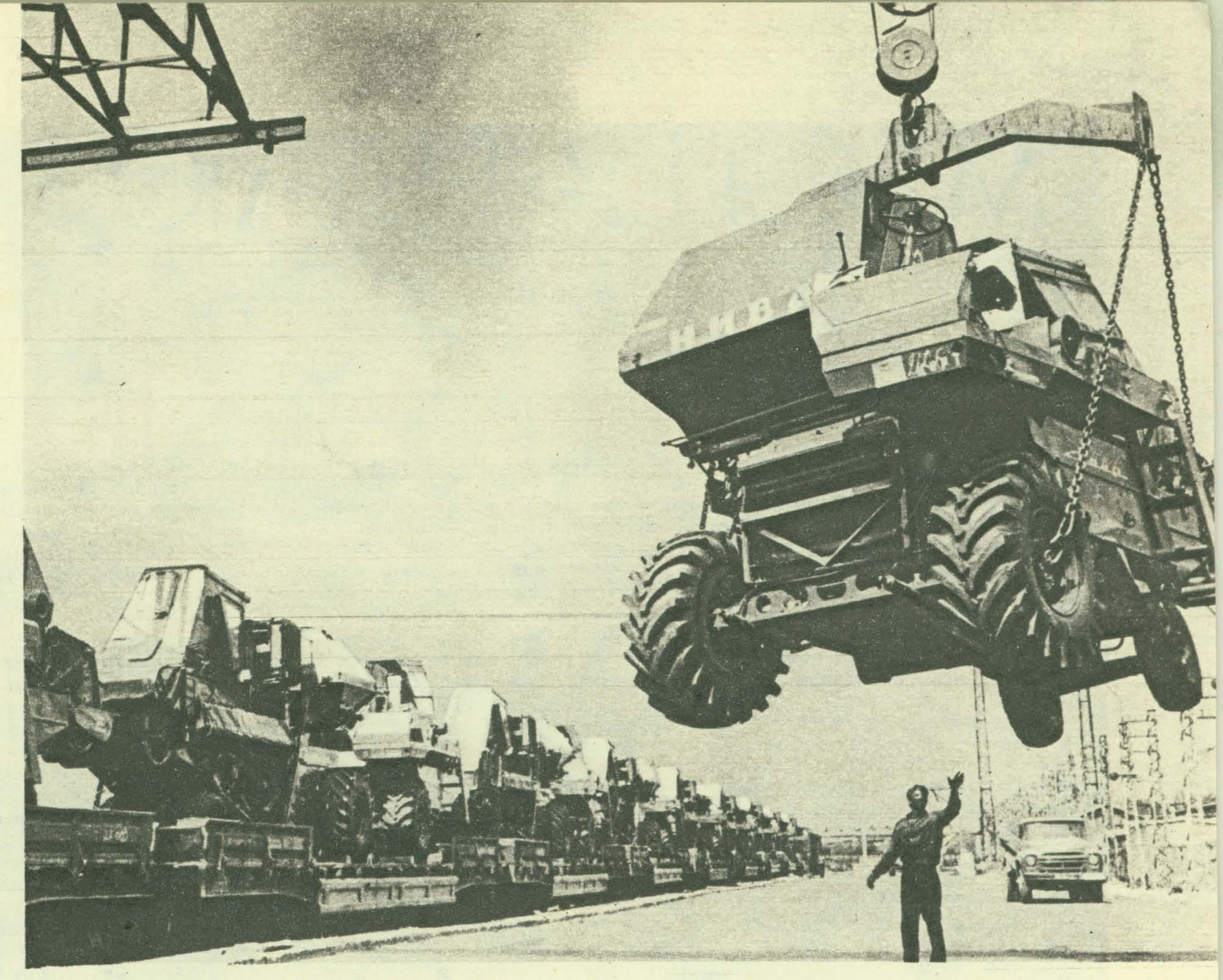
Коллектив Ростсельмаша — это десятки тысяч рабочих и специалистов. Больше половины коллектива — молодежь. Девушки и юноши из всех союзных республик по комсомольским путевкам участвуют в генеральной реконструкции завода. Ростсельмаш — Всесоюзная ударная комсомольская стройка. О ее масштабах убедительно свидетельствует красноречивая цифра: в общежитиях завода сейчас тринадцать тысяч молодых ростсельмашевцев.

Как они живут, каковы их планы, заботы, надежды? Об этом рассказывает сварщик Наби Магомедов:

— Я дагестанец. Мои друзья тоже приехали сюда из разных районов страны. Наставник мой по сварочному делу Юра Акташев из Белоруссии, сварщик Ромас Даугинас из Латвии, Зина Зулурова из Таджикистана, Галя Насеня и Юра Николаев — из Эстонии. Коллектив помог мне стать квалифицированным сварщиком, освоить специальности фрезеровщика и токаря. Меня избрали комсоргом смены. А как выросли ребята! Спокойно, красиво работает Юра Николаев. За двоих. Выполняет две операции... Наши девушки Зина Зулурова, Надя Морозова и Галя Насеня втроем управляются за четырех. Привыкли друг к другу, к заводу. Работаем, учимся, занимаемся спортом, ходим на концерты, в кино, любим книги. Юра Акташев заканчивает 11-й класс вечерней школы. В апреле его приняли кандидатом в члены партии. Какая была радость для всей бригады! Я прекрасно понимал волнение Юры. Сам пережил это незабываемое событие... В общем, живем, как одна семья. Вот почему, когда у наших ребят закончился срок комсомольских путевок, мы решили остаться на заводе. Ростсельмаш стал для нас родным домом...

Растут люди. Растет завод. Неузнаваемо выросли поселки, в которых живут ростсельмашевцы. Рабочие городки связывает широкий, красивый проспект, получивший имя завода,— проспект Сельмаш. Его украшают новые девятиэтажные жилые дома. Тысячи ростсельмашевцев — создателей степных кораблей — в годы нынешней пятилетки справили новоселье. Из шестнадцати новых домов, построенных в прошлом году, двенадцать принадлежат сборщикам «Нивы».

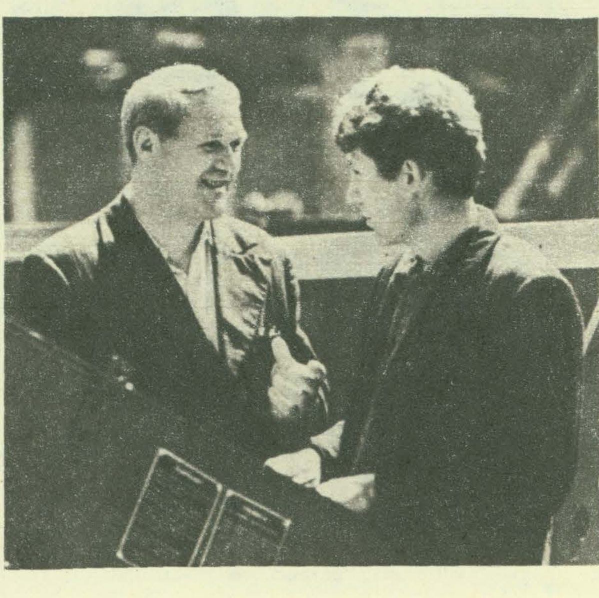
Дома наступают на степь, на ближайшие пригорки и балки, на древние курганы... Ни на час не смолкают строительные механизмы. До конца года вырастут еще шестнадцать жилых домов. В пяти из них разместятся новые молодежные общежития. Открываются новые большие магазины, на улицах и площадях установлены сотни новых светильников, про-

Идет погрузка «Нивы».

Секретарь парткома завода М. П. Бойко беседует с молодыми рабочими.

Заместитель начальника сборочного цеха Д. П. Белецкий и начальник смены А. В. Арзамасцев.

МАСТЕР ИЛЛЮСТРАЦИИ

Ольга НЕМИРОВСКАЯ

Удивительная это способность — вживаться в мир литературы, чувствовать в пластике образы разных эпох и стран. Она требует, наверное, повышенной восприимчивости, которая и составляет особый дар иллюстратора-графика. Им свободно владеет Петр Пинкисевич, художник, имя которого хорошо известно не только читателям «Огонька». Своеобразие взгляда на все, что он берется иллюстрировать, можно ощутить в его рисунках к «Дыму отечества» Паустовского, к «Альпийской балладе» Быкова, к произведениям Леонова, рассказам Кожевникова, Бондарева, Солоухина. Его манера, язык графических листов всегда узнаваемы, потому что у этого мастера свое отношение к литературному произведению, к его стилевым и смысловым особенностям.

Александр Бенуа справедливо замечал, что «иллюстрации служат уяснению текста — в том смысле, что художник, обладающий более ярким и чутким воображением (на то он и художник), а иногда и более строгим и пытливым отношением к данной теме, делится возникшими при чтении образами и способствует более сильному воздействию их на воображение, более прочному утверждению их в памяти».

Заостряя внимание на самом основном, существенном и типичном, что есть в характере, П. Пинкисевич выделяет главное и показывает его крупным планом, объемно, выпукло, почти монументально. Без лишней дробности, стремительными, полными экспрессии и движения линиями, цветовыми акцентами, лаконичной, выразительной композицией он воссоздает в акварелях, гуашах, рисунках пером образы и события, рожденные писательской фантазией,— яркие личности, драматические ситуации, осмысленные и представленные нашим современником. Отсюда возникает гражданский взгляд художника на мир, позволяющий одинаково остро воспринимать и по-своему преломлять творческие манеры мастеров слова, зачастую отдаленных друг от друга веками и континентами.

Тот, кто откроет иллюстрированный Пинкисевичем томик Чехова, или «Угрюм-реку», рассказы Брет Гарта или «Отверженные», почувствует тонкий нерв чеховской прозы, сильные, крутые сибирские характеры героев Шишкова, запомнит колоритные фигуры калифорнийских золотоискателей, трагические судьбы персонажей Гюго.

На днях художнику исполнилось пятьдесят лет. Кроме постоянной работы в журнале, он сделал серии рисунков к литературным приложениям «Огонька» — собраниям сочинений Тургенева и Драйзера, Куприна, Уэллса и Синклера Льюиса, Мамина-Сибиряка, Голсуорси и Доде. С его иллюстрациями вышли в свет произведения М. Шолохова, Л. Леонова, Л. Сейфуллиной, О. Гончара, С. Сартакова, В. Лациса, А. Зегерс. Для Библиотеки Всемирной литературы он сделал рисунки к «Мартину Идену» и рассказам Джека Лондона, к «Шпиону» Фенимора Купера, к произведению румынского писателя Михаила Садовяну «Митря Кокор». Юные читатели знакомятся с творчеством художника по книгам, изданным «Детской литературой».

Неистощимая изобретательность, работоспособность, неутомимость — эти качества Петра Пинкисевича отмечал Николай Николаевич Жуков, народный художник СССР. Работу художника в газете или журнале, говорил он, можно представить как круглосуточную вахту, когда в любую минуту надо быть готовым к неожиданностям и выполнить задание сразу, иногда в невозможно короткое время. Жуков, почти тридцать лет руководивший Студией военных художников имени М. Б. Грекова, сравнивал мастерство Пинкисевича с меткостью снайпера и восхищался точностью его попадания.

Во время войны, закончив артиллерийское училище, будущий художник командовал взводом в истребительной противотанковой батарее, был ранен при форсировании Вислы. После Победы молодой офицер, получивший к началу войны художественное образование, становится студийцем-грековцем. Прославляя героизм и мужество советских воинов, он работает над графической серией «Сталинградская битва», циклом автолитографий, посвященных освобождению Новороссийска, пишет живописные полотна «Оборона Севастополя».

Первый рисунок П. Пинкисевича в «Огоньке», сопровождавший рассказ Якуба Коласа, был опубликован в начале 1953 года. С тех пор более двух десятилетий в советской графике существует и развивается многообразный художественный мир, созданный этим мастером, мир пластического богатства, выразительных ритмов, звучной красочности цветных листов. Обостренное чувство социальных конфликтов, вдохновенность и колористическая напряженность рисунков, даже то, что́ Пинкисевич выбирает в качестве сюжетов и тем для своих иллюстраций, свидетельствуют о его вкусе, наблюдательности, о своеобразном и точном понимании психологии и среды, в которой действуют герои.

Высокое признание мастерства и уважение к иллюстратору книги начинаются, пожалуй, в тот момент, когда писатель, чей роман, рассказ или повесть готовится к публикации, обращается к художнику с просьбой сделать рисунки. Это значит, что он спокойно может поручить ему свое детище.

Заслуженный художник РСФСР Петр Наумович Пинкисевич как раз тот мастер, которому писатели доверяют.

кладываются километры водопроводных, газовых линий, высажены десятки тысяч деревьев, кустарников, алеют газоны, зовут к себе людей зеленые скверы. Рабочие поселки превращаются в огромные парки...

В старом заводском саду сами рабочие и инженерно-технические работники строят большой бассейн международного класса, с пятидесятиметровой дорожкой.

Построена новая грязелечебница...

Да, по-иному выглядят поселки ростсельмашевцев, иными стали и заводские цеха. Не раз бывал я раньше в сборочном. Теперь этот цех трудно узнать. Намного лучше стали условия работы. Цех основательно расширен, словно раздался в плечах, приподнял свою огромную крышу, задышал полной грудью... Увеличился приток свежего воздуха, повсюду чистота, невольно обращаешь внимание на аккуратную рабочую одежду комбайностроителей. И на то, что и самих-то комбайностроителей будто стало меньше... Но это только первое впечатление. Оно оттого, что в цехе просторно, рабочие места расширились и комбайностроители чувствуют себя вольготнее...

Дмитрий Петрович Белецкий еще недавно был начальником смены. Коммунист, он так организовал работу, что его смена вскоре стала одной из лучших на заводе. Белецкого наградили орденом Ленина, он назначен заместителем начальника сборочного цеха. Инициативный и деятельный, он вместе с коллективом успешно ищет и находит новые резервы для качественного улучшения «Нивы».

— Мы организовали в цехе лабораторию ресурсных испытаний,— рассказывает Дмитрий Петрович.— Это новое, очень полезное и нужное дело. В лаборатории предварительно испытываются отдельные узлы комбайна. Обнаруженные недостатки помогают успешнее бороться за техническое совершенствование хлебоуборочных машин. С этой целью в цехе установлен и так называемый стенд для испытания уже собранной «Нивы». На этом стенде машина прокручивается в течение четырехсот часов. Все это благотворно сказывается на качестве.

На заводе остро ощущают темп жизни на полях страны. Недавно в сборочном цехе рабочие торжественно передали двадцать два новых комбайна «Нива» лучшим механизаторам Дона — гвардейцам жатвы 1974 года. И все именные. На борту степных кораблей фамилии комбайнеров. Вот эти славные имена: Герой Социалистического Труда комбайнер колхоза имени Кирова, Егорлыкского района, Ф. Парфиненко, Александр Андреевич Котов из совхоза «Роговский», того же района, Герой Социалистического Труда П. Костюхин из зерносовхоза «Веселовский», Багаевского района, знатный комбайнер из колхоза «Рассвет», Родионово-Несветайского района, Александр Реука, известные на Дону механизаторы С. Айдинян, А. Канищев, Г. Кучеренко, П. Комаров, Н. Бурдина...

Напутствуемые добрыми пожеланиями ростсельмашевцев гвардейцы жатвы повели сверкающие алой краской машины по заводскому двору, а потом по улицам и проспектам Ростова. Повели их туда, где предстоит битва за жатву 1975 года.

На Ростсельмаше идет обмен комсомольских документов. В день рождения Владимира Ильича Ленина в сборочный цех приехал первый секретарь Ростовского обкома КПСС Герой Социалистического Труда Иван Афанасьевич Бондаренко. Он вручил билеты нового образца девушкам и юношам комсомольско-молодежной бригады мастера Владимира Назарца: слесарям-сборщикам Фаине Красновой, Валентине Овсянниковой, Ивану Балабаю, Галине Пайко, Владимиру Метилю, Людмиле Суровой... Получил новый билет и сам мастер, руководитель бригады Владимир Назарец.

...Комсомольцам Ростсельмаша есть у кого учиться. На заводской аллее, возле стальцеха, стоит памятник легендарному герою штурма рейхстага Алексею Бересту. Он вместе с Кантария и Егоровым водружал на куполе поверженного рейхстага Знамя Победы. Бюст Героя отлили ростсельмашевские сталевары. Они трудились рядом с ним.

Герои Победы, их наследники стали героями труда. Душевно говорит о них секретарь парткома завода, опытный партийный работник, испытанный наставник молодежи Михаил Петрович Бойко:

— Сердца ростсельмашевцев принадлежали и принадлежат родному народу, родной партии. Тысячи и тысячи наших тружеников уже стали на трудовую вахту в честь предстоящего XXV съезда КПСС. Идет последняя весна девятой пятилетки. Главная задача завода — обеспечить жатву 1975 года новыми «Нивами». В прошлом году в уборке урожая на полях Советской страны участвовало более сорока тысяч «Нив». В нынешнее лето на поля выйдет свыше восьмидесяти тысяч наших новых донских степных кораблей. Шестьдесят тысяч из них уже в строю. Ростсельмашевцы сделают все, что от них требуется, для успеха в предстоящей всенародной жатве.

П. Пинкисевич. ИЛЛЮСТРАЦИЯ К РАССКАЗУ А. П. ЧЕХОВА «В АПТЕКЕ».

П. Пинкисевич. ИЛЛЮСТРАЦИИ К ПРОИЗВЕДЕНИЯМ В. Я. ШИШКОВА.

РАССТОЯНИЕ В 30 ЛЕТ

Новелла ИВАНОВА,
специальный корреспондент «Огонька»

Фото X. КРЮГЕРА («Фрайе Вельт»).

Они прилетели из Москвы в Берлин последним ночным рейсом. Восемь мужчин и одна женщина. Спускаясь по трапу, никто из них не искал в толпе встречавших знакомых. Да и откуда им тут быть! Почти все они расстались с этим городом тридцать лет назад. Разве думалось тогда, что они снова сюда вернутся? И вдруг: «Наши приехали!» Незнакомые люди обнимают, дарят цветы, улыбаются.

— Здравствуйте, политрук Бобров! А вы, наверное, Махмудов?

— Нет, я Халилов, а вы?

— Иоахим Уманн, главный редактор журнала «Фрайе Вельт».

У аэропорта прибывших ожидал «Икарус». На переднем стекле эмблемы «Фрайе Вельт» и «Огонька» — двух дружественных журналов, которые организовали поездку в ГДР участников мирного митинга в Берлине 2 мая 1945 года. Почти полгода «Огонек» вел поиск советских воинов, тех, кто был на этом митинге. Девять из них получили приглашение в Берлин. Автобус плавно трогается с места. Приезжие приникли к окнам, всматриваясь в темноту. Впереди — Берлин... Каким он стал, этот город? Что за люди живут здесь теперь? Что помнят они? И что позабыли?

ТОГДА И ТЕПЕРЬ

Говорят, память способна вернуть человеку мгновение молодости. Это правда: вдруг почудилось, будто им теперь столько лет, сколько было тогда, в мае незабываемого сорок пятого. Самой младшей исполнилось семнадцать, и звали эту отчаянную, бесстрашную девчонку-связистку Надюша Радченко.

— До войны мы жили под Харьковом,— вспоминает она.— Отец, директор МТС, ушел на фронт в первый же день, потом погиб в партизанах. Ушла в армию сестра Вера. Кинулась и я в военкомат: «Возьмите меня на войну!» — «Мала еще!». Я в слезы: «Все одно убегу на фронт!» Упросила, отправили в школу связи. Через полгода в звании младшего сержанта попала в бой, мне не было тогда пятнадцати. Так и дошла до Берлина, все время на передовой. Я воевала в 350-й стрелковой дивизии. Кричу, бывало, в трубку полевого телефона под артобстрелом: «Я — «Роза»! Пришлите срочно 200 огурцов», снарядов, значит. Три раза ранена, семь раз награждена. И как только я жива осталась? А вот маму мою за то, что вся семья наша воевала, фашисты в саду повесили на яблоньке, под которой мы с Верой в куклы играли...

У Нади уже давно другая фамилия. Бригадир маляров Надежда Тимофеевна Царькова живет теперь в Узбекистане, в городе Карши, и растет у нее внучек Валерик. А у самого старшего среди них, 76-летнего Тимофея Николаевича Балтыжакова, уже десять внуков. Аркаша живет с дедом в Абакане и наказал ему непременно привезти из Берлина адреса немецких мальчиков и девочек, чтобы наладить в своем пятом классе переписку с ребятами из ГДР.

Первый визит в редакцию «Фрайе Вельт». На стене снимок Евгения Халдея — митинг у Бранденбургских ворот 2 мая 1945 года. Ветераны подходят друг за другом к фотографии и отмечают карандашом: «Вот я!» Капитан милиции из Еревана Амаяк Абовян задержался у фотографии дольше остальных: «Это Исраелян Жора, а это — Еранос Арутюнян, ребята из моего пулеметного расчета». Их было пятеро, восемнадцатилетних парней из одного района. Когда их призвали, война шла к концу. Ребят направили в пехотное училище, но они добились своего и попали на фронт, в Берлин. В ночь на 2 мая двое из них были ранены.

— Бой мы продолжали втроем, а утром узнали — капитуляция! Командир роты дал нам первое мирное задание: «Ломайте, ребята, двери магазинов и раздавайте жителям еду!» Нашему расчету «достался» мясной магазин. Встал я за прилавок и весь день рубил мясо, а друзья мои раздавали его людям.

Берлин в мае сорок пятого. Каким остался он в памяти?

БОРОДУЛИН И. А., РАЗВЕДЧИК, ПОЛНЫЙ КАВАЛЕР ОРДЕНА СЛАВЫ:

«Детишки. Вот кого жалко было! Голодные, окружали они походные кухни, кто с миской, кто с чашкой. Помню, наш повар накладывает еду, приговаривает: «Подходи, ребятки, не робей, поправляйся с русской каши!»

ХАЛИЛОВ У. А., РЯДОВОЙ, САНИНСТРУКТОР:

«Нашу санитарную роту разместили в школе. Что делали? Оказывали помощь и пострадавшему мирному населению, а также раненым немецким солдатам. Понятное дело, пришлось мне вместе со всеми расчищать улицы от развалин, восстанавливать электросеть, водопровод...»

КАТЫШЕВ В. Н., КОМБАТ 1010-ГО СТРЕЛКОВОГО ПОЛКА, НАГРАЖДЕННЫЙ ЗА ШТУРМ БЕРЛИНА ОРДЕНОМ ЛЕНИНА:

«Вот письмо, которое я написал в Берлине в мае сорок пятого домой, в село Борское: «Сегодня получил первый за годы войны выходной и долго гулял по центру Берлина. Кое-где уже расчищены улицы, по ним мчатся русские машины с красными флажками. Цветут каштаны...»

Берлин в мае семьдесят пятого... Первая прогулка. Сначала, конечно, к Бранденбургским воротам. На фоне синего неба развевается флаг Германской Демократической Республики. Это граница. Граница между миром социализма и капитализма.

Кажется, будто кадры много раз виденного кинофильма вновь проходят чередой перед каждым из них. «А помнишь, Ваня, тут была баррикада из трамваев? Мы вышли вон из той улочки и попали под обстрел...» — «...Взял я и полез на самый верх — хотелось коней рассмотреть поближе. Рана открылась на голове, боль была страшная, но добрался все-таки!» Полковник Мехти Махмудов, в прошлом командир артиллерийского полка, засучил рукав: «Вот шрам от ранения, которое я получил на этом самом месте второго мая».

«Икарус» медленно проезжает по Карл-Маркс-аллее, мимо площади Ленина, к знаменитому Алексу, главной площади города, и останавливается. Здесь ветеранов ждет группа берлинских школьников. Высокий кудрявый мальчик в очках представляет своих товарищей: «Мы — из Клуба юных историков и собираем материалы об освобождении нашей страны от фашизма». «Историков» вмиг расхватали, и сразу же завязался оживленный разговор.

«Остановите автобус, я узнал эту церковь и это место!» — Капитан милиции Абовян, позабыв о правилах движения, выбегает на мостовую. За ним все остальные. «Вот тут стоял наш пулеметный расчет,— возбужденно показывает он на здание,— у этой стены ранило Марлена Хачикяна...» Он достает бережно склеенный на сгибах листок газеты «На боевом посту». «Вот, почитайте об этом, юные историки!» «А ратуша далеко отсюда?» — спрашивает у ребят бывший разведчик, а ныне начальник геологической изыскательской экспедиции Л. М. Онищенко. Орден Красной Звезды он получил за то, что поднял на ратуше Красное знамя.

...Он узнал ее сразу и разом вспомнил все. Черный дым окутывал высокую башню — горели дома, стоявшие напротив. Ему дали знамя и сказали: «Нам очень нужна эта башня! Возьмем ее — втрое больше уцелеет наших солдат». Не подпуская к ратуше, из подвала били фашистские пулеметы. Вместе с Григорием Конопка и Михаилом Коротковым Онищенко пробрался через подземный ход. Проскочили пулеметную очередь и вместе с пехотинцами на рассвете ворвались во двор ратуши. Бой за первый и второй этажи продолжался до вечера. Погиб Гриша. Уже на подступах к третьему этажу ранило Леонида. Теряя силы, он взобрался на подоконник и развернул алое полотнище.

Высокий кудрявый мальчик в очках торопливо записывает.

— А дальше, что было дальше?

— Очнулся я в комнате, туда затащил меня наш сержант: «Держись, я отобьюсь и вернусь за тобой». Убежал, а мне нестерпимо пить захотелось. Пополз через комнату, вижу, сидит женщина молодая и мальчик лет пяти. «Пить, дайте пить!» Они не понимают, смотрят в страхе. Я снова пополз, и тут мальчонка ко мне в ноги кинулся: «Нихт шиссен, битте нихт шиссен!» Все во мне так и перевернулось: бедный ты несмышленыш, запуганный подлецами! Ты просишь не убивать тебя, а сколько раз мы, советские солдаты, спасали немецких малышей, прикрывая их собой от пули и вытаскивая из горящих домов!

Он помолчал, оглядел посерьезневшие лица юных берлинцев и закончил:

— Тому малышу теперь уже лет тридцать пять, и, наверное, у него есть сын или дочка. Они ваши ровесники, ребята...

ГЛАВНОЕ ЧУДО

У ворот Бранденбургских
Тишина, тишина.
Многих юношей русских
Не дождалась страна...

Девочка читала стихотворение по-русски. Здесь, в школе номер два района Берлин-Центр, как и во многих школах республики, русский учат с третьего класса. Бывший командир артиллерийского полка и бывший санинструктор пришли сюда на урок обществоведения. Девочка в синей блузе Союза свободной немецкой молодежи вышла на середину класса:

— Спасибо вам, бывшим воинам, за то, что мы, молодое поколение, получили возможность жить по-новому! Мы знаем — первый хлеб наша страна получила из СССР и первый трактор тоже. Мы стараемся хорошо учить русский, потому что в этом видим свой классовый долг!

— Очень правильные слова говоришь,— взволнованно поднялся из-за парты Умухан Халилов. Он подошел к карте, висевшей у доски.— Вот тут, на Кавказе, моя родина. Я аварец, может, слыхали про такой народ? Сорок шесть лет назад в нашей сельской школе меня принимали в пионеры. А знаете, чье имя но-

1975 год. Спустя 30 лет снова митинг у Бранденбургских ворот: юность республики рапортует Солдатам Победы.

сила наша дружина? Имя Эрнста Тельмана, мы называли себя тельмановцами...

И он рассказал ребятам о своем отце, бедняке крестьянине, который стал председателем колхоза, о любимом брате Али, который насмерть стоял на границе, когда напали фашисты, и о родном селе, где много лет работает он главным хирургом.

Сорок пять минут шел этот необычный урок, и закончился он словами тельмановца из села Кабахчель:

— Фашисты сеяли на этой земле ненависть и вражду, а мы, немецкие и советские коммунисты, перепахали землю и посеяли здесь семена новой жизни.

Еще в Москве я спросила участников этой поездки: что интересует вас в ГДР больше всего? Ответили они одинаково: молодое поколение, новые немцы.

В советском посольстве состоялась встреча бывших воинов с послом СССР в ГДР П. А. Абрасимовым.

— Нас покорила молодежь,— говорили ветераны.— Нелегко было на месте руин построить новый Берлин. Но расчистить руины в душах целого поколения, искалеченного фашизмом, и воспитать в этом поколении чувство любви к социалистической Германии, к советским, к русским людям — это главное, настоящее чудо, сотворенное в Германской Демократической Республике!

Участники встречи подчеркивали, как много сделала Социалистическая единая партия Германии для того, чтобы воспитать молодежь в духе дружбы и уважения к нашей стране.

«СПАСИБО ВАМ, СОВЕТСКИЕ СОЛДАТЫ!»

Ветераны-антифашисты, активисты Общества германо-советской дружбы, пригласили советских гостей совершить прогулку на катере по Шпрее. Люди эти в республике очень известные и заслуженные. Профессор-экономист

Секретарь Союза свободной немецкой молодежи района Берлин-Центр Дитер Херманн вручает знамя ветеранам.

Трептов-парк. Слева направо: А. Ф. Бобров, А. С. Абовян, И. А. Бородулин, Н. Т. Царькова.

М. А. Махмудов, У. А. Халилов, Л. М. Онищенко рассказывают юным историкам о битве за Берлин.

Роберт Нойманн оживленно рассказывает, с каким успехом прошла недавно в Берлине викторина, посвященная Советскому Союзу:

— Дружба с вашей страной стала для всех нас потребностью сердца!

Об этом говорил и кандидат в члены ЦК СЕПГ, генеральный секретарь Центрального правления Общества германо-советской дружбы Курт Тиме, когда вручал Золотой знак общества ветеранам.

Медленно проплывают пляжи на песчаных отмелях и разноцветные, словно игрушечные дачные домики.

Рядом с Иваном Бородулиным сидит Паула Веллендорф. Много лет работает она в Обществе дружбы. Иван смотрит на руку Паулы, изуродованную рубцами.

— Концлагерь?

— Освенцим. Четыре года.

— За что?

— Отец был рабочим, коммунистом. Его замучили еще до войны. Я поклялась, что продолжу его дело. В начале сорок первого года меня арестовали. Из лагеря освободили русские. В двадцать три года я уже была инвалидом...

Они ровесники. Отец Ивана тоже был рабочим, питерским, в революцию стал комиссаром на Балтике.

— Жив он?

— В сорок первом погиб. Его корабль наскочил на мину.

— А мать?

— Сгорела в танке, была стрелком-радистом.

— Есть братья, сестры?

— Было три сестры, две погибли в ленинградскую блокаду.

...Последнее задание, которое в апреле сорок пятого получил разведчик Бородулин, было самым рискованным и трудным. Им, пятерым разведчикам, сброшенным с парашютами, нужно было пробраться в Штеттин, чтобы помешать врагам вывезти штабные документы. Иван, приземлившись, угодил в лапы гестаповцам. Каждый день допросы, пытки. «Фамилия?» «Иванов». «Имя?» «Иван!» Удар. Он падает и, открыв глаза, снова видит ненавистную физиономию. «Фамилия! Назови свою настоящую фамилию!» Шевеля распухшим языком, он отвечал: «Иванов»,— и снова проваливался в беспамятство. Пришел в себя в нашем медсанбате. Оказалось, когда взят был Штеттин, его, полумертвого, нашли в подвале гестапо. нашли и протоколы допросов. В них стояло: «Молчит. Отправить на особую обработку в Берлин!»

В Берлин он вошел вместе с пехотой и получил здесь свой третий орден Славы.

Маленький прогулочный катер возвращался к пристани.

* * *

...Ярко заливает солнце площадь у Бранденбургских ворот. На трибуне, украшенной цветами, стоят восемь мужчин и одна женщина. Это они, те самые солдаты, которые были участниками митинга, проходившего здесь 2 мая 1945 года. На красном кумаче та, давняя фотография и слова: «СПАСИБО ВАМ, СОВЕТСКИЕ СОЛДАТЫ!» А вокруг море людей. Сегодня, спустя тридцать лет, вновь проходит митинг, созванный в честь этих седоголовых ветеранов.

Ветер развевает знамена в руках синеблузых посланцев Союза свободной немецкой молодежи. Здесь же пионеры с транспарантами, вымпелами, красными звездами.

— Мы вечно будем помнить советских героев, что отдали жизнь свою за наше счастье!

— Мы твердо будем защищать здесь, на этой границе, наш мир, мир социализма!

Ты слышишь, Берлин, юность республики присягает у Бранденбургских ворот на верность Солдатам Победы.

В память о митинге, вновь повторившемся спустя тридцатилетие, молодежь вручает участникам штурма Берлина знамя.

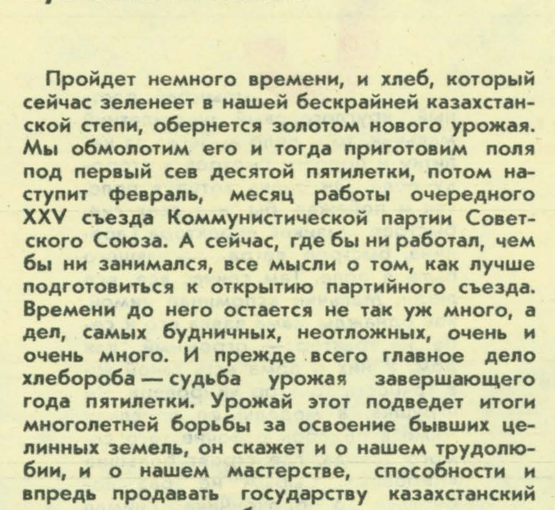
— Сегодня и во все времена народ ГДР и прежде всего мы, молодежь, будем, как самое дорогое, беречь нашу дружбу!

Берлин — Москва.

■

ЭТИ ЖЕНСКИЕ РУКИ

Камшат ДОНЕНБАЕВА,
депутат Верховного Совета СССР,
Герой Социалистического Труда,
механизатор совхоза «Харьковский»,
Кустанайской области

Пройдет немного времени, и хлеб, который сейчас зеленеет в нашей бескрайней казахстанской степи, обернется золотом нового урожая. Мы обмолотим его и тогда приготовим поля под первый сев десятой пятилетки, потом наступит февраль, месяц работы очередного XXV съезда Коммунистической партии Советского Союза. А сейчас, где бы ни работал, чем бы ни занимался, все мысли о том, как лучше подготовиться к открытию партийного съезда. Времени до него остается не так уж много, а дел, самых будничных, неотложных, очень и очень много. И прежде всего главное дело хлебороба — судьба урожая завершающего года пятилетки. Урожай этот подведет итоги многолетней борьбы за освоение бывших целинных земель, он скажет и о нашем трудолюбии, и о нашем мастерстве, способности и впредь продавать государству казахстанский миллиард пудов хлеба.

К нам в совхоз несколько раз приезжали работники кино и телевидения, чтобы снять мою работу на тракторе «К-701». И каждый раз я задумывалась, почему такой интерес вызывает работа женщины-механизатора. Мне кажется, дело в том, что люди все еще склонны считать этот факт необычным, из ряда вон выходящим, чуть ли не сенсационным. Так думают и в городе и даже у нас, в сельских районах. Но ведь ничего необычного нет, профессия как профессия, и движение «Женщина — на трактор!» родилось не в наше время, а давным-давно, в годы первых пятилеток. Другое дело, что все еще сами девушки, сами женщины робко подходят к трактору, к комбайну, к автомобилю. А ведь это так интересно, когда имеешь дело с трактором или комбайном.

Двенадцать лет назад мой муж Темирбек взял меня с собой работать в поле в качестве сменщицы. Тогда я впервые взялась за руль трактора. С тех пор прошли многие весны и осени, было всякое — трудности долгих смен, поломки, счастливые часы завершенного труда. Сначала я работала на тракторе «Беларусь». А сейчас вожу красавец «Кировец», удивительное создание рук ленинградских рабочих. Нельзя теперь представить себе хлебные степи Казахстана без этой могучей машины, такой красивой и сильной!

Почему я полюбила свою профессию? Механизатор играет ведущую роль в жизни села, без него теперь ни шагу. Представьте себе, я одна, можно сказать, «слабыми» женскими руками вспахала в прошлом году три тысячи гектаров. Да еще сэкономила тонну горюче-смазочных материалов. В нынешнем году обязалась вспахать еще больше — 3 300 гектаров! Гарантия, что слово, данное в честь предстоящего XXV съезда партии, выполню,— накопленный опыт. Да к тому же теперь у меня новенький «Кировец» новой марки «К-701». Именной. Очень этим горжусь. Но именной трактор обязывает работать еще лучше. А машина отличная! Кабина герметически закрытая. Ни пылинки не проникает. И зимой и летом постоянная температура. Дышится в ней легко. Не то что на гусеничных тракторах старых марок. Одним словом, и женщине легко работать на такой махине, как «Кировец». Иногда слышишь: эта машина не для женских рук, тяжело физически. Предрассудки! Трактор оснащен гидравлическим управлением. Малейшее движение руки — и машина повинуется тебе. К тому же у нас в совхозе да и в районе создана служба ухода за тракторами, есть опытнейшие наладчики, добрые наставники.

Вот уже несколько лет наш совхоз «Харьковский» все полевые работы проводит своими силами. Да и Боровской район в целом почти не привлекает людей со стороны ни на посевную, ни в дни уборки. В этом огромный экономический выигрыш. А все почему? Да потому, что совхозы умело и заранее готовят кадры новых механизаторов. Собственные механизаторы — это значит более хозяйское отношение к технике, более высокая производительность труда, заметное сокращение сроков полевых работ, снижение затрат горючего и запчастей. Так вот у нас повсюду висят объявления: «Девушки, овладевайте профессией механизатора!» Зимой работают курсы, и все больше девушек садится на трактор или комбайн. У нас это Галина Косолапова и Татьяна Трещенко, у соседей, в совхозе «Каменск-Уральский», Мария Петях и Кундыбай Ибраева, в «Краснопресненском» — Бахтжамал Кужагалиева.

В хозяйствах нам, женщинам — водителям «К-700» и «К-701», комбайнеркам, сварщицам, почет и уважение. Прежде всего поддерживают нас мужья, они, как правило, тоже либо механизаторы, либо агрономы, либо наладчики «К-700». А их поддержка многое значит! Кроме того, о нас заботятся администрация и наш профсоюз. Производственная норма для женщин снижена на десять процентов, а оплата стала выше. Устаю ли я? Конечно, как, наверное, каждый человек, хорошо поработавший в поле. Но стараюсь домашних дел и общественных не запускать. Отвечаю на письма избирателей, слежу за успехами дочерей в школе. У меня четверо детей, и ничего, все ухожены, сыты, веселы. Конечно, спать приходится мало: у нас очень большие поля, обязательства я приняла повышенные, заботы общественного характера тоже заставляют волноваться. Посудите сами, избиратели дали мне наказ — добиться завершения строительства новой школы в совхозе, но пока, как говорится, воз и ныне там. Нет в совхозе строительных материалов, в частности цемента. Маловато еще современной техники, и я слышу упрек в словах соседей: «Камшат, ты в Москву летаешь, ты в Алма-Ате заседаешь, не молчи, Камшат! Постарайся, чтобы больше внимания уделили нашему «Харьковскому»...» И я не могу не оправдать надежд своих товарищей: я их депутат.

В нынешнем году ЦК КП Казахстана одобрил мое обращение ко всем труженицам республики смелее овладевать профессиями тракториста, комбайнера, шофера. Техники с каждым годом все больше и больше. Дети наши устроены — и в яслях и в детских садах. Старшие обязательно ходят в школу. Женщина меньше привязана к дому, к семье, а руки ее так нужны на производстве, в поле. ЦК КП Казахстана призвал широко развернуть обучение женщин механизаторским профессиям, создать повсеместно необходимые бытовые условия, специальные курсы. Я очень этому рада и снова обращаюсь к незнакомым подругам: не робейте, смелее подходите к технике. Уверена, что жалеть не придется. Вас ждет большое почетное дело, новая работа, техническое образование, высокая квалификация — все это принесет и удовлетворение собою, и почет, и уважение. Я сама убедилась: механизатор — славная и, несомненно, самая почетная, самая нужная в наше время профессия на селе. Труд на умной машине, труд творческий — это ли не радость! Нет, не слабые они, наши женские руки!

Вот, собственно, и все, о чем хотелось рассказать в канун XXV съезда КПСС, в недолгий период созревания пятого урожая пятилетки.

Николай БЫКОВ

Фото А. ГОСТЕВА

— Внимание, говорит директор!— голос А. А. Гаранина слышат все.

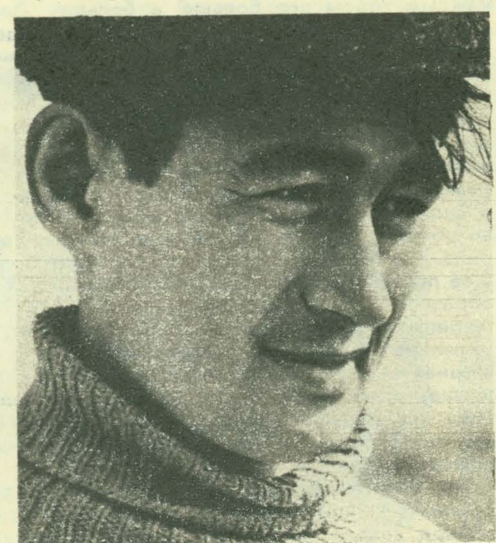

Сварщица Галина Косолапова из совхоза «Харьковский» осенью снова поведет комбайн.

Такая спецодежда у работниц, имеющих дело с химикалиями.

Механизатор Аскар Кужагалиев из совхоза «Краснопресненский».

Сырымбай, плотный, круглоголовый шестилетний мальчик, то и дело выбегал за калитку и подолгу смотрел в сторону поля. Он очень хотел в поле. Так и побежал бы изо всех сил, быстрее «газика» директора Гаранина, быстрее ветра, погнавшего пыль в поле. Там сейчас все, все люди. Мальчик вспоминал зимой, как однажды мама взяла его к себе на трактор — огромный, как дом. У них и дома есть такой же в точности трактор «Кировец». Не игрушка, а модель, ее прислали маме в подарок рабочие того самого завода, где строят большие «Кировцы». Сырым не раз добирался до подоконника, снимал трактор и потом таскал его по ковру в комнате для гостей. Ковер был большое поле. Тогда, зимой, Сырым был маленький, а теперь он вырос и хочет работать в настоящем поле. Вот поэтому мальчик, как только растаял снег, стал таким непоседой, беспокойным, всю весну он просыпается вместе со взрослыми, сам надевает штанишки и сандалии и каждое утро просит:

— Куда пойдете, в поле? Мама, возьми меня в поле.

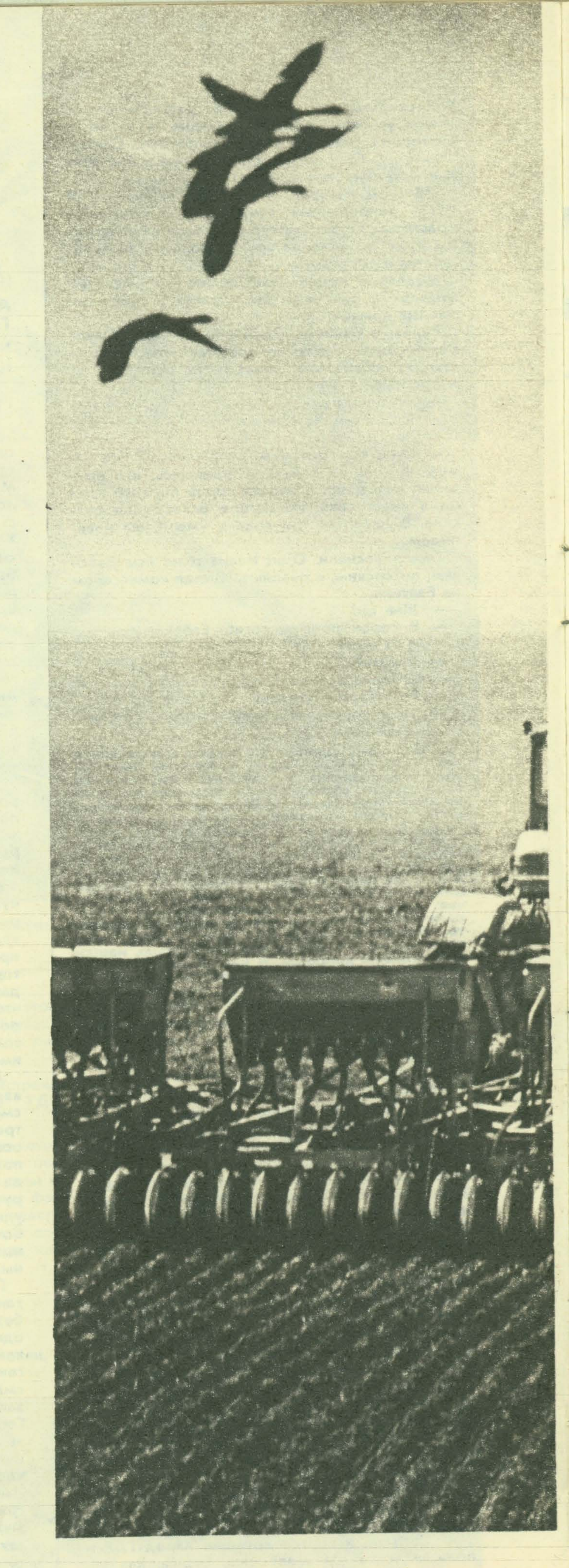
— Сырымбай, гусят стеречь надо. Посмотри, какие они маленькие...

Гусята растут очень медленно, совсем не как мальчишки. Гусята все время маленькие, и Сырым соглашается, что уходить ему пока нельзя. Вот если бы Аскар помог, но Аскару только три года, и он растет медленно, как желтые гусята.

Сырым стоит за калиткой и смотрит в поле, куда умчался директорский «газик» и ветер с их улицы.

Вокруг поселка — степь. Степь — одно большое поле, хотя до сих пор ее называют «целиной», то есть нетронутой, будто бы ц е л о й с незапамятных времен. Давно здесь нет ни клочка целой, непаханой степи. Есть сплошное яровое поле Казахстана, а это ни много ни мало почти 25 миллионов гектаров! И засеять его надо быстро, в считанные дни, только тогда можно надеяться собрать хороший урожай пшеницы, ячменя, овса, проса, гречихи с полей бывшей целины. Вот почему так пусто было в совхозных поселках в конце мая — все с рассветом уезжали в поле.

«Газик» Гаранина мчится, колесит мягкими степными полевыми дорогами, оставляя за собой толстые, далеко растянутые жгуты взорвавшейся пыли. Александр Анисимович — директор совхоза «Харьковский». Если бы он знал, как мечтает маленький сын знаменитой на весь Казахстан Камшат Доненбаевой о быстрой его машине, о большом его поле! Но са-

НАП

РЯЖЕНИЕ

ЗЕМНЫЕ МАЯКИ

Вячеслав БОГДАНОВ

* * *

В дорогах близких и неблизких
О прошлом память не в тени!
Повсюду вижу обелиски,
Повсюду вечные огни.
Они торжественно-печальны,
Они — земные маяки —
Повсюду первыми встречались,
О жизни звездами кричали,
От слез моих недалеки.
Я был в Смоленске,
Туле,
Брянске,
Был в Севастополе,
Орле...
И у могил бессмертных братских
Я присягал родной земле.
Теперь,
Когда глаза закрою,
Мне не до сна,
Мне не до сна —
Встают,
Встают передо мною
На серых плитах имена...
Нет, обелиски, я не в силе
Глядеть на прошлое земли!
Вы мне виски посеребрили,
Огнем мне сердце обожгли...
В дорогах близких и неблизких,
В любом краю,
В любые дни —
Светите людям, обелиски,
Горите, вечные огни!..

* * *

Осветился зарею завод.
Корпуса возвышаются строго.
Пролегла к проходной на восход
Вдоль берез заводская дорога.
Заводская дорога...
На ней
Породнился с монтажной судьбою.
Сколько дум я пронес над тобою,
По вершинам размашистых дней.

Заводская дорога,
Ты мне
Открывала желанные двери.
Никакой тебя мерой не смерить
Не поставить ни с чем наравне!
Ты меня поднимала и ввысь,
Ты меня опускала на землю.
Как наследство, тебя я приемлю
И ценю, как нелегкую жизнь.
Не кончаешься ты у цехов,
Под огнем твоих плавок искристых.
Ты — начало судьбы и стихов,
Всех дорог моих дальних и близких.
Заводская дорога длинна!
Уместилась в ней молодость,
Юность...
Я делил с ней и радость
И трудность.
Моя гордость и совесть она.
Если что-то случится со мной,
Вдруг в пути заплутаю немного,
Оглянусь — у меня за спиной
Свет несет заводская дорога!

* * *

Как хорошо, что зеленеют ели
И в январе, и в марте, и в апреле.
Среди снегов они всегда напомнят
Нам о весне.
И душу ей наполнят.
Как хорошо, что так белы березы
И в летний зной и в зимние морозы.
Они в своем весеннем белом беге
Напомнят нам о первом чистом снеге.

ДОРОГА

Веселых птиц степные голоса
Над головой висят, как озаренье.
По дымным строкам вешнего овса
Легла моя дорога до селенья.
Я городской,
Пешком ходить отвык,
По чернозему все ж легко идти мне.
Веду с полями разговор интимный,
С надеждой жду попутный грузовик.
Ко мне пристал в дороге важный шмель,
Его полет и золотист и шелков.
Я лег в траву,
Под головой портфель,
Проходит мимо женщина с кошелкой.
В ее глазах усталость и весна,
А за плечом в кошелке — повилика.
Повеяло вдруг древностью великой,
Когда взглянула на меня она.
Я тихо встал.
Отвесил ей поклон,
Она слегка, седые вскинув брови:
— Несу траву теленку и корове,
Вот жду сынка,
Подумала, что он...
Пошла она, не замедляя шаг,
В негромкое село свое степное.
Но долго еще слышались в ушах
Ее шаги,
Тяжелые от зноя.
Иду ей вслед,
Мой новенький портфель
Заигрывает с солнышком полдневным.
И привязалась дума,
Словно шмель,
О женщине с ее заботой древней —
О сыне, о корове, о телке...
И я скажу словами очевидца:
— От матерей живущим вдалеке,
Об этом нам и ночью не приснится!..
День ликовал на всем моем пути.
Был мир овсяный под лучами шелков...
А я всего лишь видел впереди
Ее — простую женщину с кошелкой...

мому директору кажется, что машина бежит по степной дороге не так быстро, как надо бы в эти, до предела сжатые дни весенней посевной. И тогда Гаранин тормозит. Нас настигает и накрывает с головой плотная теплая пыль. Директор включает рацию. Вызов. Прием. Вопрос. Ответ. Новые позывные. Прием. «Вас понял!» Отбой... И снова за руль, снова вперед. На одной волне работают все рации в автомашинах специалистов и директора, рация диспетчера центральной усадьбы и рации управляющих отделениями. На одной волне. Как на одном дыхании. На одной тревожной, напряженной ноте. Так жили в те считанные дни мая все, кто засевал поле бывшей целины. И Галина Косолапова, комбайнер, а пока сварщица, которую как раз в канун посевной механизаторы назвали своим кандидатом в депутаты Кустанайского областного Совета, и Андрей Малков, тракторист, только что прилетевший из Москвы с фотографией у Знамени Победы. И шофер Алексей Григорьевич Горлов, бывший узник Бухенвальда...

Горлов стремительно гонял свою «пушку» — автозаправщик с семенами — от склада, где пшеницу только что протравили гранозаном, до сеялок, ходивших челноками в бескрайнем поле. Галина Косолапова, обычно деятельная, хохотушка, примолкла: такая ответственность — депутат! А впереди последняя жатва пятилетки... Как-то все еще сложится? И Андрей Малков осунулся — полет в Москву, это же какое впечатление! А потом приняли кандидатом в ряды коммунистов. Андрей сутками не оставляет теперь трактор. Пропылился, как черт...

Напряженным было и ожидание посевной страды. Шли дни. Поля лежали готовыми принять яровое семя. Но люди не спешили. Выжидали. А дни шли. Опыт двадцати лет учил выдержке. Напряжение в середине мая достигло силы туго натянутой тетивы. Солнце зависло над распаханной сухой степью. Ни облачка. Потом потянуло ветром. И понеслась земля из края в край. Начался недобрый «казахстанский дождик». Еще не черная метель, еще не буря, но очень плохая примета трудного года. Поля теряли, казалось бы, последнюю влагу. Сеялки бы скорее в поле — чего ждать?.. Но именно потому, что так складывалось утро года — без единого дождя, — агрономы повторяли: «Терпение».

Я хорошо помню рапорты, летевшие, бывало, по телефонным проводам в райкомы: «К Первомаю отсеялись». Чем раньше, тем лучше! Не прошло и десятка малоурожайных лет, как убедились: чем раньше, тем хуже. Ранний сев — ранние всходы. Но испокон веков Казахстан не знает майских и июньских дождей. Дожди приносит июль. А ранние всходы к тому времени уже выдыхались в поединке с иссушающими суховеями, с тем самым «казахстанским дождиком», что иногда устраивал внеочередное затмение солнца. Прошли годы, прежде чем агрономы получили право оттягивать команду: «Сеялки в поле!». Прошли годы, прежде чем изменилась стратегия и тактика землепашцев бывшей целины.

Землепашцев? Так ведь теперь и землю почти не пашут в том общеизвестном смысле, который доступен пониманию даже горожан. Нет, землю не пашут плугами с отвалами, не оборачивают ее, а пашут безотвальными плугами, не смещая пахотного горизонта, не «перелопачивая» и без того бедную перегноем, часто иссушенную землю бесконечно больших полей. И это — одно из непременных условий новой земледельческой системы в Казахстане. Так вот, предельно поздние сроки ярового сева — другое из обязательных законов новой системы земледелия. И предельно сжатые! Цель — максимально приблизить момент решающей схватки дружных всходов с суховеем к спасительным июльским дождям. Постепенно, ценою бесхлебных годов сроки сева отодвинулись на две — две с половиной недели. Возросло напряжение и ожидание полевых работ в конце мая. Зато оно разрешается трудом, яростным, плодотворным, имеющим смысл как агрономический, так и экономический. В результате возросли урожаи. Июльские дожди стали помогать. И помогать в то самое время, когда их помощь еще имеет смысл.

О стратегии и тактике нынешней весны были все разговоры наши с Гараниным, пока мы ехали в поля Приозерного, где работали Галина Косолапова и Герой Социалистического Труда Камшат Доненбаева. Александр Анисимович по образованию агроном, и это обстоятельство положительно сказывается на экономике совхоза. Ни окрика, ни администраторского зуда, когда люди — пахари и начальники — не понимают друг друга. Директор с агрономическим характером — для полеводов находка. Ему не надо доказывать, что лучше для растения. И обмануть его гектарами, выработкой ради процента тоже нельзя. Поэ-

Микола СЫНГАЕВСКИЙ

ОСВОБОДИТЕЛИ

1

Славить вас не устану,
вы в памяти сердца, воители,
ваши судьбы навечно
впечатаны в бронзу,
в гранит.
Снова имя высокое —
Освободители! —
как дыханье земли,
надо мною летит.
Снова кланяюсь вам —
и живым и в сражениях павшим,
командармам суровым
и юным бойцам рядовым.
Белым цветом садов,
словно слезы опавшим,
припадает страна
к обелискам, как время, седым.
Возле сердца Отчизны
стоят они вечным дозором,
чтоб земля колыбелью
певуче качала детей.
В сорок третьем году
с черноземом ее и подзолом
смешан был и огонь,
и железо, и целая бездна смертей.
Даже камни дышали
сжигающим праведным гневом,
зноем ярость палила,
которую не утолить...
Меч возмездья вздымался
непреклонно
до самого неба,
чтоб фашистского зверя
беспощадно,
наотмашь разить.
Захлебнувшись, атаки
опять грохотали пальбою,
над дорогами дым
и моторов клубящийся чад.
И Отчизну, как матерь,
заслонял тогда каждый собою,
он защитник до смерти,
и по смерти — ни шагу назад.
Каждый помнил: вперед!
Он сегодня Освободитель!
Не под силу пришельцам
Урала и Волги броня,
знал солдат, что за ним
Революция,
Ленин-учитель.
И в едином строю
наших братских народов родня.
Необъятна она.
И незыблема нощно и денно,
как Кавказский хребет,
как седые верховья Карпат.
Знал солдат:
для него
вся родная Отчизна священна,
но для песни искал он
полтавский, от матери, лад.
И когда пред людьми
в звонкой бронзе стоит
и в граните,
как в дозоре стоит,
охраняя сады и поля,
ничего в целом свете
возвышенней нету, — взгляните:
своего вызволителя-сына
поднимает над миром земля.

2

А мы солдаты.
В сердце — высота,
где не померкнут памятные даты.
Есть на земле отвага и мечта,
есть у Отчизны храбрые солдаты.

А мы солдаты.
И доверьте нам
свою судьбу без опасенья все вы.
Так доверяет хлебороб полям
и чаянья, и думы, и посевы.

А мы солдаты.
Нам беречь весну,
на марше наши боевые роты.
Несем в глазах небес голубизну,
но не забыли и земной работы.

Солдаты мы.
Отцов своих наказ
несем в душе возвышенно и свято.
А матери все ожидают нас,
и под окном щемяще пахнет мята.

А мы солдаты.
Мужество храним,
и связь времен видна в едином
строе.
Своих позиций так же не сдадим,
как не сдавали их в бою герои.

Да, мы солдаты.
Солнце в высоту
плывет над миром в ритме наших
буден.
Покуда мы у жизни на посту,
за нас стыдиться
Родина не будет.

Перевел с украинского
Геннадий СЕРЕБРЯКОВ.

тому Александр Анисимович как только дал команду сеять, так больше почти и не вмешивался в ход сражения, в ход весенней страды. Он только следил, чтобы сеялки не стояли в ожидании семян. Чтобы сварка была там, где ее ждут. Чтобы люди ели вовремя и сытно. И главное, чтобы выдерживался график сева. Это — главное. Потому что совхозу «Харьковский» надо было засевать за день никак не меньше двух с половиной тысяч гектаров. Чтобы отсеяться вовремя.

«Харьковский» свой график выдержал.

И район в целом выдержал: за сутки в Боровском районе засевали по двадцать пять тысяч гектаров.

И Кустанайская область тоже выдержала свой областной график посевной: за световой день засевали почти по полмиллиона гектаров! Полмиллиона...

Вот как четко разворачивалась пружина майских работ в Кустанайской степи.

Директор Боровского треста совхозов Виктор Николаевич Налитов, как и Гаранин из «Харьковского», агроном по призванию. Агроном и стратег степной казахстанской агрономии. Он охотно рассказывает о новой системе земледелия, об особенностях минувшей весны:

— Земля с осени не знала дождей. Влага на пределе... Что делать? Удержать то, что еще можно удержать. Спасти поля от иссушения. Как? У агронома-степняка в руках немного средств, но мы постарались использовать все. Характер борьбы за влагу, а в конечном счете за хлеб, обострился из-за того, что район задолжал государству. Вот почему особое внимание совхозы уделили качеству семян. Не все, конечно, не все, к сожалению... Затем пересмотрели структуру полей, стали смелее отводить кукурузища под пшеницу, а это само по себе требует высокой культуры земледелия. Плохо еще, довольно робко, но все же стараемся держать пары. Они главное звено в новой для Казахстана системе земледелия. Но паров все еще недостаточно. Техника есть, и неплохая, поэтому идем даже на расширение посевных площадей! Но урожайность — главная забота. Чтобы район выполнил пятилетку по зерну, надо собрать стопудовый урожай. А это не так просто... Тактика на севе определялась тем, что осень была сухая, поля освободились от снега еще в марте и лежали в ожидании сева до второй половины мая, а значит, жара и ветер делали свое черное дело...

Виктор Николаевич перечислял агроприемы дифференцированной технологии во время закрытия влаги, и еще агроприемы на заовсюженных полях, перечислял культивацию, боронование, прикатывание... За этим — техника, техника, еще раз техника. Мощные «Кировцы», новые лапчатые культиваторы, бороны БИГ-3, агрегаты на севе СЭС-9, стерневые сеялки... И все же совхозы не все и не полностью перевооружились технически. Особенно это касается специальных орудий обработки земли по новой системе, когда отвальная пахота исключена, а борьба за влагу требует обращения с почвой умного и осторожного. Так вот очень еще мало в хозяйствах и культиваторов со сменными лапками, и стерневых сеялок, и катков, и особенно борон БИГ-3. А без этих орудий да без чистых паров новая система вовсе не *система*, а только звенья разорванной цепи обязательных, не требующих доказательства агроприемов. И прав Гаранин, да и Налитов, когда они говорят, что тактика борьбы за зерно следующей, десятой пятилетки целиком зависит от обеспечения хозяйств новыми орудиями. Правы они.

Казахстан за считанные годы превратился в земледельческую хлебную республику. А земледелие здесь особое. Здесь оно на грани искусства, во всем новое. И по масштабам посевных площадей, и по количеству техники, и по самим приемам *земледелания*. Пять миллионов лошадиных сил — энерговооруженность одних только кустанайцев! А в совхозах всего-то сто — сто пятьдесят механизаторов. И управляются.

Сев как штурм! Сначала в бой вводят агрегаты с плоскорезами, затем наваливаются тракторы с боронами и тут же — с катками. И следом же — мощные «Кировцы» с шестью сеялками. И пошло, пошло. Агрегат за агрегатом, круг за кругом. Карусельо. На одном поле у Гаранина я их насчитал двадцать восемь! Это была битва. Другого сравнения просто нет.

— Прохоровское сражение! — понял мое состояние Александр Анисимович.

А потом был сильный ветер, и временами налетали шальные дожди.

И так разрядилось напряжение. Лежит теперь степь, приняв семя, дождя дождидается, слушает журавлей. Лето.

Н. ХРАБРОВА,

Фото М. САВИНА.

Специальные корреспонденты «Огонька»

В СТРАНЕ ТРЕУГОЛЬНЫХ РАССВЕТОВ

А еще эту страну называют раем. И не кто-нибудь, а материалист Анри Барбюс говорил, что она настоящий рай, только земной, реальный.

По утрам здесь первыми просыпаются и поют горны. Затем раздается детский смех. И тотчас же у моря и на склонах гор загораются состоящие из треугольников алые рассветы, они перемещаются, меняют форму, собираются в длинные полосы. Это красногалстучные дружины выстраиваются на линейку, это пионеры Артека начинают свой день.

Это в Артеке, где любой день становится добрым и ласковым, любой приезд — счастливым.

Ну, здравствуйте, мои кипарисы! И ты, старая магнолия, с которой вечером 19 июня 1941 года мои новые коллеги — вожатые Володя Дорохин и Толя Пампу — тайно сорвали и преподнесли мне, потрясенной северянке, умопомрачительный белый цветок. Магнолия, здравствуй! Ведь, кроме кипарисов и магнолии, я здесь ну совершенно ничегошеньки не узнаю — так изменился Артек.

С этим новым Артеком мне предстоит знакомиться, следуя за флаговым Алешей Ефимовым.

Видно, солнце решило помочь нам с Алешей — выбралось из-за туч, залило золотом землю и море. Идет в солнечном мире отряд, поет песню совсем в лад моим мыслям:

Артековец сегодня, артековец сегодня —
Артековец всегда!

Рядом с нами идет вожатая отряда Надежда Павловна Разборова из дружины Лазурной.

— Лазурная — это бывший Суук-су? — уточняю я и начинаю гнуть свое, ибо именно в Суук-су я приступила к работе.— Самый лучший в мире лагерь.

— Конечно,— весело соглашается Надежда

очень любил Аркадий Гайдар; что в Морском лагере был частым гостем Юрий Гагарин, жил с ребятами во-он в том синеньком корпусе; что за послевоенные годы здесь побывали дети более чем из шестидесяти стран.

Потом одиннадцатый отряд остановился у бронзового бюста и отдал салют: Тольятти тоже любил Морской лагерь и бывал здесь... А затем Надежда Павловна подвела нас к маленькому белому домику со сдвоенными окнами и сдала с рук на руки своей тезке — учительнице Надежде Петровне Ветровой.

— Вы уже побывали на том месте, где полвека назад, шестнадцатого июня двадцать пятого года, проходила первая линейка? — спросила Надежда Петровна.

— Побывали! — вместе с отрядом воскликнули мы.

— Тогда слушайте... Жил-был на свете очень хороший человек. Революционер, близкий друг Дмитрия Ульянова и всей семьи Владимира Ильича, царскую тюрьму прошел и ссылку. После революции стал заместителем наркома здравоохранения, заботился о том, чтобы поскорее исчезли в нашей стране болезни прошлого, болезни нужды и горя. Знаете, о ком говорю?

ЗА АЛЕШЕЙ ЕФИМОВЫМ ПО СТАРОМУ СЛЕДУ

Сначала из-за поворота вылетел отрядный флаг — на древке крепко стиснуты мужественные, исцарапанные, в чернильных пятнах Алешкины руки, и тут же появился сам Алеша. Увидев нас, он метнул за спину взгляд и воззвал:

— Отряд!

Отряд выровнялся в мгновение ока и тридцатью голосами дружно сказал нам:

— Всем, всем, всем — добрый день!

Я приехала сюда отнюдь не для воспоминаний. Но попробуй уйди от них, если...

...вынырял с вершин в долины автобус, рейс Симферополь — Артек, и на меня сыпались вопросы:

— Вожатая, вожатая, а что это за деревья?

— Еще не знаю, я ведь их тоже вижу первый раз, скоро узнаем.

— Может, здесь елки такие?

— Да нет, скорее кипарисы, я их на картинке видела.

Разговор шел на эстонском языке, я везла в Артек первую группу эстонских пионеров 1941 года, и некому было поправить меня, сказать, что это пирамидальные тополя. Очень я была посрамлена, когда увидела в Артеке кипарисы. Но тут же забыла об этом, потому что мы еще только выходили из автобуса, а многоголосый лагерь уже говорил нам в один голос:

— Всем, всем, всем — добрый день! Всех, всех, всех — с приездом!

Так приветствуют только в Артеке, и от этого

Павловна,— а самый лучший в мире отряд — мой, одиннадцатый. Я приехала сюда из Челябинска по направлению обкома комсомола, скоро два года, как здесь работаю, и надо уезжать — передавать артековский опыт работы Челябинской пионерской организации. Все эти два года каждый мой отряд казался мне самым лучшим. У вас тоже так было?

Еще бы! Только мои не казались, они на самом деле были самыми лучшими: отличники, пионерские активисты военных лет, каждый из них немало сделал для помощи фронту.

— Мы идем на экскурсию в Морской лагерь, до войны он назывался Нижним,— говорит Надежда Павловна.

А я вспоминаю — это была та единственная экскурсия, которую для нас успели провести за день до войны. Значит, иду по своему старому следу. Ревниво прислушиваюсь ко всему, что говорит вожатая пионерам. А она, однако, хорошо рассказывает! Ни на минуту не дает остыть ребячьему интересу. Говорит:

— Вдоль моря идем, морем любуемся, морю улыбаемся! — И совершенно невозможно не улыбнуться заблестевшему золотому морю.

Еще она говорит:

— Теперь подойдем к самой волне и побросаем камушки.

И знаете, каким увлекательным оказалось это простецкое дело — бросание камушков! Лазурники то по-петушиному подпрыгивали, то застывали в позе античных пращеметателей, то, сдвинув пилотки, намечали в зыби некую неведомую цель. Мы пошли дальше. Рассказывала Надежда Павловна, что этот берег

— О Зиновии Петровиче Соловьеве!

— Зиновию Петровичу уже очень нездоровилось, когда он появился в Крыму. А Крым лечил, радовал, вдохновлял. И Зиновий Петрович не был бы самим собой, если бы не странствовал по побережью и не размышлял о том, как превратить Крым в это самое благо, каким он стал теперь для всех нас. А больше всего он думал о том, что пыль и дым по-прежнему разъедают легкие детей с фабричных окраин. Здесь же, у горячего кремнистого берега, пляшет и поет теплое море и урочище Артек между Аю-Дагом и Генуэзской скалой похоже на добрые ладони матери, протянутые к волнам...

И вот встали там, где теперь Костровая площадка Морского, первые добытые Соловьевым брезентовые армейские палатки, приехали первые пионеры. Иные были в лаптях, иные босы, путевые записи их были короткими: как кормили в дороге и здесь, в Артеке. Одной из самых сложных проблем Артека бы-

Артек — это дружба.

На развороте вкладки:

Взвейтесь кострами...

В поход!

50

ла забота о еде. А Зиновий Петрович добивался не только еды, но и столовых приборов и даже салфеток! Он составил для пионеров наказ — чтобы, встав, делали гимнастику, как следует заправляли койку и хорошенько умывались. Он учил отдыхать — час сна после обеда считал обязательным. Он поселил в Артеке чувство постоянной заботы и ответственности за детей и был сторонником разумной требовательности.

Его здесь помнят и любят, и перед небольшим обелиском в память о нем все отряды всегда отдают пионерский салют.

Еще мы постояли с одиннадцатым отрядом Лазурной у Поста № 1: у памятника Неизвестному матросу — защитникам и освободителям Артека. На высокой скале над морем стоит скульптура, и без нее Артек теперь уже невозможно представить. Алеша крепко держал флаг, и снова отряд вскинул руки — салют тем, кого нет с нами.

РЕПОРТАЖ О РЕПОРТЕРАХ

А смена-то в те дни была в Артеке какая — юнкоровская! Наверное, со стороны на нас глядеть было странно: встретятся на дорожке взрослые и дети и сразу хватаются за блокноты и фотоаппараты.

Со своим местническим патриотизмом (ах, Суук-су!) я, однако, скоро распрощалась: в какой лагерь ни приду, каждый кажется теперь самым лучшим. Коллеги-юнкоры никак арбитрами быть не могут: у них свой патриотизм. В зависимости от того, кто в какой дружине живет. В Кипарисном осторожненько пытаюсь узнать у Саулюса Повилайтиса, диктора передач «Пионерский горн» литовского радио, во всех ли дружинах он успел побывать.

— Во всех,— говорит Саулюс,— а вы?

— И я во всех. А какая тебе больше нравится?

Саулюс изумленно поднимает брови:

— Но раз вы были во всех, так сами же видите: Кипарисный наш — самый лучший. Тут все рядом: скала, море, одних кипарисов две с половиной тысячи. А вожатые?! Наша Наталья Андреевна знаете, какой прекрасный горнист, у нее вся дружина уже научилась; факт, на конкурсе горнистов будем лучшими. А ребята?! Они же все во взрослой прессе печатаются. Алла, Алла, иди скорей сюда, вот знакомьтесь — Алла Ржаницына из Красноярска, она в своей городской газете заметку написала «Так делают пианино» — будь здрав!

Я после этой Саулюсовой тирады совсем было укоренилась в Кипарисном. Собрались вечером поговорить, уселись ребята рядом со мной все с блокнотами. Я их расспрашивать собираюсь, а они — мне вопрос:

— Вы всегда без блокнота работаете?

— Нет, что вы, с блокнотом, только я его от корки до корки исписала.

Оглянуться не успела — у меня уже клетчатая тетрадка в руках: можно интервьюировать. Спрашиваю Колю Лахневича, семиклассника из Белоруссии, из деревни Грабово:

— Какая у тебя была первая заметка?

— Проблемная статья! — смеется Коля.— Я заметил, что многие люди читать не умеют — бегают глазами по строчкам и ничего не осмысливают. У таких ни любимой книги нет, ни любимого писателя. Вот я и написал статью «И читать треба уметь». На белорусском языке. В районной газете напечатали.

— А последняя?

— О ветеранах войны, живущих в нашем районе. К тридцатилетию Победы. С героическими людьми познакомился, а с виду — совсем обычные.

А вообще-то Коля за четыре года юнкоровской работы напечатался 15 раз.

Записываю и записываю в клетчатую тетрадку темы, с которыми выступали Сережа Ячменев и Ира Савченко из Ивановской области, Вася Петухов, Валера Голуб и Лина Пааль из Карелии, Ильмар Саетгаев, Разиля Усманова и Зифа Давлетбаева из Башкирии, Люба Ляхова из Калининской области. Темы такие: первые подснежники и машинисты скоростных поездов; переезд в новый дом и почему надо беречь памятники старины; недостатки и достоинства друзей по школе; достижения пионерской работы в дружине и кто какую музыку любит. Таня Гаенко из Горного лагеря пишет стихи, Лена Добисова — рассказы.

Но, оказывается, вовсе не все юнкоры стремятся стать журналистами. Лена Крехова из Минска уже печаталась в центральной прессе — в «Пионерской правде» и в журнале «Пионер», а между тем говорит вот что:

— Я уже давно, в самом начале этого года, выбрала себе профессию — буду биохимиком.

Зифа Давлетбаева хочет стать плановиком-экономистом, Сережа Ячменев мечтает о теоретической математике, кто-то хочет быть врачом, а кто-то — учителем.

— Ребята! А журналистика?

— Журналистика — для души.

ЭХО

Артековское руководство «прикрепило» нас к лагерю Горному, конкретно — к заместителю начальника этого лагеря Николаю Михайловичу Спису, чем доставило нам большое удовольствие. Чего только не знает Николай Михайлович! Начиная с артековских традиций — от первой до последней.

— Послушайте, Николай Михайлович,— спрашиваю,— что-то я не слышу старых артековских песен «Везут, везут ребят» и «У причала качается катер»? Не поют?

— Поют, только ритмы теперь другие.

Я мрачно подумала: конечно, ему лучше знать эти другие ритмы, раз ему всего 28 лет. И обиделась за старые песни. Обижалась до следующего утра. А утром отряды Горного поехали на экскурсию, и Николай Михайлович все размышлял, с кем бы нас отправить: с теми, кто едет в Никитский ботанический, или в подшефный совхоз, или в Ливадию? А тут девятый отряд алмазников позвал нас с собой в Алупку.

— Не знаю, не знаю,— сказал Николай Михайлович,— а вдруг вы плохо поете?

— Мы?!

И вот все уцепились за Николая Михайловича и не выпустили его из автобуса — поехали! И песни ехали с нами всю дорогу. Алексей Петрович, вожатый, все пытался в микрофон рассказать про окрестности, да где там! Песни рвались из ребят, как птицы из силков. Девятый отряд доказывал Николаю Михайловичу и, сам того не подозревая, мне, как хорошо поют теперь в Артеке! Про молодость молний пели; про то, как по утрам здесь заря бьет в барабаны, и горят у людей на груди галстуки, словно треугольные рассветы; про то, что море седое и чайка седая, а морская душа — вечно молодая.

Берет у Алексея Петровича микрофон голубоглазая Люба, голос у нее низкий, сильный, и поет она на языке коми; якут Сережа исполняет что-то древнее и экзотическое, Хушет — таджикскую песню, Светлана и Мирослав — украинские. Были песни литовские, белорусские и горские в исполнении чеченских пионеров. И знает эти песни, оказывается, уже весь отряд. Николай Михайлович тоже поет их. А самоделки на тему дня он не поет, потому что они смешные, нельзя же сразу и петь и смеяться. Потом Алексей Петрович опять берет микрофон и с большим подъемом возвращает нас снова в русло артековского фольклора. И тут выясняется, что Алексей Петрович по образованию хореограф, а работает вожатым потому, что... Ну, словом, по той же самой причине, по какой трудится в Артеке географ Спис: призвание у них такое — работать в Артеке.

Мне, конечно, все же хочется, чтобы не забывались старые песни. Но о том, какие лучше, теперь уж никогда спорить не стану. Мне очень даже по душе новые ритмы Артека, его новое время и новые песни.

КОРНИЛОВЫ

Их тут трое. Ким Яковлевич работает в Артеке уже четверть века, сейчас заведует космической выставкой. Создавал ее бывший авиатор Корнилов вместе с Гагариным. Юрий Алексеевич прислал сюда медицинские и спортивные приборы, на которых тренировались первые космонавты. Он и костюм свой тренировочный, рабочий подарил Артеку. И действующую модель выхода человека в космос Гагарин и Корнилов задумывали вместе.

У Лидии Кузьминишны Корниловой, жены Кима Яковлевича, в библиотеке все блестит: полки, столы, окна, яркие корешки книг; а сама она крутится как белка в колесе: здесь постоянно толпятся вожатые. Вот уж не думала я, что на свете существует столько книг по методике пионерской работы! И, наверное, такой полной специализированной библиотеки нигде нет.

Их сын Валерий Кимович преподает краеведение в школе пионерских работников.

— Вы, конечно, знаете, что значит слово «артек»? — спрашивает он новичков.

— Знаем! Ласточка! Перепелка!

— В переводе с древнегреческого «ортекия» — это место отдыха перепелов, и они действительно тут отдыхают во время перелетов. Но вот был у нас в Артеке гость — брат Никоса Белоянниса, Хрйстос,— один из крупнейших топонимиков мира. Он согласился с нашим толкованием, но добавил, что на языке предков нынешних осетин — древних аланов — тоже есть такое слово — «артек», и означает оно спуск с горы.

— Конечно,— радуются уже кое-что узнавшие новички,— с гор можно прекрасно спуститься по берегам четырех артековских речек — Кумака-дере, Путанис, Суук-су и Черкес-дере!

— Да, можно бы вполне на таком толковании остановиться, если бы не было еще десятка других,— резонно замечает Валерий Кимович...

Как в калейдоскопе, предстают сначала перед будущими вожатыми, а потом из их рассказов и перед ребятами пестрые крымские века, оживают герои, ярче, зримее встает наша эпоха, вызывая еще большую гордость и любовь.

* * *

Я хотела бы рассказать о каждом работнике Артека, а их много. И о каждом пионере, а всего здесь бывает 27 тысяч в год. В блокнотах пестрит мозаика отдельных артековских тем. Это школа, где без домашней подготовки, с помощью разных игр и конкурсов ребята зимних смен легко усваивают программу. Это «Играй-город» — день национальных игр. Открытие клуба «Олимпия», похожего на всемирную олимпиаду в миниатюре. Встречи с самыми интересными людьми нашей страны и с гостями из-за рубежа — они, побывав здесь, влюбляются в Артек на всю жизнь. Конкурс бальных танцев. День рисунков на асфальте. Пионерская почта — ведь за пятьдесят лет здесь побывало пятьсот тысяч ребят, можно представить себе, сколько писем пересекает страну от артековца к артековцу, и от них — в Крым, к вожатым.

Но и у меня есть свой горн, он напоминает: пора. Остался за спиной главный артековский въезд, и уже с шоссе, сверху я еще несколько минут смотрю на главный пионерский лагерь страны, золотой от солнца, синий от моря, алый от галстуков и пилоток. Будь счастлив, Артек!

На уроке труда.

Праздничное шествие.

Монумент дружбы народов.

Света Токарева — юнкор из Приморья.

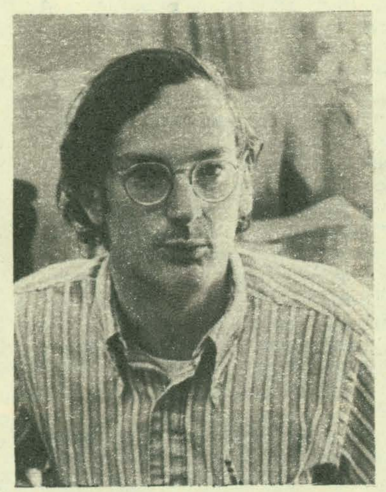
На добрую память.

Пионерский архипелаг.

В. НИКОЛАЕВ,
специальный корреспондент «Огонька»
Фото автора

американские репортажи*

ПЛОДЫ СОТРУДН

Роберт ВЕССОН:
«Полгода работы в СССР».

В Калифорнии, в небольшом городе Менло Парк, находится так называемая Геологическая инспекция. Ее задача — предсказывать землетрясения и бороться с их катастрофическими последствиями. В центральном здании этой службы висит большая карта штата, вся усеянная точками, обозначающими станции наблюдения, где постоянно, день и ночь, дежурят специалисты. В благодатном солнечном и вечнозеленом калифорнийском крае землетрясения всегда представляют реальную опасность. Поэтому здесь так солидно и поставлена эта служба.

И вот в этом весьма, я бы сказал, специализированном научном учреждении меня тепло приветствовал на вполне сносном русском языке совсем еще молодой ученый Роберт Вессон. Ему тридцать один. Годы его научной карьеры исчисляются пока однозначной цифрой. И тем более знаменательно, что он успел поработать в нашей стране шесть месяцев.

Полугодовая научная командировка — это уже не туристское путешествие, не поездка на симпозиум. К тому же в силу специфики своей работы Роберт Вессон проживал у нас далеко от столицы, в горах Таджикистана, в районе Гарма. Он был не один, а с группой своих коллег, американских специалистов. Кое-кто из них, Роберт в том числе, жил со своими семьями. Он до сих пор удивляется тому, как быстро освоился на новом месте его трехлетний сын, проявив при этом удивительные лингвистические способности. Роберт и его коллеги с восторгом вспоминают свою жизнь в горной глуши, среди местных жителей и советских специалистов, с которыми они сработались и подружились. Сейчас он в составе второй такой же группы снова собирается приехать в те же места еще на полгода. Ведь там, как и в Калифорнии, специалистам такого профиля работы хватает. Кстати, группа наших ученых точно так же работала несколько месяцев в Калифорнии.

Роберт УОЛЛЕС:
«Со стихией можно и нужно бороться!»

Самый обычный в наше время, но о многом говорящий факт. В разных сферах науки проявилось сегодня советско-американское сотрудничество. И обрело деловые, конкретные формы.

Научный руководитель отдела по изучению землетрясений Роберт Уоллес рассказывает мне:

— Американо-советское сотрудничество в этой области началось с мая 1972 года, когда было заключено совместное соглашение об охране окружающей среды. Были созданы с обеих сторон рабочие группы. Советскую возглавил академик М. Садовский, американскую поручили возглавить мне. Затем были разработаны планы совместных исследований в четырех областях: предсказание землетрясений; лабораторное и теоретическое изучение причин землетрясений; применение математики и компьютеров в этой области; инженерно-сейсмологические исследования. Каждое из этих четырех направлений возглавили по два специалиста — советский и американский. Сегодня совместные исследования идут полным ходом. Со стихией можно и нужно бороться! Помимо работы американских ученых в районе Гарма, а советских — в Калифорнии, у нас еще немало весьма перспективных общих дел. Например, этим летом наши ученые собираются работать на Нурекской ГЭС. Дело в том, что при заполнении водой огромного резервуара у плотины высотой в 300 метров для специалистов нашего профиля будет много дел. Вода давит на горные породы, и это необходимо точно учитывать, чтобы избежать их перемещения.

Роберт Уоллес дарит мне печатный труд, написанный двумя американскими учеными — Э. Бейли и М. Блеком, и советским — Н. Богдановым. В нем идет речь об изучении земной коры как на поверхности Земли, так и на дне Мирового океана. Авторы выдвигают оригинальные идеи, их претворение в жизнь сулит прогресс в науке и большой экономический эффект. И поскольку дело касается всей земной коры в целом, то тут уж вовсе необходима совместная работа ученых разных стран.

Когда знакомишься с тем, чем заняты в этой области ученые США и СССР, то понимаешь, сколь важна их совместная деятельность для человека. Казалось бы, землетрясение — стихия, с которой сладу нет. Оказывается, эту катастрофу можно предвидеть, а значит, можно успеть принять меры, которые значительно уменьшат возможные потери. Зная строение земной коры, специалисты точно указывают, что и как можно строить в районах, где случаются землетрясения. Мне привели такой конкретный пример. Одна фирма, не поставив в известность Геологическую инспекцию, начала строить в Калифорнии атомный реактор. Несколько лет ушло на создание проекта, потом миллионы долларов успели затратить на само строительство, которое осталось незавершенным, так как выяснилось, что сооружение возводилось в сейсмически опасном районе.

Это была моя первая встреча со специалистами из Геологической инспекции, а вот с американскими медиками я уже встречался. И каждый раз убеждался, что их связи с советскими коллегами год от года расширяются и углубляются.

Рут ХЕГЕЛИ:
«Создадим искусственное сердце».

В здании Министерства здравоохранения, просвещения и социального обеспечения, расположенном неподалеку от Вашингтона, уже больше двух лет работает телетайп, связанный с Министерством здравоохранения в Москве. Эта прямая медицинская связь позволяет ученым обеих стран быстро обмениваться информацией. Без телетайпа на это уходили недели. Такая линия связи стала насущной необходимостью, потому что значительно увеличился объем совместных работ, особенно в области сердечно-сосудистых и раковых заболеваний, а также по защите окружающей среды. Это не случайно. На долю сердечно-сосудистых заболеваний и злокачественных опухолей приходится более 2/3 причин смерти в развитых странах. А сохранение окружающей среды, спасение ее от губительного загрязнения — вообще одна из самых насущных задач, стоящих сегодня перед человечеством.

Понятно, что названные выше проблемы представляют интерес не только для США и СССР. Советско-американское сотрудничество создает предпосылки вообще для широкого международного обмена, отвечает интересам развития мировой науки и человечества в целом. Советско-американские соглашения не случайно предусматривают, что результаты их совместных исследований станут достоянием всех стран, и в частности Всемирной организации здравоохранения.

Один только перечень тем, над которыми сегодня совместно работают советские и американские медики, занял бы несколько страниц. Причем их научная деятельность действительно стала общей. Когда два года назад я впервые побывал в Национальном институте здоровья (комплекс ведущих научно-исследовательских медицинских институтов США в Бетесде, неподалеку от Вашингтона), то уже тогда было ясно, что сотрудничество развернулось всерьез и надолго. В этот же свой приезд я, бродя по разным институтам этого центра, то и дело встречал всюду наших специалистов. Такое повседневное, непосредственное творческое общение идет на всех уровнях. Примечательно, например, что двое крупных ученых — американский хирург М. де Бейки и наш хирург, министр здравоохранения СССР Б. В. Петровский совместно работают над трудом о хирургии сердца.

Из всех наших общих дел в медицине самым интересным, на мой взгляд, является работа над созданием искусственного сердца. Обе

* Начало см. в №№ 22, 23.

ИЧЕСТВА

стороны придают этому проекту большое значение. Достаточно сказать, что в 1974 году в Москве было подписано специальное советско-американское соглашение по этому вопросу. О его претворении в жизнь мне рассказала хирург Рут Хегели, она одна из ведущих сотрудников Национального института сердечных и легочных заболеваний.

Обаятельная женщина средних лет, она говорит очень логично и увлеченно, доходчиво излагает суть сложных проблем. С самого начала нашего знакомства я, признаться, про себя удивился, что женщина является видным ученым. В США это редкость. До сих пор там в высших сферах науки (и вообще во всех других высших сферах человеческой деятельности) женщин мало. Вот почему я поинтересовался тем, как складывался ее жизненный путь.

— Я твердо решила стать врачом,— отвечала мне миссис Хегели,— когда мне было семь лет. И с тех пор не расставалась со своей самой заветной мечтой. Но мне было нелегко. Даже сегодня в США женщине стать высококвалифицированным специалистом намного труднее, чем мужчине. А в те годы было еще хуже. Помню, на десять желающих поступить в медицинский институт едва ли приходилась одна девушка. А на вступительных экзаменах, когда я ответила на все основные и дополнительные вопросы, мне вдруг стали задавать и такие: «А как вы относитесь к мальчикам?», «Есть ли у вас возлюбленный?», «Ходите ли вы на свидания?», «Собираетесь ли замуж?..». Разве пришло бы в голову моим экзаменаторам задавать подобные вопросы юношам?! А мне вот задавали. Тем не менее мне удалось пробиться в институт. Все студенческие годы я работала, чтобы платить за учебу. Трудно было. Но своего я добилась.

Рут Хегели рассказала мне об общих делах советских и американских медиков, в которых она принимает самое активное участие. Уже несколько раз она была в нашей стране.

— Не случайно,— говорит моя собеседница,— работа над созданием искусственного сердца стала содержанием специального соглашения. Дело в том, что это очень сложная, комплексная задача современной науки. Решить ее могут только сообща специалисты самых разных отраслей медицины, химии, физики, техники... Нужно создать надежный и миниатюрный аппарат, который мог бы поддерживать нормальное кровообращение в течение длительного времени. Причем этот аппарат должен быть сделан из таких материалов, которые не будут вызывать свертывания крови. Другая проблема — источник энергии, питающий аппарат. Ко всему прочему нужна система автоматического регулирования, изменяющая интенсивность деятельности искусственного сердца в зависимости от физических и эмоциональных нагрузок. Это только самые главные направления работы. Предстоит решить немало сложных задач.

Затем Рут Хегели рассказала об истории работ в этой области. Как в США, так и в СССР уже накоплен немалый опыт. Еще в 20-х годах советский исследователь С. Брюхоненко создал впервые в мире прибор, выполнявший функции искусственного сердца. Сегодня медицине служат сложные аппараты, позволяющие обеспечивать искусственное кровообращение на протяжении нескольких часов («искусственное сердце — легкие»). Но настоятельно необходимо именно искусственное сердце, которое могло бы заменить настоящее!

Джон МОЛОВИ:
«Вместе работать лучше».

О другом направлении совместной работы — борьбе против рака — мне рассказал Джон Молови (Национальный институт рака):

— Сотрудничество американских и советских онкологов развивается успешно. С каждым годом мы сообща делаем все больше и больше. Причем наши научные контакты очень обширны и конкретны. Десятки онкологических научных учреждений США и СССР за последние два-три года провели много экспериментальных и клинических испытаний американских и советских противоопухолевых препаратов. Мы очень высоко оцениваем такие перекрестные испытания. Сейчас наша совместная работа ведется по таким главным направлениям: химиотерапия и иммунотерапия опухолей, изучение вирусов лейкозов и опухолей животных и человека, генетика опухолевых клеток. Сам я специалист по вирусологии рака. В этой области мы обменялись с советскими коллегами образцами вирусов, которые, возможно, могут быть возбудителями некоторых видов рака. Взаимное, с двух сторон, советской и американской, изучение этих вирусов приносит науке очень большую пользу. Недавно мы получили из Сухумского питомника двух павианов. Советские ученые вырастили вирус, взятый из организма человека, страдающего лейкемией, и привили его этим обезьянам. Несколько десятков наших специалистов продолжили здесь опыт советских коллег, исследовав течение болезни у этих павианов. Штамм опухолеродного вируса, который сухумские ученые переслали в США, был тщательно изучен нами, и наши специалисты подтвердили, что он может быть возбудителем лейкозов. В этом направлении сейчас ведется большая исследовательская работа. Нельзя не отметить, что такого рода кооперирование позволяет вести исследования гораздо быстрее, чем это удалось бы сделать порознь. Вместе работать лучше.

Джозеф САУНДЕРС:
«Взаимная выгода».

Горячо, со знанием дела говорил мне о том, как важны такие научные контакты, Джозеф Саундерс, отвечающий в этом институте за координацию совместной работы американских и советских онкологов. Он особо подчеркивал ту взаимную выгоду, которую извлекают ученые обеих стран. Вот несколько конкретных примеров.

В нашей стране смертность от рака меньше, чем в любой развитой капиталистической стране. Почему? Секрет — в нашей системе здравоохранения. Бесплатная медицинская помощь позволяет проводить массовые осмотры населения и во многих случаях обнаруживать заболевания на ранних стадиях. То есть тут залог успеха — в профилактике. Изучение нашей профилактической работы представляет большой интерес для американских онкологов. С другой стороны, наши специалисты отмечают, что и нам есть чему поучиться в США, особенно с точки зрения современного оборудования медицинских центров, их насыщенности электронно-вычислительной техникой. Но главное — это обмен научной информацией, совместная работа плечом к плечу. Как говорится, ум хорошо, а два лучше. Я неоднократно слышал от американских ученых (причем не только медиков) очень лестные отзывы о высоком профессиональном уровне советских специалистов, об оригинальности и богатстве их научных идей.

Любопытная беседа произошла у меня с директором Национального института глазных болезней Карлом Капфером. Понятно, что и в развитии этой отрасли медицины заинтересована едва ли не половина человечества (хотя бы те, кто носит очки). Как советские, так и американские специалисты немалого достигли. Например, наши хирурги первыми в мире применили лазерные лучи при лечении глаукомы, а американцам принадлежит ведущая роль в использовании лазера при лечении сетчатки глаза. Карл Капфер со справедливой, по-моему, обидой сетовал на то, что в его сфере деятельности американские и советские специалисты до сих пор не имеют таких контактов, как, скажем, онкологи. «Почему и мы не охвачены такими же американо-советскими соглашениями, какие есть у них?! — возмущался он.— Напишите об этом, пожалуйста, в вашем журнале»,— настаивал ученый.

Карл КАПФЕР:
«Контакты необходимы».

Да, перефразируя поговорку, можно сказать, что и хорошие примеры заразительны. Не только Карл Капфер, но и многие другие американские специалисты, еще не включившиеся в совместную работу со своими советскими коллегами, горят желанием установить такие контакты.

Вернувшись из своей очередной поездки в США, министр здравоохранения СССР Б. В. Петровский произнес слова, хорошо отражающие суть того доброго дела, которое столь успешно начато учеными СССР и США: «Мы воочию видели, как изменение международного климата и разрядка напряженности в отношениях между США и СССР благотворно сказываются на сотрудничестве в самых разных областях, на деле увидели плоды, которые приносит настойчивая борьба нашего народа за воплощение в жизнь Программы мира».

Вашингтон — Бетесда — Менло Парк, США.

■

Юрий **БОНДАРЕВ**

РОМАН

Рисунки И. ПЧЕЛКО.

БЕРЕГ

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Взвод завтракал без обычного утреннего оживления: в столовой позванивали ложки, не слышно было разговоров, смеха, шуток, лица солдат сосредоточенно наклонены, насуплены над котелками; сержант Меженин, сидевший во главе стола, похмельно-угрюмый, сизый, не притрагиваясь к каше, лениво отламывал кусочки хлеба, бросал их в рот, с бездумным равнодушием жевал, двигал челюстями. Заметив Никитина в проеме двери, Меженин против ожидания как-то чересчур уж взбодренно крикнул ему: «А, лейтенант!..» — и в светлых нагловатых глазах мутным отблеском прошла настороженность и сейчас же сменилась знакомым выражением бойкого внимания. А Никитин смотрел на него вопросительно и спокойно, спрашивая себя: «Что же я сейчас испытываю к нему? Злобу? Брезгливость?»

— Садитесь, товарищ лейтенант. Ушатиков, котелок каши командиру взвода! — скомандовал Меженин излишне распорядительным тоном.— Быстро! Что ты там, Ушатиков, возишься с кошкой, как младенец с чертихой? Кормить лейтенанта!

Лица солдат обратились к Никитину, но никто не отозвался, не улыбнулся на слова сержанта, все после вчерашних поминок, видимо, понимали, что между комбатом и командиром взвода не на шутку выросла стена раздора, догадывались, почему не уехал поутру в госпиталь Гранатуров и что за разговор мог быть минуту назад между ними. Таткин с уныло поникшими усами потревоженно замерцал в набрякших складках век рыжеватыми глазками. Ушатиков, украдкой кормивший кусочками мяса кошку на коленях, заморгал жалостливо при окрике сержанта и, не сталкивая кошку с колен, обтирая ладони о гимнастерку, привстал растерянно и снова сел, как бы не вполне сообразив, что хотел от него Меженин и зачем стоял в дверях и не входил в столовую лейтенант Никитин. И, сконфузясь, Ушатиков пробормотал:

— Голодная она, навроде как сирота...

— Малой ребятенок ты,— заметил старший сержант Зыкин и отложил ложку.— Голова у тебя — сирота. Ветер в ней гуляет, ровно в пустом сарае. Садитесь, товарищ лейтенант, перекусите малость.

Солдаты молчали, искоса поглядывали на Меженина. Он щурился, губы его раздвигала наигранная полуухмылка, чуть приоткрывая прокуренные передние зубы.

— Никак, голодать решили, товарищ лейтенант?

— Есть не хочу,— ответил Никитин и, подходя к столу, внезапно почувствовал темные, глухие удары в голове, сразу пересохло в горле, как тогда на поляне, когда стояли они за щитом орудия и когда пошел вперед по траве к лесничеству Княжко, и в крайние секунды чего-то непредвиденного, вот-вот готового свершиться по не уловимой никем причине, не выдержав этих секунд, упредительно нажал на спуск Меженин, и разрыв снаряда молнией сверкнул в верхнем окне, откуда прогремела потом автоматная очередь,— и, споткнувшись, сделав еще шаг, упал на колени Княжко, зачем-то вытирая лоб платком. «Я ведь не давал Меженину команды. Почему он стрелял?» — сквозь удары в голове вспомнил поразительно ясно Никитин, и вместе с отчетливой ясностью того момента, всплывшего в памяти, замутненной всем случившимся позже, он поразился и тому, что никто — ни он сам, ни солдаты — не обратил внимания, не помнил вчера этого. «Нет, никто его не обвинял... Выстрелил бы немец, если бы не Меженин?.. Но почему я обвиняю его? Что я чувствую к нему? Ненависть? Гадливость? Значит, ему полностью верит Гранатуров? Или хочет верить?»

— Спасибо, Зыкин, есть не хочу,— отчужденно выговорил Никитин, все не садясь за стол, оглушаемый биением крови в висках при звуке собственного голоса. — Так вот что я хотел...

— Сели бы с нами, товарищ лейтенант, голод не тетка. Чайку бы выпить?

— Голодает наш комвзвода, Зыкин, тоже для здоровья полезно. Всем бы нам поголодать, а то жрем немецкие харчи, пузо отрастили, ремень не затянешь, хо-хо!

«Зачем это говорит Меженин?»

— Так вот что я хотел сказать, сержант Меженин, черт вас возьми!..

Он еще не знал, что сделает именно в ту минуту, как выскажет сейчас предельно им понятое, выявленное, оголенное до смертельного обрыва, за которым наконец могло быть одно — последнее и облегчающее избавление от тошнотно душившей его ненависти к этому красивому, нагловатому, казалось, непробиваемому лицу, к полуухмылке, к этим попорченным зубам, к тому неурочному выстрелу из орудия и той кровавой расправе на поляне... И Никитин договорил вдруг разжавшимся металлической звонкостью голосом:

— Слушайте, Меженин... Если бы вчера вы погибли... еще в бою с самоходками... все было бы справедливо. Это ваша идиотская трусость была причиной смерти Княжко. («Как я странно, как определенно и уверенно говорю... Что же? Я понял, что теперь должен делать? Какое освобождение и уверенность — такого я давно не испытывал...») И запомните, пока не поздно. Если завтра я увижу вашу рожу в своем взводе, я вас расстреляю, не задумываясь... как труса и сволочь! За все... За Житомир, за Княжко, за всю вашу ложь и грязь! Вы меня поняли? Вы меня хорошо поняли, Меженин?

Ему было бы легче и проще, если бы он прокричал это в лицо Меженину, обуянный злобой и гневным приступом справедливости; крик раздирал ему горло, а он говорил с такой ледяной жестокостью, с таким ненормальным самоотречением, бесповоротно найденным выходом из безумной заразы, что страшно было слышать неизбывную и тихую решимость в тоне своего голоса, точно сейчас одной судьбой на виду у солдат взвода связывал и Меженина и себя, заранее приговаривая его к смерти, которая станет и собственным наказанием.

— Запомните: я сдержу свое слово. Пулю на вас не пожалею. Это — последнее, что я хотел вам сказать!..

Никитин видел, как синюшная бледность смыла похмельную одутловатость на щеках Меженина, как сероватым углом выступил не выбритый сегодня утром подбородок, но сержант сидел за столом, не подымаясь, заслонив стоячий взгляд густыми ресницами, потом механически стал отламывать, крошить кусочки хлеба, бросать их в рот. Меженин в молчании жевал, и буграми ходили его скулы, разом осыпанные зернистыми каплями пота.

Жаркая тишина утра увеличивалась, разрасталась в комнате до банной духоты, накаленной солнцем, и среди безмолвной затаенности всего дома было слышно, как спрыгнула на пол кошка с колен переставшего кормить ее Ушатикова, и Ушатиков, вытянув изумлением лицо, вылупив наивные глаза на Никитина, сполз со стула, ногой цепляя, задевая колено Таткина, однако тот не ответил ему ни жестом, ни словом, лишь точечки его зрачков сверлили Меженина, и все смотрели на него, а он по-прежнему невозмутимо жевал, ломал, царапал крепким ногтем ломоть хлеба на клеенке. Молчание гремело в ушах Никитина, и это молчание Меженина и солдат говорило ему, что после вчерашнего дня, после поминок никто никак не хотел раздорных поступков, никто не хотел осложнять отношений ни с сержантом, ни с ним, командиром взвода, потому что многое можно простить всем и каждому в отдельности, выйдя живым из боя.

И от полыхнувшей огнем мысли, выжигающей в сознании возможность примирения, от уже не подчиненного рассудочности решения его вдруг окатило морозящим сквозняком и ознобно затрясло внутренней дрожью: «Именно сейчас, вот сейчас, сейчас последнее... если он скажет хоть одно слово в оправдание... это будет конец — между мною и им...» И, весь леденея в ознобе, готовый к самому последнему, весь словно погружаясь в затягивающий зыбучий сумрак, растворявший недвижные лица солдат, лицо Меженина, ощущая вокруг пустынную, нейтральную полосу молчания, он неявственно и нечетко разобрал среди неисчезнувшего свинцового давления тишины рассудительно-злой басок старшего сержанта Зыкина, который, угрюмо глядя в котелок свой, для чего-то торопился объяснить причину благоразумного молчания солдат его взвода:

— Неужто стоит, товарищ лейтенант, из-за такого дерьма в штрафной идти? Много будет о себе думать! Если разобраться, ему в базарный день полкопейки цена... Человека кусок!

Продолжение. См. «Огонек» №№ 12—20, 22, 23.

— Нет,— отрывисто и еле слышно выговорил Никитин.— Вы всего не знаете, Зыкин, всего — нет...

— Я и говорю, товарищ лейтенант: в дерьме испачкаешься — долго не отмоешься. Его лопатой выгребают.

И тут не выдержал Меженин, его будто ударил кто-то снизу в подбородок, голова вскинулась, желваки острыми камнями запрыгали на скулах, суженные глаза набухли кровяной мутью.

— Ах ты, падло колхозное! Меня хоронишь? Сговорились? А ты... сморчок московский, так твою растак! Мне угрожаешь? Да еще неизвестно... неизвестно, кто кого... закопает! Меня свалить захотели, падла! Да я вас зубами!.. Как кость перегрызу! Вы на меня? На меня?..

— Меженин! — крикнул Никитин и по молниеносному сигналу памяти опустил правую руку вдоль тела, на то место, где к бедру опасно придавливалась плотная тяжесть «ТТ».— Замолчать, Меженин!..

— Расстреляешь? Меня? Меня-а?..

Меженин выскочил из-за стола, с треском отталкивая спиной стул, отпрянул к окну, лицо, по-зверски оскалясь коричневыми зубами, моталось, передергивалось, и в следующий миг, хищно и ловко изогнувшись, издав глухой хекающий звук, он нырнул к полу, схватил стул двумя руками за ножки и, храпя грудью, занеся стул над головой, швырнул его в Никитина, который рывком инстинкта на шаг отшатнулся в сторону, все продолжая расстегивать кобуру немеющими в спешке пальцами.

Стул врезался в косяк двери, что-то тупое и жесткое ударило по плечу Никитина, а он вроде бы не успел увидеть полет ударившего его осколка — стул с отломанной ножкой упал, загремел по полу — и не успел четко увидеть обезображенного ненавистью лица Меженина, потому что все разом подернулось, замутнело белым, звонким, заполненным человеческими голосами туманом, и он шагнул в этот туман, споткнувшись обо что-то угловатое, твердое на полу, с неловкой тормозящей жесткостью в правой руке и правом плече невесомо вскинул неощутимыми пальцами «ТТ» и выстрелил дважды по какому-то неясному белесому облаку, имеющему почему-то не вид лица, а один дико, по-рыбьи разъяренный безголосым криком рот, мгновенно пропавший куда-то за горько обдавшую порохом пелену тумана...

— Товарищ лейтенант! Товарищ лейтенант!..

«Все!» — подумал Никитин в сумеречной оледенело-спокойной отстраненности, уже понимая, что сейчас совершил то, что вот с этой отсчитанной минуты меняло его жизнь, и почти не различал вокруг себя крики, размыто видя перед собой ошеломленное лицо Ушатикова, Таткина, Зыкина, знакомые и чужие лица солдат, подступившие к нему из тумана. Он незряче смотрел сквозь них, мимо них и для чего-то старательно и упорно, будто это было теперь главным, вталкивал в кобуру ставший в его руке скользким куском металла пистолет — и не попадал, не находил кожаное гнездо и, не найдя, сунул пистолет в карман, ссохшимся шепотом сказал первое, пришедшее из подсознания как необходимость:

— Зыкин... остаетесь за меня... Я сам сейчас доложу.

Он не расслышал ответа Зыкина, глядевшего откуда-то издалека пристально упрекающими глазами, но помнил, что его никто не задерживал, не останавливал, не отбирал оружие, не осуждал, и бессознательно, неизвестно зачем, он вышел в коридор и там, нагнувшись, повернул к выходной двери, чтобы, наверно, глотнуть свежего воздуха, сопровождаемый волнообразно вязнущими за спиной голосами (кто-то сзади взахлеб повторял одно и то же кому-то, выкрикивал в оторопелом непонимании, что лейтенант стрелял по сержанту, убил или ранил его), и, когда распахнул дверь в перегретый сладким теплом настоянный воздух, в жарко-солнечный блеск утра на зеленой лужайке, позади громче засновали шаги, раздались командные возгласы («Где, где?»), опять загрохотали по коридору шаги, и чей-то окрик, настигая, угрозой взвился над всплесками голосов:

— Никитин! Стой! Стой!

А он, переступив порог, шагнул на каменные плиты, проложенные к лужайке, шахматно исчерченной светом и тенями сосен, вдохнул водянисто-пресный запах травы, и сердце запнулось в тугом скачущем перебое, и потемнела лужайка впереди.

— Никитин, стой!

Он не оглянулся. У него толчками звенело в ушах.

— Никитин, стой, приказываю! Стой!..

Грохоча сапогами, затрудненно дыша, Гранатуров подбежал к нему, железной силой рычага рванул одной рукой за плечо, недоуменная рыскающая темнота его взгляда, выжигающе спрашивающая, кидалась то в самые зрачки Никитина, то на расстегнутую кобуру, он кричал, задыхаясь:

— Что? Что сделал, Никитин? Стрелял? Зачем? С ума сошел? Да ты что? Где оружие? Где твое оружие?

— Можете арестовать меня, комбат,— сказал Никитин.— Арестовывайте.— И в машинальном, полубезумном спокойствии расстегнул пряжку ремня.— Кажется, ремень снять... и погоны? И, кажется, нужна записка об аресте и конвоир?

— Где?.. Где оружие, я спрашиваю? Где пистолет? Заткнись, иди, вот псих, мушкетер несчастный!..

Всей громоздкой фигурой Гранатуров как бы заслонял Никитина от суматохи, передвижения, голосов в коридоре, толкал, теснил его локтем, придавливал коленом к стене дома, начал быстро ощупывать кобуру, оказавшуюся пустой, и тут же лапнул правый карман его галифе и, рвя наизнанку вывернутую материю подкладки, выдернул пистолет, вбросил его в свой карман, выкрикивая со злобой:

— Что же ты наделал? За что ты его? Что ты сделал? Что? На какой шаг пошел, на какой шаг, мальчишка! Думал чем-нибудь? Княжко подражаешь? Захотел жизнь свою исковеркать? Пострадать за правду? Интеллигенты, дьяволовы щенки молочные!

— Нет. Не то, комбат...

— Что «не то»? А ну! Иди вперед! — бешено крикнул Гранатуров, косо двинув плечом в спину Никитина.— А ну! В дом иди! Назад! Я тебя арестовываю! В дом, лейтенант Никитин! Ремень снять, погоны снять! Таткин, взять автомат — и ко мне!

Потом, уже проходя по коридору, вмиг затихшему, почудилось, по-вечернему совсем темному, разделенному нечеткими пятнами лиц вдоль стен, он снял ремень с пустой кобурой, отстегнул погоны, молча передал все это в чьи-то ковшиком подставленные ладони, удивился — «ковшиком!» — и здесь же, в коридоре, из открытой настежь двери столовой не сразу и не очень отчетливо услышал протяжно-однотонные, жалобные, зовущие стоны, затем дошел грудной командный голос Гали: «Да подложите ему шинель под голову!» И тогда он невольно взглянул в солнечную прорубь света, туда, в угол этой комнаты, куда стрелял он. Там, между Зыкиным и Ушатиковым, глядя вниз с серьезным, озабоченным лицом, стояла Галя, зубами разрывая индивидуальный пакет, но отсюда, из коридора, не было видно лежавшего на полу Меженина, загороженного столом. Стонал он. И что-то раскаленно зазубренными краями повернулось в груди Никитина: неужели это Меженин? Неужели это он?

Нет, так по-человечески жалобно, безнадежно не мог стонать Меженин, еще несколько минут назад выскочивший в неистовстве из-за стола, с истерической энергией намеренный защищаться, рушить, взорванный ненавистью к Никитину, к старшему сержанту Зыкину. И это он, Меженин, в затмении угрожающего действия, крича полоумным животным криком («Как кость перегрызу!»), швырнул в Никитина стул и, промахнувшись, ринулся к взводным автоматам, сложенным на полу.

«Нет, он не мог так стонать, это ошибка, это не Меженин, не он...»

— В госпиталь его! Быстро перевязку и на моей машине в госпиталь! — властно скомандовал за спиной Гранатуров в открытую дверь и выматерился муторной скороговоркой, переменил команду:— Стой! Без меня не отправлять! Не отправлять! Я сам с ним поеду! Выносите его к машине и подождать меня! Ну, вперед, вперед! — приказал он, подгоняя Никитина с грубой неутихающей яростью, круто, нетерпеливо его тесня.— Быстрей, быстрей, говорят!

— Только вот что... Прошу не кричать на меня, комбат! — сказал Никитин, едва удерживая голос на краю безумного спокойствия.— Я пройду, куда вам угодно... в штаб полка, в «Смерш», куда хотите...

— Ма-алчать! Советовать мне еще будешь! — закричал Гранатуров, плотнее надвигаясь сзади и в затемненном, за кухней, тупичке коридора железной хваткой сдавил его плечо, пихнул к деревянной лестнице, которая вела на мансарду, где была комната Никитина.— Туда! Наверх! Запереть его! Таткин! Запереть его и охранять! Стоять возле двери и — ни на шаг, никуда не выпускать! Ясно? Отвечаете за него!

— Напрасно, комбат,— сказал Никитин, поймав зрением маленького, угрюмо-насупленного Таткина, потерянно замявшегося возле ступеней лестницы.— Я никуда не убегу. Нет смысла.

— Молчать! Наверх его, туда! Запереть и охранять!

И было еще одно — унизительное, не облегчающее, как бы последнее на этом пути к его комнате после ареста. Сопровождаемый вооруженным Таткиным, он стал подыматься по лестнице и посмотрел вверх на стрелы сквозных солнечных лучей, на пронизанное светом дня маленькое пыльное оконце. И ему вообразилось, ему померещилось: что-то белое легкой косой тенью мелькнуло, испуганно отскочило за щелью слегка приоткрытой на площадку двери, и мгновенно дверь захлопнулась, там, наверху, слабенько щелкнул изнутри ключ.

Он вошел в мансарду, полуобернулся к оставшемуся на пороге Таткину, не встретив его отпрыгнувшие к стене глаза, сказал: «Ну, охраняйте...» — но только закрылась дверь, ноги перестали слушаться, подкосились в коленях, он упал плашмя на постель, лицом в подушку, шепча в исходном приступе лихорадочного, удушливого отчаяния:

— Это все, все, это все...

Ключ заворочался в замке и отдался тошнотным звуком; опустилась на мансарду тишина; а внизу отдаленно жужжали, сталкивались разжиженные голоса.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

«Дяденька-а!..»

С левого берега пробила пулеметная очередь, высекла изо льда искры, и он пригнул голову, упираясь локтями в края проруби. Ремень натянулся, распарывал взлохмаченную воду толстой струной, и ощутимо на том конце ремня боролась неимоверная упругая тяжесть, рванувшая его за собой: Штокалов, вытолкнув из воды предсмертное, с белыми глазами, с исковерканным ртом лицо свое, хрипя нечленораздельное, исчез под кромкой проруби. Его неудержимо потащило туда, под синеватый ледяной срез, и мокрая лента ремня стала твердой, как железная палка, а этот металлический рычаг с гигантской силой повернулся, всплескивая волну, вправо и влево. И неведомое, ужасное, тайное, что было в этой студеной воде, повезло, поволокло Никитина за руку, на которой намертво был накручен ремень. И он, еще борясь с поворотами рычага, из последних усилий потянул к себе это живое, неодолимое, тяжелое, ушедшее под закраину проруби, чувствовал, как его волокло и волокло локтями, животом по льду к чугунно-черной воде, дышащей гибельным холодом. Не было уже никакой опоры, а его все быстрее, все наклоннее везло к обрыву проруби, снизу жгуче окатившей паром и брызгами голову, и он успел заметить справа, вблизи своего локтя, большого полосатого окуня, выброшенного разрывом, вмерзшего в обледенелые осколки растопыренными жабрами. Это было единственное препятствие, во что еще мог упереться его локоть. Он сделал скачок локтем, жесткая пряжка ремня бритвой резанула по ладони, а Штокалов все рвал ремень из глубины, дергал, тянул, чудовищными рывками увлекал его за собой, и закаменелый колючками жабер окунь, хрустя, прополз куда-то под грудь ему.

И потом ударил, хлынул в рот, в ноздри рвотный вкус зимней воды, а в мутном дыме ее замелькали впереди темные скользкие тени, похожие на вожделенно, остро растопыренные клешни голодных раков, которые со всех сторон спеша подползали к нему, туго зашевелились под ним, сталкиваясь, скрипя холодными панцирями на голом животе под шинелью, впиваясь рвущей болью...

Так на долю секунды представилась ему своя смерть, и тогда, в подсознании последнего напряжения не выпустить ремень, почти захлебнувшись поднятой волной, он очнулся от боя пулеметной очереди над головой — она пробила с того берега низкими трассами. Он лежал на самом краю проруби, стонал, выташнивая воду, а в кровь изодранная об лед, сведенная судорогой рука закоченела, не выпускала, держала ремень, бессмысленно легкий, освобожденный. И посреди успокоенной полыньи тонко, стеклянно позванивали, терлись друг о друга льдинки, и круглыми чашами плавали две шапки — его и Штокалова, поношенная солдатская ушанка с пропотелой внутренностью, где по-хозяйственному была вколота иголка, обмотанная ниткой.

Штокалов... Когда это было? В сорок втором под Сталинградом на реке Аксай. Перед сумерками он шел из КП полка вместе с присланным за ним из штаба незнакомым связным по фамилии Штокалов, разговорчивым деревенским пареньком, похожим шустрой, прыгающей походкой на воробья, а через полчаса ходьбы в русле Аксая напоролись на немецкого пулеметчика, сначала упали на лед, поползли, затем кинулись под прикрытие берега, и здесь Штокалов провалился в развороченную, вероятно, утром тяжелым снарядом полынью, затянутую неокрепшей пленкой.

«Почему я думаю о Штокалове? И это не сон, и я не сплю, хотя нужно заснуть, но не могу и вижу все, и помню, будто вчера было... Там, в проруби, плавали две шапки, и, значит, я тоже мог тогда погибнуть. Штокалов погиб, а я остался... Почему, когда он провалился в ту прорубь, то не закричал: «Лейтенант!»,— а как-то непонятно вскрикнул по-деревенски: «Дяденька-а!» — вроде войны не было, а просто шли по льду в соседнюю деревню. И мне не хватило сил вытянуть его из полыньи; почему я не смог? И не смог спасти, вывести из окружения санинструктора — как ее звали? Кажется, Женя... И не хватило сил... чего-то мне не хватило остановить вчера Княжко, задержать и предупредить то, что произошло на поляне... Но в какой момент? Как? Никогда я не забуду, как Княжко упал на колени после автоматной очереди. Как странно, и зачем он провел рукой по лицу? О чем он подумал тогда?..»

В полуяви дремотного оцепенения, в горячей вечерней духоте прокаленной за день мансарды Никитин лежал на постели, облитый жарким потом, сердце билось, спотыкаясь, он слышал его глухие удары, а память не защищала, не подсказывала ему оправдания, и он не искал оправдания, очищения собственной вины, потому что невыносимее всего было то, что в те последние секунды чужой гибели он что-то не сделал крайнее, сверхвозможное и не смог, не сумел помочь, предупредить... И это ничем не оправданное бессилие, горечь вины были теперь до того неискупимы, и так отчетливо, реально повторялось перед ним вынырнувшее из черной воды проруби уже без надежды, уже смертное лицо Штокалова, его захлестнутый волной крик: «Дяденька-а!»,— так страдальчески и незнакомо были сведены влажные брови Жени, на которых он представил ползающих весной муравьев, и так по-детски косо лежала светлая прядь волос на бледном виске Княжко, что Никитин замычал, заскрипел зубами в оборении пронзающей боли и хотел вырваться из неумолимых тисков полусна — и тотчас нечто туманное, белесое выплыло, заметалось впереди облаком, возникло чье-то лицо, загородило другие лица. Оно было очень неясным, но оно угрожающе-враждебно оскалилось, отпрянуло в сторону солнечного окна, потом над ним сверкнули красным выстрелы, все поплыло звоном и тишиной, и неузнаваемый голос, захлебнувшись пораженно, разбух всколыхнутой черной безобразного страха: «Лейтенант стрелял по Меженину! Неужто убил?..»

Ему мерещилось, что он спал и видел одни и те же сны, но в то же время сознание словно бы отделилось от состояния сна, и он понимал, что не спит, плывет в зыбкой волне забытья и думает о муке невозможности оборвать этот бред, являющийся только зашторенной чем-то темным действительностью.

«Кто так страшно кричал? И о ком это? Какой лейтенант?— сумеречной полосой текло в сознании Никитина.— Нет, все не сон. Да это ведь было. Я, кажется, вошел в столовую, потом в моей руке был пистолет. Значит, я стрелял в Меженина. Выстрелил я... В столовой был завтрак. Были все... И теперь я отвечу. За то, что сделал. Что же дальше будет? Военный суд, разжалование, штрафной батальон, искупление кровью? Я совершил преступление. И я не имею права оправдываться. Нет, я не убил его... Он стонал. Его перевязывали. Да, я арестован, и лежу вот здесь на постели, и жду, когда меня увезут куда-то. Что ж, я сам знаю... знаю, что надо было иначе. Но как иначе? Неужели я жалею его? Так нужно было? Тогда зачем? Я плохо помню, что я делал. Кто виноват? Я? Он? Я мстил за Княжко? Защищал себя? Не мог ничего забыть?»

До того момента, когда память подсказала ему опустить правую руку на кобуру, до того стремительного мига, когда он нажал на спусковой крючок и прозвучал выстрел по белесому облаку, вставшему под окнами комнаты, в нем не было ни нерешительности, ни частицы сомнения, как если бы приказом разума, справедливым приговором спасал всю батарею, целый мир и карал предательство, трусость, ложь в лице одного человека, которого после вчерашнего дня ненавидел так, как никого в жизни. Но минут пять спустя, остановленный на лужайке Гранатуровым, арестованный, то есть уже обвиняемый, увидев под теми же сплошь солнечными окнами Галю, серьезно глядевшую вниз, в спешке разрывающую индивидуальный пакет, услышав протяжные стоны загороженного столом Меженина, он сперва не поверил, что этот ненавистный ему человек может испытывать человеческие страдания,— и что-то раскаленно прошло в душе Никитина. Нет, он сам принял решение совершить суд, знал, что последует за этим (арест, трибунал, штрафной батальон), нет, он вовсе не мстил, а очищал с себя, с Княжко, со всей батареи отвратительную, мерзостную, прилипшую слизь, но мгновенное раскаяние, жалость при той стонущей человеческой боли оглушили его, и в голове пронеслось: «Кто дал мне право?»

А потом, после ареста, лежа один, запертый в душной мансарде, охраняемой часовым, он вспоминал день за днем все, что было, как было, как обострялись его отношения с Мележениным, стараясь заглушить одну боль другою болью,— и не то в дремоте, не то в бреду думал, какую боль должен был ощутить Княжко, ударенный очередью в грудь на той проклятой поляне, и понял ли он, что его убил Меженин, ненужным выстрелом орудия вызвав ответный огонь не поверивших немцев. Он, Никитин, не раз был в чем-то виноват, бессилен перед чужой смертью — как и тогда, в сорок втором, на реке Аксай и в том окружении,— и, наверное, на передовой многое простилось бы Меженину, стерлось следующим боем, осталось неопределенным, если бы не поминки, письмо Андрея и этот донос Гранатурову.

«Гнусность, подлость! Нет, я не должен его жалеть, я не имею права его жалеть. Я сделал то, что должен был сделать. Так должно быть со мной. Все шло к этому. Это началось давно... Но все шло к этому!..— повторялось в голове Никитина с такой четкой определенностью неисправимого положения, с такой готовностью пройти через свою кару, круто и ломко поворачивающую его судьбу в темное, неизвестное, что спотыкалось в удушье сердце от этой выделенной сознанием случившегося казнящей мысли:— Я сделал... Я сам хотел этого. Пусть будет так!..»

Измученный, весь в обильном поту, он вдруг открыл глаза и перевел дыхание, как после борьбы.

Было темно в комнате, и не по-вечернему, а по-ночному спала, везде таилась тишина — на нижнем этаже, за дверью мансарды, за черным окном; нигде ни звука, ни голоса.

«Теперь я не должен, я не имею права раскаиваться!— начал внушать себе снова Никитин, прислушиваясь к молчанию в доме, и сбросил затекшие ноги с кровати (сапог не снимал), зашагал по комнате наугад к двери, где, казалось, целый день не шелохнулся на посту часовой, и пошел обратно к постели и обратно к двери.— Тогда зачем же? Зачем так долго? Нет, скорее бы, скорее бы только!..»

Звучно взвизгивали старые половицы под ногами, деревянный их скрип, его шаги, шорох неподпоясанной гимнастерки заглушали дыхание, частые удары сердца. Он остановился, не зная, что делать, чем ускорить, убить время до утра, а утром, как он понимал, должно было проясниться все, решиться все твердо и бесповоротно.

«Сколько же?.. Сколько уже времени?» Он напряг зрение и пригляделся к ручным часам, подставляя их к проему окна: так немного светлее было. Стекло на циферблате голубовато расплывалось, отблескивало, но кое-как стрелки можно было различить: шел двенадцатый час. «Что делать до утра? Я не смогу заснуть...»

И его томила нагретая темнота мансарды, незавершенность какого-то действия; было душно. Он раскрыл створку окна, сел на подоконник. Снизу мягко и влажно подымался пряный запах; белели застывшим дымом яблони за оградой сада; было начало ночи, безлунной, теплой; слабая синева на западе, где давно истаял за лесами длительный закат, еле светлела под чернотой огромного неба, там играли теплыми веселыми переливами трапеции и стрелы высоких майских звезд. И всюду — около дома, над угольными тенями городских крыш, над редкими блестками звезд в озере, над опушкой соснового леса, откуда утром нежданно пошли в атаку самоходки,— стояло чудовищное безмолвие. Только в одной стороне, меж позицией батареи и озером, однотонно, скрипуче кричала ночная птица, и этот однообразно повторяющийся деревенский звук посреди пустынных холодеющих лугов на окраине спящего немецкого городка показался Никитину случайным, заблудившимся здесь, в каменной Германии.

«Кажется, кричит коростель. Как он попал сюда?»

Потом он ощутил страстное желание закурить, стал быстро шарить по карманам, нашел наконец измятую пачку и скомкал ее в кулаке — она оказалась без единой сигареты: выкурил днем последние, когда лежал на постели, запертый Таткиным в мансарде.

И, чтобы легче было, он сильно потер лоб, будто умываясь освежающим воздухом, затем бесцельно чиркнул зажигалкой, вторично чиркнул, задул огонек, сказал вслух: «Все!»— и тотчас дернулся даже от чужого голоса, внятно окликнувшего его, чудилось, рядом, из-за спины:

— Товарищ лейтенант!..

— Кто? Что?— Он спрыгнул с подоконника и вновь торопливо высек слабое бензиновое пламя, сделал несколько шагов к двери.

Там, за дверью, кто-то завозил по полу сапогами, кашлянул и полминуты спустя позвал напрягшимся шепотом:

— Товарищ лейтенант, с кем вы, а? Не спите, разговариваете вроде...

«А-а, часовой!.. Да, да, а я думал: нáчало мерещиться...»

И, узнав этот голос, несмелым шепотом проникший в комнату с площадки лестницы, Никитин, бессознательно светя зажигалкой, подошел к двери, спросил тоже шепотом:

— Это вы, Ушатиков? Вы Таткина сменили?

— Я, товарищ лейтенант.— Ушатиков притих по-мышиному, затем не то вздохнул, не то протяжно сапнул носом и почти неслышно:— Это я, Ваня Ушатиков, солдат ваш...

— Что в батарее, Ушатиков? Почему так тихо?

Никитин спросил это и замолчал, привалился плечом к косяку, виском прижался к твердому, пахнущему старой краской дереву. Его солдат Ушатиков, восемнадцатилетний паренек, стоял часовым возле запертой снаружи двери, там, на лестничной площадке, отделенный от него ничтожно малыми сантиметрами пролегшей сейчас между ними границы, которая определяла уже нечто неприступное, новое, неестественное в их довольно не длительных по времени отношениях. Самый молодой во взводе, Ушатиков пришел на передовую

лишь прошлой зимой, на территории Польши, и он по-особенному нравился Никитину, длинношеий, не потерявший простодушное любопытство после первых боев, наивный восторг удивления перед каждой, аксиомной для других деталью войны, постоянно заставлявшей его выпучивать круглые изумрудные глаза, ахать и как-то совсем уж не по-мужски всплескивать и хлопать руками по бедрам. Был он неизменной целью насмешек, но от него излучалась нехитрая, притягательная доброта, неиспорченная, угловатая доверчивость — до смешного заметные качества в соседстве с матерыми и повидавшими виды солдатами взвода.

— Значит, все спят, Ваня?— повторил Никитин, намереваясь поддержать, продолжить разговор, чтобы слышать этот робкий ответный голосок Ушатикова, и его возню сапогами, и смущенное его покашливание.— А где комбат? Уехал?

— Они с врачом в госпиталь Меженина повезли, давно уехали,— прошептал Ушатиков, и при этом вообразил Никитин, как он вытянул долгую свою шею к двери, сообщая недозволенное.— А внизу никто, кажись, не спит, лежат в комнатах... Старший сержант Зыкин там все о вас и Меженине говорит...

— И что же говорит Зыкин?

— Не надо было, говорит, товарищ лейтенант... сокрушаются во взводе-то. Сурьезный, говорят, очень вы были. Как же вам теперь? Засудят до штрафной али еще что? Погонют куда-нибудь арестантом, всю жизню молодую Меженин вам свихнул... Вот беда-то какая нашла! А сам Гранатуров, когда уезжал, очень строго приказал всем: чтоб ни одного слова никому, что в батарее произошло. Не в себе был... Аж в бога ругался. Зачем вы, а?..

— Я сделал то, что сделал,— сказал Никитин, покоробленный по-бабьи жалостливым сочувствием Ушатикова, его бесхитростным сообщением о разговорах во взводе.— Все было сложнее.

— А как же так, товарищ лейтенант, вышлото как неудобно вам!— заторопился за дверью шепот Ушатикова, и воображением увидел в темноте Никитин его моргающие глаза, они круглились испугом и удивлением.— Никудышный он человек, злой, ненормальный, да пусть себе ползал бы, как гадюка какая, авось, до смерти не укусил бы. Ведь немца убивать-то страшно, не то что своего, нашего. Я дома курицу, когда мамка просила, зажмуренный рубил — ужасть самому было. Зачем вы, товарищ лейтенант, сами хотели на такое отчаяние пойти?

— Нет, я этого не хотел,— сказал Никитин и, жмурясь, непроизвольно чиркнул зажигалкой, посмотрел на огонек.— Не хотел. Долго, Ваня, это объяснять. И зачем объяснять?

— Вроде сами вы хотели на отчаяние такое пойти, товарищ лейтенант. Заарестуют вас... Как без вас во взводе будет? Привыкли к вам. Лейтенанта Княжко убило, а с вами вот такое страшное дело. А мы-то как?

— Пришлют нового командира взвода. Да и война кончается. Очень скоро все кончится, Ваня. Я уверен.

По ту сторону двери непроницаемая, как чернота ночи, встала между ними граница неподвижности; не переступали сапоги по скрипучему полу, прекратился шепот, и опять представил Никитин близкого за порогом, понуренного в потемках Ушатикова, поставленного охранять его, командира взвода, и терзаемого наивным непониманием, сочувствием, страшной внезапностью всего случившегося.

«Он сказал «привыкли»,— подумал с тоской Никитин, зачем-то механически высекая и гася огонек зажигалки.— Да и я сам привык, до невозможности к ним привык!»

Они оба молчали, и вдруг громко шмыгнул носом Ушатиков, затоптался, передвинулся на площадке, и беспокойством вполз шепот сквозь тьму в комнату:

— Товарищ лейтенант, что вы там щелкаете? Не оружие у вас?

— Нет, Ваня, зажигалка. Очень хочу курить. Сигареты кончились. У вас что-нибудь есть покурить?

— Ах, господи!— ахнул Ушатиков и, вероятно, озадаченный, шлепнул себя ладонью по бедру.— А я-то думаю, защелкало у вас, не пистолетом ли балуетесь? Мысль дурная при-

шла: как бы с отчаяния в себя не пальнули! Господи, моя мама, есть у меня курево, есть! Сигареты трофейные. Цельная пачка есть...

— Если можно, откройте дверь. Дайте мне несколько штук.

— Да что ж вы раньше-то? Сейчас я... Ежели бы вы раньше, так я бы... Сейчас я ключом открою, только втихаря, товарищ лейтенант, ладно?

— Откройте.

Тихо звякнул, заскоблил ключ в замке, потом дверь отворилась, и в проеме темноты, теплой, плотно сгустившейся на маленькой лестничной площадке с голубоватым от звезд круглым оконцем вверху, неловко толкнулся навстречу своими горячими руками едва различимый за порогом Ушатиков, засовывая Никитину в пальцы пачку сигарет, бормоча сконфуженно:

— И как вы раньше-то? Не курю я. А так, для фасону. Со всеми дым когда пустить. Всю пачку возьмите. Не нужно мне...

— Спасибо.

Никитин нащупал сигарету, пламя зажигалки красновато осветило молодое удивленное лицо Ушатикова; поморгав, замерцали остановленные на жидком пламени, растерянно ждущие чего-то глаза, а юношеская шея его вытягивалась столбиком, вся открытая расстегнутым воротником гимнастерки. Спертая духота скапливалась тут, на тесной площадке, подымалась теплом из нижнего этажа.

— Может быть, вместе покурим, Ушатиков? — сказал Никитин. И, заметив, что не было при нем положенного часовому оружия, усмехнулся, спросил: — Ну, а где ваш автомат? Что же вы меня без оружия охраняете?

Он прикурил, но не затушил огонек зажигалки, смотрел на добрые губы Ушатикова — так было веселее, спокойнее как-то ему.

— В углу он... извините, товарищ лейтенант,— забормотал Ушатиков, повозил еле слышно сапогами, потупился, затем перевел разговор легонько:— И кошка, дура такая немецкая, пришла давеча снизу и пристроилась на половичке, спит себе, сатана, как русская, и никаких. Пристала ко мне,— ласково прибавил он, глядя под ноги.— Видите, товарищ лейтенант? Мурлычет себе, животная такая. Умная, ровно сродственника нашла. Тут и стою с ней, зашибить ее сапогом боюсь.

Но Никитин не проявил никакого интереса к кошке, молча дал прикурить Ушатикову и погасил зажигалку. Долго молчали. Ни единого звука не было в доме, погруженном в сонный час ночи.

— Эх, боже мой, боже мой!— шепотом заговорил грустно Ушатиков, сдерживая кашель, давясь дымом.— Не страшно вам? А утром как с вами будет, товарищ лейтенант?

— Я когда-то еще до войны читал, Ваня: за все надо отвечать и расплачиваться. За все. Понимаете, Ваня? Я раньше этому не верил.

— Да как так может быть?— не понимая, смутился и вздохнул Ушатиков.— А ежели какой человек только доброе делал? За что же тогда? Ах, боже мой, боже мой...

Они опять замолчали и так курили вместе среди несокрушимого покоя дома, разделенные порогом отворенной двери. Никитин — стоя в комнате плечом к косяку, Ушатиков — на лестничной площадке, и загорались, меркли впотьмах светлячки сигарет, несовместимо связывая их недоговоренностью, одинаково неразрешимой простотой и сложностью обстоятельств, которые так же не зависели от них обоих, как не зависело еще вчера утром многое, что принято считать судьбой, от команд, приказов Никитина, от нервной расторопности Ушатикова у затвора орудия в часы атаки и отхода через лес немецких самоходок.

— Товарищ лейтенант, слышите?— Вспыхнув, жарок сигареты выхватил, подсветил снизу лицо Ушатикова, и фосфорическими бликами тревожно скользнули его белки вправо влево, истаивая одновременно с тускнеющим угольком сигареты.— Все время так...— договорил он, прерывисто потянув носом.— С тех пор, как встал на посту, так и слышу...

— Что вы... о чем, Ушатиков?— спросил невнимательно Никитин.

И Ушатиков заговорил таинственным шепотом, проглатывая слова скороговоркой:

— То на цыпочках она к двери подойдет, поцарапается, как будто ногтем, и отойдет, то поплачет у себя тихонько, чтоб не слыхать под дверью, а слух у меня, как у собаки... Комбат на улицу ее не велел выпускать, а она выходить из комнатенки боится, товарищ лейтенант, а ей что-то надо. Немочка-то глазастая, шустрая такая, а вот боится нас, как зверей каких... Слышите, товарищ лейтенант, похоже, по двери скребется?

«Эмма, Эмма!— остро обожгло Никитина, и, глянув в темноту, где должна быть ее дверь, почувствовал, как знойно стало лицу и горячо сдвинулось, забилось в висках сердце, вспомнил тот момент, когда, конвоируемый Таткиным утром, без ремня и погон, арестованный Гранатуровым, подымался вот сюда по лестнице, и промелькнуло что-то быстрое, белое в дверной щели, а потом стукнула наверху, прихлопнулась дверь, испуганно щелкнул изнутри ключ.— Да, в той комнате... здесь рядом Эмма, это она...»

В течение многих часов, проведенных уже под арестом в своей мансарде, он почти не думал, не вспоминал о ней с последовательной и необходимой подробностью: все, казавшееся не главным теперь, измельченным, случайным, было вытеснено из головы огромным, совершившимся, что сделал он сегодня утром, и мысль к Эмме возвращалась непрочно, лишь начинал звучать, гадливо ворочаться в ушах голос Гранатурова — и, не соглашаясь, отрицая его подозрения, он, чудилось, ощущал слабый вкус ее шершавых губ, видел полураскрытые улыбкой влажные зеркальца зубов, сиявших после произнесенного по слогам, с радостным удивлением выученного русского имени: «Вади-им»... Но тотчас же он вытравлял и подавлял в душе это, связанное с ней, будто бы преступно притрагивался к чему-то запретному, никому не дозволенному, перешагнувшему установленные святые законы, что самой войной не разрешено было ему переступать.

— А Меженин давеча Зыкину врал, товарищ лейтенант,— стесненно проговорил Ушатиков,— навроде у вас с немкой амуры начались. Заливал по-лошадиному. Ужас как плел...

— Нет, Меженин не врал,— внезапно сказал Никитин.— Я знаком с ней.

Сигарета зарделась, Ушатиков замялся, издавая отпыхивающие звуки, глотая дым, выговорил:

— Как же понимать? Товарищ лейтенант... Любовь между вами? Боже мой... По-настоящему или как? Как же это такое?..

— Не знаю.

И какое-то новое противоречивое чувство испытал Никитин. Да, конечно, Эмма должна была слышать выстрелы, крики внизу, затем могла видеть в щелку, как его вели по лестнице без ремня и погон, и тут же, вероятно, могла подумать, что несчастье случилось из-за нее, перепугалась, заперлась в комнате, плача там одна, временами подходя к двери, в робости не осмеливаясь уже открыть дверь, выйти: часовой стоял на лестничной площадке, подобно угрозе, и никто не хотел ничего объяснить ей. И Никитин со злым стыдом к своей насильной попытке не думать, забыть, отдалить все, что напоминало об Эмме, об их несправедливой близости, что внушал он себе, предавая и себя и ее этим защитным самообманом, понял («Комбат на улицу ее не велел выпускать»), что подспудно тяготило его весь день.

— Ушатиков,— сказал Никитин, неожиданно решаясь и зная, что он наконец сделает сейчас.— Ушатиков, слушайте, это моя просьба к вам,— заговорил он.— Если вы согласитесь... Немка не имеет никакого отношения к тому, что произошло. Но она, наверно, думает, что виновата во всем. Я должен с ней поговорить. Объяснить ей. Вы понимаете? Я постучу к ней и поговорю. Все будет тихо, мы никого не разбудим. Вы понимаете меня?

— А как же... товарищ лейтенант, а как же мне быть?— замешкался и заелозил по полу сапогами Ушатиков.— Я как-никак часовой. Вы меня ведь сами уставу учили. И вы... нарушить разрешаете?

«Нет, какой все-таки милый и наивный парень этот Ушатиков! Он, кажется, извиняется передо мной?»

— Поймите, Ушатиков, я никуда не убегу, это для вас главное! Никуда не убегу! И бежать некуда!— сказал быстро Никитин.— Остальное не имеет значения. Верите мне? Или не верите?

— Да разве не верю я вам, товарищ лейтенант?— ответил Ушатиков с оторопелым согласием, но в голосе его пульсировало недоверчивое изумление.— Не знал я, совсем не знал, что с немкой у вас...

— Это важно, Ушатиков, очень важно. Я должен с ней поговорить. Сейчас поговорить.

И, чиркнув зажигалкой, он посмотрел в проем лестничной площадки, перешагнул порог, подошел к закрытой двери напротив, увидел — на ней розоватыми блестками задвигался отраженный свет,— постучал тихо, слегка прикасаясь пальцем, произнес шепотом:

— Emma, komm zu mir [1].

Однако там, за дверью, не отозвались, не было слышно ни шелеста, ни шагов, ни человеческого дыхания, нерушимая пустота ночи таилась в комнате, и Никитин постучал повторно и громче, опять позвал шепотом:

— Эмма, это я... Вадим, Эмма...

Вдруг невнятное шевеление, не то всхлипывание, не то вскрик послышались где-то внизу. Потом от самого пола неразборчивый этот шорох робко пополз вверх, убыстренней толкнулся к замку, но не сразу звякнул, заколебался в потянувшем по лестнице теплом сквознячке — и через щель приоткрытой двери свет тускловато загорелся в испуганных, огромных глазах Эммы, на ее волосах, неопрятно, длинно висевших вдоль одной щеки. Пальцы ее лежали на ключицах, будто зимним холодом обдало из коридора, и все беспомощно искривленное дрожанием пухлых губ, бровей, заплаканное ее лицо показалось Никитину в тот миг больным, обреченным, некрасивым, и с мукой полунемого, подбирая немецкие слова, он проговорил в отчаянном поиске нужного смысла:

— Emma, alles... alles... alles gut...[2].

У нее как-то ослабленно запрокинулось назад лицо, выгнулось горло, она мотнула головой, заплакала, вскрикивая, шепча:

— Herr Leutnant... Vadi-im! Alles sehr schlecht, sehr schlecht [3].

Бензин выгорал на фитильке зажигалки, пламя осело, немощно затухло, Никитин с поспешной резкостью нажал на колесико, брызнули искры, фитилек затлел багровым пятнышком, наконец пыхнул капелькой пламени и окончательно сник. Никитин выругался:

— Черт возьми, бензин кончился!

— Товарищ лейтенант... у меня есть,— забормотал рядом Ушатиков.— Возьмите...

Он взял зажигалку, на ощупь трофейную, австрийского производства, какие появились во взводе еще до Берлина,— крохотный артиллерийский снарядик,— и разом приостановил себя, не зажег ее и, словно забыв о потерянном праве принимать решения в своем положении, вполголоса проговорил с утверждением найденного выхода:

— Лучше будет поговорить в моей комнате. Так будет лучше, Ушатиков. Если что-нибудь... или приедет Гранатуров, сообщите... кашляните громче. Не хочу подводить вас. И не подведу. Вы понимаете? Понимаете?

И Ушатиков заговорщически и жарко зашелестел в темноте:

— Товарищ лейтенант, отсюда я каждый шумок снизу слышу. Слух у меня собачий. Не сумлевайтесь. Ежели что, посигналю.

— Эмма...— шепотом повторил Никитин и без света зажигалки (не хотел, чтобы Ушатиков видел их лица) раскрыл дверь в ее комнату, где молча стояла она, нашел, скользнув по теплому бедру, тонкую кисть ее опущенной руки, встречно и цепко впившуюся в его пальцы, осторожно повлек за собой:— Emma, komm zu mir! Komm zu mir! Ruhig, Emma!..[4].

— Vadi-im...

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Как только Ушатиков закрыл за ними дверь и повернулся ключ в замке, они с такой нетерпеливой, горькой жадностью кинулись друг к другу, с такой молодой неистовостью сжали друг друга в объятиях, томительно и неутоленно ища губы, что она, тихонько плача, задохнулась, все еще повторяя вскриками между поцелуями: «Vadi-im, Vadi-im...» А он, ощущая

[1] Эмма, иди ко мне.
[2] Эмма, все... все... все хорошо.
[3] Все очень плохо, очень плохо.
[4] Эмма, иди ко мне! Иди ко мне! Тихо, Эмма!..

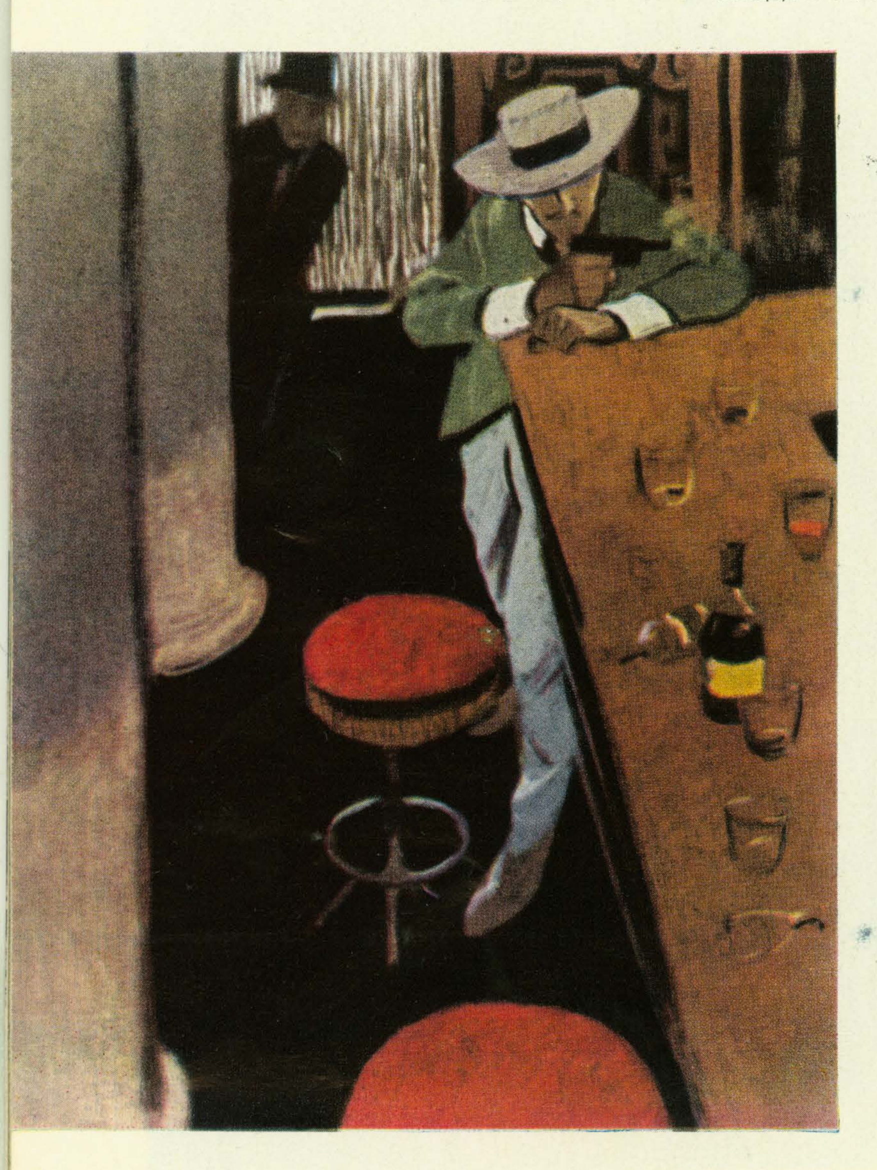

П. Пинкисевич. ИЛЛЮСТРАЦИЯ К РОМАНУ В. ГЮГО «ОТВЕРЖЕННЫЕ».

П. Пинкисевич. ИЛЛЮСТРАЦИИ К ПРОИЗВЕДЕНИЯМ БРЕТ ГАРТА.

вкус Эмминых слез, спутанных волос на щеках, тоже с трудом отрываясь от ее ищущего мягкого рта, шептал какой-то непонятный самому нежный туман слов, соприкасаясь дыханием с этим теплом неровного, еле переведенного ею дыхания, и как бы вдали от всего, рассыпанными искорками, верховым ветерком проходила в голове отрешенная мысль, что бы ни было, что бы с ним ни случилось, он ничего не в силах был поделать, ничего не мог остановить. Его неодолимо тянуло вот к этим ее губам, слабому протяжному голосу, к ее улавливающим каждое его движение глазам, точно очень давно, забыто встречался и знал это ощущение где-то, знаком был с ней...

— Эмма, милая,— прошептал Никитин, не отпуская ее, стараясь увидеть и не видя в потемках близкое лицо.— Что же это? Как же это? Ты и я? Я русский офицер, ты немка... Ведь я не имею права, Эмма, милая... Я думал, что все просто так... как бывает вообще, знаешь? А это не так, не так, Эмма...

Она вытерла слезы о его щеку, охватив пальцами его затылок.

— Vadi-im, ich sterbe... Ich liebe dich. Ich liebe dich von ganzen Herzen. O, was wird mit uns weiter? [1].

Он помнил эти «wird» и «weiter», ему не однажды встречалось металлическое «mit uns» — клеймо на немецком оружии («Gott mit uns» [2]), и понял, что она спросила.

— Если бы я мог знать, что будет,— заговорил Никитин, произнося слова то шепотом, то вполголоса.— Если бы я знал, куда отправят меня, все равно, что мог бы я сделать и что могла бы ты сделать? И что вообще делать?— Он запнулся, он как в забытьи говорил по-русски, но сейчас же поймал в памяти знакомую по школе фразу из Гейне:— Ich weiß nicht, ich weiß nicht!..[3].— Она молчала, держа пальцы на его затылке.— Ты здесь, в Кёнигсдорфе, а я в Москве, в России... И мы воюем с вами, с немцами. Если бы ты жила в России, если бы я тебя встретил в России. Я, наверно, такую, как ты, хотел встретить... Я, наверно, люблю тебя, Эмма, люблю тебя, понимаешь меня, Эмма милая?.. Я наверно, люблю тебя...

— O, Vadi-im, mein Lieber... Warum Rußland? Warum? [4].

Эммины пальцы дрожаще сбежали с его затылка, и все тонкое, ощутимое под руками тело ее выгнулось назад, соскользнуло вниз, она опустилась на пол, прижимаясь лбом к ногам Никитина, а он, немея в стыдливой растерянности, рывком поднял ее и с такой нежной силой стиснул, обнял за спину, что покорно подавшееся ему ее хрупкое тело сладкой исступленной мукой слилось с его грудью и коленями. Они стояли так в оцепенелом объятии, и он, будто бездонно погружаясь в предсмертный туман, губами хотел проникнуть в эти подставленные, солоноватые, овлажненные слезами губы, бессловно объяснить, передать ей то, что она еще не умела почувствовать.

— Эмма, Эмма,— повторял Никитин, чуть откидывая ей голову, отводя длинные растрепанные волосы со щек, чтобы заглянуть в лицо, светлеющее перед ним,— ты прости меня, что так получилось. Я не знал, что так будет. Я думал совсем другое, когда ты вошла тогда утром. Я, конечно, виноват. Я не знаю, кто из нас виноват. Нет, не в этом дело, не в этом дело...

— Vadi-im, ich liebe dich, ich liebe, ich liebe!..

Она все теснее, все крепче сцепливала его шею, дрожа коленями ему в колени, потом ноги ее обессиленно подогнулись, и с легким вскриком она потянула его вниз упругой тяжестью, словно вместе с ним падая на пол в изнеможении благодарности, восторга и страха от непонятных русских слов, от этого ответного, искреннего его порыва к ней, хотела доказать послушную преданность ему. И в обморочном звоне пустоты она шептала, увлекая его куда-то своими тянущими книзу руками:

— Vadi-im... Mein Lieber... Vadi-im...

А он с замутившимся сознанием, подчиненный ее намерению последней нежности, ее растянутым шепотом, вдруг подумал туманно, что в нескольких шагах, на лестничной площадке, возле двери, стоит, охраняя их, Ушатиков, что невозможно, нельзя забыть об этом, и, уже отрезвленный, удерживая Эмму за отклоненную спину, сжал плечи ей, заговорил и еще услышал пропадающий в глухоту темноты голос:

— Эмма, мы сейчас не должны. Этого не нужно нам сейчас делать. Мы просто должны поговорить. Эмма, сядь сюда. Вот сюда, на подоконник. Здесь будет удобнее.

Он обнял и подвел ее к окну, но когда подсадил на подоконник, она, должно быть, не поняла, что он готовился сделать и поймала, ласково притиснула его ладонь к своему обнаженному гладкому колену и так начала тихо сдвигать к бедру тонкую материю платьица. И, не отнимая руку, оправдывая самого себя, он стал целовать ее раскрывшиеся замершим ожиданием губы и даже зажмурился опять в затуманенном порыве отчаяния, не зная, что происходит с ним и с нею.

— Эмма, Эмма...

— Vadi-im, ich liebe dich, ich liebe...

— Послушай меня, Эмма,— проговорил Никитин, как в волнистом текучем дурмане.— Здесь произошло то, что тебе не нужно знать. Ты не имеешь к этому никакого отношения. Ты ни в чем не виновата. Ни в чем. И бояться тебе нечего. Понимаешь? Я должен уехать... то есть, меня утром не будет здесь. Но так уж случилось. Я очень любил лейтенанта Княжко. Со мной, черт знает, что случилось. И я тебя, наверно, теперь не увижу. Как и почему я могу опять попасть в Кёнигсдорф? Никак, я не знаю! А в штрафном нужно еще выжить, там все сначала. Но пусть бы... Хуже, чем было в Сталинграде, на Днепре или в Берлине не будет! И я знаю, что война кончается. И я никогда не попаду в Кёнигсдорф! Понимаешь? А я... я люблю тебя, Эмма. Я чувствую... и не знаю, что делать. Вот что случилось, Эмма... Я не знал, что так будет...

— Vadi-im! Ich verstehe nichts! Wozu Stalingrad? Wozu Berlin? [5].

Она склонилась с подоконника и зачем-то вжалась носом в его нос, а ее волосы щекотали подбородок Никитину прикосновением теплой свежести, и овевало сладковатым, неотделимым от нее запахом того первого утра, когда с чашечкой кофе на подносе она вошла, робея и притворно улыбаясь непонимающему его взгляду.

— Wozu? Wozu? Sprich Deutsch! Ich verstehe nichts![6]

— Ich weiß nicht, was soll es bedeuten, — выговорил Никитин всплывшую в памяти выученную фразу.— Помнишь, я вспоминал стихи, которые зазубрил в школе. Кажется, в восьмом классе. Я хотел получить тогда «отлично» по немецкому языку. Но ты не знаешь эти стихи. Гитлер сжигал книги Гейне на костре. Я знаю, вас заставляли читать только Гитлера. «Mein Kampf»...

— Hitler? — вскрикнула Эмма и уткнулась лбом ему в грудь.— Hitler ist ein Wahnsinniger! Das ist ein böser Alpdruck! So sagte mein Vater, als Hitler den Krieg gegen Rußland losbrach. Aber wenn nicht dieser furchtbarer Krieg, so wäre ich dir nicht begegnet! So wärest du nicht nach Königsdorf gekommen. Verzeihe mich, wenn ich ungeschickt gesagt habe![7]

— За что ты просишь извинения? — проговорил Никитин, поняв в ее торопливой речи лишь отдельные слова.— Война от тебя не зависела. И не зависела от меня, Эмма, послушай...— Он снова чуть-чуть отклонил ее голову, заглядывая в переливающиеся влагой ее глаза.— Я не сказал тебе главного. Мы с тобой... завтра уже не увидимся. И я не хотел бы, чтобы ты думала не так, как надо. О том, что было. Я тебя очень люблю, Эмма. Ты к войне не имеешь отношения. Нет, конечно, ты имеешь отношение, но это совсем другое. Ты меня понимаешь? Это совсем другое...

— Sprich weiter. Um Gottes Willen, sprich! [8] — попросила Эмма и легонько потрогала кончиком пальца его губы, точно так — одним осязанием — улавливая и отгадывая смысл фраз.— Vadi-im, ich höre. Du mußt Deutsch lernen, und ich werde Russisch lernen[9].

— Я очень хотел бы, чтобы ты поняла. Подожди, я буду говорить медленно, по словам. Я хочу — ich will... чтобы ты поняла... Нет, забыл, как это по-немецки... хотя бы одну фразу: «Я буду тебя помнить». Как по-немецки «помнить»? Vergessen — забыть. Nicht vergessen, nicht vergessen! Понимаешь?

— Nicht vergessen? — повторила она и вся вытянулась к нему, приблизила светлеющее в темноте лицо, а невесомым кончиком пальца то нажимала, то отпускала его нижнюю губу.— O, Vadim! Lerne Deutsch, lerne Deutsch. Russisch, Deutsch... Warum so? Ein Moment, Vadi-im... Komm, Vadim![10].

Опираясь на его плечи, она спрыгнула с подоконника и затем упорно повлекла его за руку куда-то во тьму мансарды, в угол комнаты, там он, задержанный ее шепотом, предупреждающим «тсс», наткнулся, задел ногой стул, загремевший о тумбочку письменного столика. На этот стол после размещения взвода в доме он впервые обратил внимание, увидев на нем пластмассовый чернильный прибор, толстую оплавленную воском свечу, прикрытую колпачком, целлулоидный стаканчик, наполненный разноцветными карандашами, несколько учебников, по-школьному сложенных стопкой,— только потом он узнал, что эта комната, занятая им, была комнатой Курта.

— Vadim, nimm Platz. Bitte, lies, mein Lieber[11].

Но Никитин сразу не сообразил, зачем она потянула его сюда, в угол мансарды, именно к письменному столу Курта, для чего она принялась искать что-то здесь, в нетерпении выдвигая ящики, шурша в них бумагой; потом зажглась спичка. И спичка веселым розовым костерком осветила сложенные лодочкой ее ладони и ее глаза, пристально блестевшие перед его глазами: «Vadim, nimm Platz». Он догадался, молча пододвинул стул и сел, костерок спички дотянулся в лодочке ее ладоней к свече, вплавленной посреди воскового нагара, червячок фитилька вытаял, принял огонь, и Эмма со вздохом опустилась на подлокотник старого, потертого бархатного кресла около столика, задула спичку, исподлобья взглядывая на лист бумаги.

— Vadim, Russisch, Deutsch.— Она закивала.— Bitte, ich schreibe Namen: Vadi-im, Emma...[12].

Он смотрел в наклоненное лицо Эммы, на карандаш, очень четко и крупно выводивший немецкие буквы его имени,— видел край брови, прикушенные губы, крапинки веснушек вокруг немножко вздернутого носа, видел, как под словом «Vadim», она нарисовала звездочку, замкнула ее кружком, возле написала «Rußland», затем на другом конце листа под словом «Emma» начертила кружок поменьше с микроскопической точкой внутри, написала под ним «Königsdorf». провела линию, соединяющую их имена через белое пространство бумаги, и на линии этой вывела три слова: «Ich liebe dich».

— Übersetze [13], — попросила она.

— Я люблю тебя,— ответил Никитин.

Она повернула к нему лицо, улыбнулась, осветив лучисто-радужной синевой глаз, протянула ему карандаш.

— Schreibe Russisch.

И Никитин написал рядом с ее фразой:

— «Я люблю тебя».

Она долго, внимательно разглядывала русские буквы, ноготком водя по бумаге, потом начала сравнивать немецкие и русские слова, спрашивая его нетерпеливым шепотом:

— Ich... und Russisch?

— Я,— ответил Никитин.

— Liebe?

— Люблю.

— Dich?

— Тебя. «Ich liebe dich».— «Я люблю тебя». Повтори, Эмма. Я — люблю — тебя.

---

[1] Вади-им, я умираю... Я люблю тебя. Я всем сердцем люблю тебя. О, что будет с нами дальше?

[2] «С нами бог».

[3] Я не знаю, я не знаю!..

[4] О Вадим, мой любимый... Почему Россия? Почему?

[5] Вадим, я ничего не понимаю! При чем тут Сталинград? При чем Берлин?

[6] При чем тут это? При чем? Говори по-немецки! Я не понимаю ничего!

[7] Гитлер? Гитлер — сумасшедший! Это дурной, кошмарный сон! Так сказал мой отец, когда Гитлер начал войну с Россией. Но если бы не эта страшная война, я бы тебя не встретила! Ты никогда бы не попал в Кёнигсдорф. Прости меня, если я не так сказала!

[8] Говори дальше. Ради бога, говори!

[9] Я слушаю. Ты должен учить немецкий, а я буду учить русский.

[10] Русский язык, немецкий язык... Зачем так? Иди сюда, Вадим.

[11] Вадим, сядь. Пожалуйста, читай, мой дорогой.

[12] Пожалуйста, я пишу имена: Вадим, Эмма...

[13] Переведи.

— Я лю-у...— повторила она протяжно и медленно, выговаривая слоги: — лью-блю тье-бя.

— Да, я люблю тебя. Я люблю...

— О, Vadim, ich lerne Russisch![1] — Она даже засмеялась, обрадованная, удивленная своей способностью произносить непривычные для нее слова, и показалось — солнечный ветерок пробежал по лицу и сник.— Du fährst nach Rußland. Ich bin traurig. Ich sterbe. Tod[2],— сказала она и двумя вопросительными знаками перечеркнула линию, соединяющую их имена, нарисовала череп с перекрещенными костями и порывисто прильнула к Никитину, потерлась щекой о его висок. А он почувствовал колючее шевеление моргающей ее ресницы.

— Tod,— зашептала она.— Du fährst, und ich sterbe... Tod... Wie Russisch, Russisch?..

— Смерть,— ответил Никитин; ему изредка встречались на фронте названия немецких частей с этим значением: «Todenkopf», «Todenkampfdivision», против которых стояла батарея.— Зачем тебе по-русски знать это слово «смерть»?

— Смерчь? — произнесла она, и щекочущая ее ресница, моргая, слегка махнула по его виску.

— Нет, это отвратительное слово, Эмма,— сказал Никитин.— Я его ненавидел всю войну. «Смерть», «гибель», «пал смертью храбрых...» Я не хочу, чтобы ты его запомнила. Лучше запомни другое. Хорошо? Запомни. Я сейчас напишу.

Она, слушая, вглядывалась ему в губы пристально ощупывающими незнакомые слова глазами, перевела взгляд на бумагу, на карандаш, которым он с тайным суеверием быстро затушевывал, уничтожал зловещий рисунок, как символ понятой ею неисправимой безысходности положения, и на середине листа написал по-русски: «До свидания» и через черточку, слева — давно выученную в школе немецкую фразу: «Auf Wiedersehen».

— Kein Tod. Nicht Tod. Nicht vergessen, nicht vergessen[3], — заговорил Никитин. — Никто ничего не знает. И я не знаю, и ты не знаешь, как все может сложиться. Я на войне умирал несколько раз и не умер. Auf Wiedersehen, понимаешь, Эмма? То, что мы расстаемся,— это не смерть, мы не должны говорить о смерти, когда кончается война. При первой возможности я увижу тебя, Эмма.

Но едва ли наполовину Никитин верил в то, что говорил сейчас.

За три года фронта он научился подчиняться крутым обстоятельствам изменений, внезапности поворотов в судьбе всех и каждого, и не исчерпывалась наивная надежда, чудо вероятности, то есть неисповедимые дороги могли обратно привести его в Берлин, а значит, на час, на два, на сутки в Кёнигсдорф — это еще до конца не исключалось реальностью. Однако вместе с тем он с остротой нарастающей боли отдавал себе отчет в том, что они теперь не увидятся никогда: их разделяли не только обстоятельства случайности, но что-то большее, непреодолимое, сложившееся независимо от них.

— Во что бы то ни стало я постараюсь увидеть тебя, Эмма,— между тем говорил убеждающе Никитин.— Значит, до свидания. Я не забуду тебя, что бы со мной ни было. У нас в России, когда уезжают... когда прощаются, говорят: до свидания... не забывай меня! Вот смотри, я напишу, Эмма.

Он написал «не забывай меня», тут же увидел мерцающие точки отраженной свечи в обращенных к нему глазах, наполненных слезами: она не поняла,— и он схватил ее жалкую своей худой тонкостью руку, с неистовством нежности стал целовать безвольные Эммины пальцы, говоря ей:

— Я хотел бы, чтобы ты знала. Я буду помнить тебя, и ты не забывай меня.

Она слушала и не слушала его, закинув голову, стараясь не показать слезы, и влажная пелена, накапливаясь, стояла меж узких век, опасающихся моргнуть, и тогда он через меру осторожно повернул податливую кисть Эммы ладонью вверх, посмотрел с улыбкой:

— Помнишь?

— Я льюблю тьебья,— сказала она по слогам и, вздрагивая вся, клоня голову, свободной рукой выдвинула ящик стола, вынула чистый листок бумаги и, как носовой платок, приложила к правому глазу, потом к левому, пряча в бумаге лицо. — Was wird mit uns?[4].

— Милая, хорошая ты, Эмма. Я никогда не знал, ничего не знал, не верил. Я ненавидел всех немцев. А знаешь, какими казались мне немки? Или толстыми злыми старухами с хлыстом в руке, или молодые эти... знаешь, садистки с кукольными личиками. И ненавидел. Ненавидел всех... Потом в Пруссии... Ты непохожа на них, ты другая, Эмма, я люблю тебя...

— Warum? Warum mußt du nach Rußland fahren?[5]. Вади-им, я льюблю тьебья! О Вадим!

— Что варум? Я не понял, не понял...

Он вдруг выпустил ее руку и с очнувшимся выражением обернулся к двери, прислушиваясь, а она гибко вскочила, отталкиваясь от кресла, ее широко раздвинутые глаза остановились на его лице неподвижным ужасом обреченной на казнь, ладони сдвинулись лодочкой перед шепчущими губами, будто поспешно молилась внутрь себя, заклинала кого-то, кто всезнающе распоряжался судьбой, войной, любовью, но уже мало чем мог помочь и ей и ему.

— Неужели Ушатиков?.. — проговорил хриплым шепотом Никитин.— Что там?

— Товарищ лейтенант...

С лестничной площадки донеслось покашливание, беспокойная возня ногами, и спустя секунды три отчетливый стук и опять голос: «Товарищ лейтенант!» — толчком бросили Никитина в сторону этих ворвавшихся звуков.

— Что там? Что, Ушатиков?

— Быстрей, товарищ лейтенант! Шум внизу какой-то! — засипел Ушатиков и по-кошачьи заскребся в дверь.— Связисты всполошились чего-то. Не пойму пока, чего они там. Не комбат ли приехал?

— Сейчас, Ушатиков, сейчас,— сказал Никитин.— Откройте замок. Сейчас.

А там, на нижнем этаже недавно спящего дома, шум возрастал, возрастали взбудораженные голоса, гулким дроботом пронесся топот сапог, одна за другой захлопали двери, выделился из этого шума, из суматошной беготни чей-то громкий возглас: «Зыкина к телефону! Товарищ старший сержант, боевая тревога! К аппарату, скорей!» И следом резкая, подымающая команда тревоги, явно долетевшая сюда, в мансарду, хорошо знакомая по грозной интонации, пронизала Никитина шершавым морозцем, и в голову пришла первая мысль: «Неужели немцы снова атакуют город?»

Он подбежал к окну, посмотрел на шоссе по направлению леса — ночь шла к рассвету, воздух везде голубовато, холодно посветлел, трапеции созвездий опустились, горели последним изнемогающим блеском в озере, над почерневшей кромкой лесов, и ровно среди темных трав белела за озером ниточка шоссе — все было предрассветно, спокойно, сонно. Было пока тихо и в городке — ни движения, ни команд, ни огонька в окнах. Только внизу, на первом этаже, перекликались, сталкивались голоса, бегали, стучали сапоги, и неутихающий шепот Ушатикова звал из-за двери:

— Товарищ лейтенант, товарищ лейтенант!

И он сказал глухо:

— Эмма, тебе надо уходить...

Она, поняв, с криком рванулась к Никитину, с такой безнадежной мольбой, коленями, грудью вжалась в него, обхватив шею, пригибая его голову к своему лицу, исступленному, страшному выражением обреченности и страха, так впилась дрожащими губами в его рот, что он почувствовал скользкую влагу выбивающих дробь ее зубов:

— Vadi-im, Vadi-im...

— Эмма, милая... Тебе надо уходить. До свидания, Эмма. Я бы хотел, я очень хотел... Auf Wiedersehen, Эмма... До свидания...

Обнимая, целуя ее мягкие, растрепанные волосы, стискивая до хруста косточек ее обмякшие плечи, он спутанными шагами, преодолевая пространство комнаты, довел Эмму до двери — и больше не помнил ничего ясно: дверь, уже приготовленно открытая на лестничную площадку невидимым Ушатиковым, чернела, зияла отчужденным проемом теплых потемок — и она ушла туда, пропала в этой тьме, поглотившей ее, как непроницаемая глубина вечности.

После он вернулся в комнату, не зная, зачем, сел к столу и, задыхаясь, тупо смотрел на исписанный листок бумаги, на огонь свечи — желтый мотылек пламени распластывался, порхал, бился на одном месте от его дыхания.

По ступеням взбегали, грузно затопали сапоги, раздалась команда на лестничной площадке: «Ушатиков, марш в батарею!» — дверь настежь распахнулась, под сквозняком сильно заколебался, лег язычок свечи — и стремительно вошел Гранатуров, белела на груди чистая марлевая перевязь, лицо непроспанно-сероватого оттенка, в подглазьях темные пятна; но гулкий голос его, раскаленный возбуждением, загудел утробными перекатами:

— Эй, Никитин! Не спишь? Ну, лейтенант, воевать будем или под арестом сидеть? Слышал? Или не слышал? Ну? Что? Что смотришь?

Никитин, ни слова не говоря, мял в пальцах сигарету.

— Что смотришь, говорю? — густо крикнул Гранатуров.— Боевая тревога! Всей дивизии! И нашему артполку! Срочно снимаемся — и форсированным маршем на Прагу! Приданы танковой армии. Я только что из штаба. В Праге восстание против немцев! Все дивизионные рации ночью поймали сигнал о помощи. Чехи восстали и просят помощи! Ясно, Никитин? Идем на юг! В Прагу! В Прагу!

Гранатуров ходил по комнате из угла в угол, громоздкий, взбудораженно-жаркий, даже веселый, казалось; перебинтованная рука покачивалась на перевязи, а Никитин все мял незакуренную сигарету, не вполне сознавая, зачем Гранатуров говорит это ему, как бы вчера отделенному навсегда от войны, батареи, от самого Гранатурова ожиданием совсем иных обстоятельств за черной полосой угрожающе сомкнутого судьбой круга.

— Вот как? А дальше что? Дальше что со мной? — спросил хрипло Никитин и пересел на так и не разобранную днем постель.— Что мне, комбат?

Гранатуров приостановился подле кровати, выкатил свои шальные в красных веках глаза, наклонился и от оглушительного крика его лицо Никитина обдало знобким жаром:

— Все, Никитин! Богу молись! Повезло! Проскочило! В рубашке родился! Из строя только вывел лучшего командира орудия! Богу свечку поставь за то, что не убил! Да, проскочило! Ты ему задел пулей ухо, ранил ухо, понял? Плохо стреляешь из пистолета, хуже, чем из орудия! Хуже! Десять суток ареста отсидишь! Командир дивизии десять суток строгача тебе отпустил! Пожалел тебя, дурака и молокососа! После Праги, после Праги отсидишь! Ясно?

— А зачем жалеть меня, комбат?..— ссохшимся голосом выговорил Никитин, вспотевшие пальцы его влипли в сигарету, и горячо, больно хлынула кровь в виски, перемешивая, комкая, раздергивая мысли жгучей быстротой, словно бы сверкающая карусель повернула его и, размахнувшись на скорости, затормозила, выбросила силой случайности за пределы грозного круга, перехватывая дыхание, вытеснив воздух из груди: «Я не убил Меженина? Я промахнулся? Я ранил его? Десять суток ареста? Командир дивизии... Десять суток после Праги...»

Он молчал — ему не хватало воздуха. Он глядел в потолок, и странное, горько-щекочущее удушье запирало и отпускало его горло, и, сотрясаясь, не в силах справиться с собой, он неожиданно почувствовал, как неудержимо бьет его обрывистый смех вместе с колючими слезами.

— В ухо? Я ранил его? Зачем же это? Эту сволочь... И нужно было!

— Замолчать, Никитин! Истерика? Встань, встань,— скомандовал Гранатуров, гневно оскалив крупные зубы.— Мозги свихнулись? Или взбесился вконец? Встань и очухайся!

Но Никитин сидел на постели, слезы текли по его щекам.

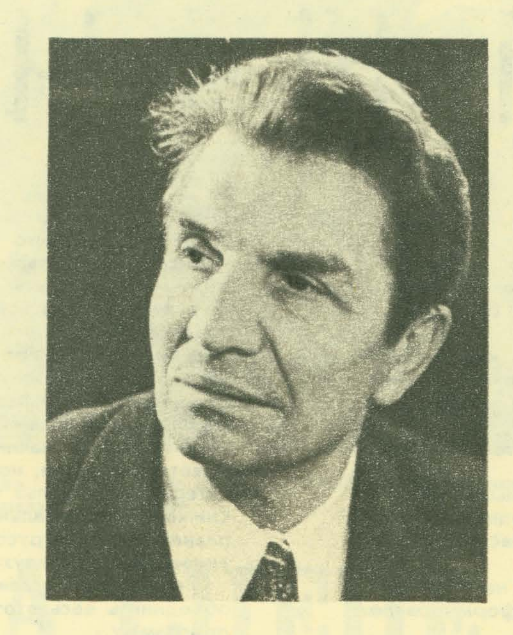
---

[1] Я учу русский язык!
[2] Ты уезжаешь в Россию. Мне грустно. Я умираю. Смерть.
[3] Никакой смерти. Не надо смерти. Не забуду, не забуду. (Искаж. нем.)
[4] Что будет с нами?
[5] Почему? Почему ты должен ехать в Россию?

К 60-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Д. М. КОВАЛЕВА

ЛЮБЛЮ МОЙ ВЕК

Сергей ПОДЕЛКОВ

Среди лучших лирических стихотворений, созданных Дмитрием Ковалевым, есть одно, особенное, «ключевое», в котором счастливо проявились, как в пересечении световых лучей, неповторимые, стержневые черты его поэзии:

Ржаного северного утра вотчина.
Рассвет нежнее ржания коня.
Иду, блестя ступнями, вдоль обочины,
Как полный колос, голову клоня.
И не прохожий здесь,
И не напрасный я.
Так и уйду,
Любви не утоля.
Моя неблизкая зарница красная.
И светится в хлебах моя земля.

В этом чудесном утреннем этюде и словосочетания светлы и исторически значительны («утра вотчина»), и метафоричность изумляет своей новизной — «рассвет нежнее ржания коня».

Стихотворение названо кратко и исчерпывающе — «Любовь». Любовь к отчей земле, ко всему сущему на ней. Такая любовь не стороннее любование пейзажными красотами. Она деятельна и глубока. Это — то состояние души, которое во все времена вело наш народ на трудовые и ратные подвиги. И Дмитрий Ковалев выразил силу чувства не риторическими криками, а, как и подобает истинному художнику, точными и сокровенными словесными красками.

По утренней земле идет труженик — этот мотив характерен для всей поэзии Ковалева. В разных планах и интонациях на протяжении многих лет он будет возникать снова и снова. И не случайно, ибо его появление определила сама биография поэта.

Дмитрий Михайлович Ковалев родился 17 июня 1915 года в небольшом городке Ветке бывшей Могилевской губернии. Детство и юность его были суровыми, если не сказать резче. Старший сын многодетной семьи (у него было девять братьев и сестер), он рано узнал, как тяжко достается насущный хлеб.

19-летним юношей Дмитрий Ковалев поступил на рабфак. Здесь он тесно соприкоснулся с поэзией. Его кумиром стал Есенин. Под обаянием его завораживающей музы Ковалев написал свое первое стихотворение — об осени. И уже не мог не писать. А в 1938 году в «Гомельской правде» были впервые опубликованы его стихи.

После окончания рабфака Д. Ковалев учительствовал в Белоруссии и заочно учился в Ленинградском университете. Потом была служба на Северном флоте, и, когда началась Великая Отечественная война, он оказался в полку морских пехотинцев, «черных дьяволов», державших оборону в сопках, на границе с Норвегией. Позже поэт стал ответственным секретарем газеты «Боевой курс» в бригаде подводных лодок. Он принимал участие в операциях подводного флота далеко от родных берегов. В 1944 году Дмитрий Ковалев принят в Коммунистическую партию.

Как память о той кровавой войне через четверть века пробьются строки:

Но мира нет, хоть враг повергнут.
Хоть нет сирен, тревога будит.

Более чем за три десятилетия работы Дмитрия Ковалева в литературе им выпущено двадцать поэтических книг. Шесть прожитых им десятилетий прекрасны, потому что они — неустанный труд, неустанное утверждение жизни. Ему ведомы глубины человеческих чувств, его руки натружены, он может задумчиво сказать: «Я, даже горе забывая, помню, как пахнут кузница и борозда». Он много на свете повидал, и потому его разговоры с читателем всегда остры и интересны. Поэзия Дмитрия Ковалева продолжается:

Высоковольтность, ток, магнит,
Неутолимость жажды!..
Жизнь — полнота, биенье...
Пусть не дважды!

ТЕПЛЫЙ ГОЛОС

Новая книга Николая Родичева названа по рассказу, обращенному в незабываемую героину военных лет. Но это не просто рассказ о войне, каких у Родичева много, сюжетом «Теплого хлеба» стал эпизод наших дней.

Когда-то хлеб, вынутый из жаркого зауствя руками «партизанской мамаши» Неонилы Карповны Шерстобитовой, был легендарным для партизан. Приправленный целебными травами, растущими в изобилии в пойме речушки Сев, он имел особый вкус и славу целебного! В это верили лежавшие в партизанском госпитале воины. В том числе Ваня Рязанов, бывший пулеметчик, один из «сынков» Карповны. И эта вера в целительность горячего хлеба оказалась в нем настолько глубокой, что и теперь, став генералом, видным военачальником, он не поленился приехать в дальнюю деревеньку и попросить Карповну испечь хоть небольшую буханочку.

Тепел и пахуч хлеб у Родичева. Теплым словом согрет весь рассказ, по-народному звучащий, с живыми, крепкими характерами.

Среди других произведений книги выделяются повесть «Аисты» и рассказ «Дорого берет...». Рассказ этот лаконичен и строг. В нем привлекает образ сельской труженицы Стеши, потерявшей мужа на войне, преданной его памяти, памяти своих первых чувств.

В основе повести «Аисты» — судьба отца и сына Карташовых, людей разных поколений и в чем-то главном, в нравственной основе своего поведения, очень неодинаковых. Игорь Васильевич Карташов, бывший земский врач, теперь пенсионер, доживший до преклонных лет, в юности встречался с Чеховым. Эта встреча наложила своеобразный отпечаток на весь его образ жизни, помогла сформировать по-особому свято и чисто его убеждения. Отцовские слова Игоря Васильевича подчас суровы, как сурова сама жизнь, но они душевны, по-чеховски мудры и улыбчивы.

Новая книга Николая Родичева — несомненная удача на творческом пути мужающего от книги к книге прозаика, которого в эти дни мы поздравляем с его пятидесятилетием.

Н. ПОПОВ

Николай Родичев. Теплый хлеб. М., «Современник». 1974. 365 стр.

— Не кричи, комбат,— всхлипывающим шепотом сказал он.— Подожди... сейчас, сейчас все пройдет. Я его ранил? Неужели я его ранил? За ранение в ухо десять суток ареста. Это смешно. Нет, это не истерика. А может быть, истерика. Мне все равно. Что я должен делать?

Гранатуров ходил по комнате, крутыми поворотами срезая углы.

— Во-первых, слушай сюда, если еще что-нибудь соображаешь! — заговорил он и виртуозно выругался:— А, всех вас!.. Не исключено, что на марше тебя потребует к себе командир дивизии. Я доложил командиру артполка, а он доложил комдиву. Вот моя версия — запоминай: тебя, дурака стоеросового, спасал! Сержант Меженин не выполнил твоего приказа, вы повздорили, и ты сгоряча применил оружие, а теперь раскаиваешься. Ясно? Вот это ты и будешь отвечать командиру полка или командиру дивизии. Из-за вас, дуроломов, носить пятно на заднице батареи не намерен! Меженин, между прочим, версию знает, я говорил с ним. В госпитале говорил. Ясно, Никитин?. Запомнил?

— Нет, комбат, не ясно,— выговорил Никитин, вытирая слезы на щеках.— Если уж вызовут, с Межениным я объединяться не буду. Я ничего не забыл, комбат. И если он вернется в батарею, кому-нибудь из нас все-таки придется пойти под суд.

— Спятил, Никитин? Да ты знаешь кто? Ты — псих, сумасшедший!.. На кой хрен в батарее мне твои принципы! Белыми ручками и в перчатках хочешь воевать? Где ты найдешь лучшего командира орудия?

— Я не изменю решения, комбат,— сказал Никитин. — Или — или. Даже если вызовет меня командующий фронтом.

— Дьявол бы вас взял обоих с моей шеи! Ух, как вы мне надоели со своим чистоплюйством! — загремел Гранатуров и ударом сапога растворил дверь, прокричал вниз раскатисто мощным строевым басом:— Ушатиков! Оружие, ремень, погоны — лейтенанту Никитину! Молнией сюда! — И мимо плеча глянув на Никитина, прибавил тише:— Примешь пока батарею, а после Праги видно будет.

Внизу, на первом этаже, не утихала беготня солдат, хлопали двери, будто поднялись сквозняки во всем доме, позвякивало оружие, вспыхивали громкие голоса, и во дворе и на улицах городка, налитых прозрачной синевой весеннего рассвета, заработали с пофыркиваньем, с подвываньем моторы машин, и разнеслась под окном команда старшего сержанта Зыкина:

— Передки на батаре-ею!..

— Будет видно,— сказал Никитин.— Только последнее: мне нужно, комбат, отлучиться на три минуты.

— Куда?

— Это мое личное дело, комбат.

Продолжение следует.

ТВ

ОДИН ЧАС

Побывать в гостях у автора «Тихого Дона» и «Поднятой целины», в дружеской задушевной беседе встретиться с выдающимся писателем нашего времени — эту возможность представило миллионам людей Центральное телевидение в передаче «Михаил Шолохов. К 70-летию со дня рождения».

Основу передачи, ее драгоценное зерно составили кадры, снятые в донской станице Вешенской, куда к Михаилу Александровичу Шолохову выезжала бригада работников телевидения. Кадры по справедливости можно назвать уникальными.

Писатель не очень-то любит сниматься. Для этой телепередачи (уговорили-таки!) он согласился сняться.

И вот он на нашем телеэкране — белоголовый, большелобый, с чуть прищуренными добрыми и лукавыми глазами, одновременно мудрый и очень простой. Мы слышим живое шолоховское слово, емкое, точное.

Безусловный интерес вызывают ответы Шолохова на заданные ему вопросы: почему и как он стал писателем, что сформировало его как художника и как человека.

«Трагедийная эпоха была. Требовалось писать, больно много было интересного, что властно требовало отражения. Так создавались «Донские рассказы». Что касается «Тихого Дона», то это иное дело — можно сказать, что он «рос» из «Донских рассказов»...»

Телевизионная встреча-беседа с Шолоховым обогащает наше представление о нем. В передаче приняли участие писатели Айтматов, Калинин, Софронов, народные артисты СССР Бондарчук, Матвеев, Ульянов. Волнующе звучит последнее выступление Василия Шукшина: авторы передачи использовали запись, сделанную во время съемок фильма «Они сражались за Родину».

О мировом значении Шолохова, о его принадлежности не только Советской стране, но всей мировой культуре говорили зарубежные литераторы: Чарльз Сноу, Памела Джонсон, Мартти Ларни,— они снимались специально для этой передачи. «Живым сокровищем планеты» назвал русского писателя почетный профессор Токийского университета Мидзухо Екота.

Режиссеру Сергею Балатьеву и редактору Илье Эстрину удалось объединить весь этот богатый материал в целостную интересную программу.

Э. ПАСЮТИН

«НАХАЛЕНОК» В МОСКОВСКОМ ТЮЗе

Артисты Н. Подъяпольская и А. Салимоненко в спектакле «Нахаленок».

Фото В. Кузьмина. (ТАСС)

Сидящие рядом со мной мальчишки учатся в шестом классе, сюда, в ТЮЗ, на спектакль «Нахаленок», их привели, так сказать, в порядке мероприятия. Сами же они, конечно, не пошли бы в детский театр на детский спектакль, поскольку они все-таки не какието там пятиклашки, а вполне взрослые люди!

Но вот затих зал, приумолкли мои ироничные соседи. А когда поднялся занавес и увидели мы светлую, словно с лубка, деревеньку, интерес — правда, пока тщательно скрываемый — уже появился в глазах ребят. Потом неторопливо, лирично, как старинная песня, возникла шолоховская проза.

И забыли мальчишки обо всем. Забыли, что они «взрослые» в детском театре. И о том, что сцена — это еще будто бы не весь мир.

Их жизнь и жизнь вихрастого Нахаленка — в прекрасном исполнении Н. Подъяпольской — отстоят друг от друга на полвека. Но как же встревоженно замирает зал, когда герою грозит несчастье! Как облегченно и дружно вздыхают ребята, когда беда миновала. Они, всезнающие дети семидесятых годов, не смеются над наивностью полуграмотного деревенского мальчика. Наверное, потому, что чувствуют в герое и высокую силу и упрямую веру в правду и добро.

Об этом спектакле не хочется говорить, что тут, мол, интересна находка режиссера, а здесь — удача сценографа, что во всех случаях прекрасно сыграли актеры.

Спектакль, действительно интересно поставленный режиссером Ю. Жигульским и оформленный на высоком профессиональном уровне художником З. Малининой, удивительно целен. Это одновременно и сказка и страшная правда о том, какой ценой доставалось счастье сегодняшним ребятам.

Тем, кто сидит сейчас рядом со мной в притихшем зале...

Л. ЛУКЬЯНОВА

РОМАН ОБ ОМАРЕ ХАЙЯМЕ

Георгий Гулиа — автор множества книг. Особый интерес вызывает последний цикл его произведений, в которых прозаик предстает превосходным гранильщиком поэтических алмазов: «Дмитрий Гулиа» — книга об отце, «Жизнь и смерть Михаила Лермонтова». Сейчас на рабочем столе писателя роман «Сердце, горевшее на ветру, или Александр Блок». А совсем недавно увидело свет «Сказание об Омаре Хайяме».

Гулиа — художник, убедительно доказавший свое умение проникать в давние времена. И секрет здесь, по-моему, в том, что древность, изображаемая Гулиа, не пахнет пылью расхожих представлений, она одухотворена глубокими человеческими переживаниями, озарена любовью живых и страстных людей.

Еще в отрочестве под руководством отца изучал Георгий Гулиа арабский, древнегреческий, фарси. Тогда же влюбился будущий писатель в непревзойденного Омара. Конечно, для того, чтобы создать «Сказание об Омаре Хайяме», одной этой любви оказалось мало. Потребовались годы и годы поисков, в большинстве своем кончавшихся разочарованиями, неутомимые блуждания по местам, так или иначе связанным с Хайямом (Самарканд, Бухара, Мерв), наконец, поездка в Иран, в Нишапур, где покоится прах Омара. В Иране Гулиа познакомился и не раз беседовал с крупнейшими деятелями иранской культуры, свято хранящими и оберегающими наследие Хайяма; доктора Ханлари, Шафа и Ансари оказали максимальное содействие советскому писателю.

Омар Хайям прожил 83 года. Поставив перед собой задачу воссоздать образ Хайяма — жизнелюба, поклонника человека и природы, бесконечно ценившего земное бытие, презиравшего ханжей и святош, написать психологический портрет веселого мудреца, чье чуть ли не каждое рубаи было устремлено к человеческим радостям, Георгий Гулиа взял для своего «Сказания» совсем небольшой отрезок жизненного пути Хайяма — всего один месяц...

В своей книге Гулиа старается овладеть точкой зрения самого Хайяма на окружавших стихотворца людей. В незаметной и слабой Айше и в несчастной рабыне Эльпи он видит прежде всего людей, наделенных внутренней красотой, богато чувствующих и глубоко размышляющих. В главном визире Низаме ал-Мулке он тоже ищет и находит человеческое, гуманное, благословляя его за благородное покровительство Хайяму, за его мудрость и гибкость, которые так необходимы в сложной и коварной обстановке султанского двора. Страстность и лаконизм, даже предельная лапидарность повествования отличают этот роман.

Неоднократно проходит через «Сказание» мысль Хайяма о смерти, о том, что

Гончар лепил, а около стоял
Кувшин из глины: ручка и овал...
И я узнал султана череп голый
И руку, руку нищего узнал!

Но, путешествуя по Ирану, Георгий Гулиа всюду видел живые глаза Хайяма: они улыбались ему на лице озорного мальчишки, светились взглядом застенчивой девушки, мудро и проницательно смотрели на него из-под выгоревших бровей престарелого курильщика кальяна. Потому что глаза Хайяма — это глаза его народа. И в этом бессмертие поэта древности, ставшего нашим современником.

Александр ТВЕРСКОЙ

Георгий Гулиа. Сказание об Омаре Хайяме. «Дружба народов» № 10, 1974.

Сергей Константинович Смеян — главный режиссер и директор театра имени Франко, народный артист УССР, лауреат Государственной премии имени Шевченко.

«Кравцов». Заслуженная артистка УССР В. Плотникова в роли Тамары и О. Шаварский — Кравцов.

«Здравствуй, Припять!». Народная артистка СССР Н. Ужвий — Марфа Куприенко, в роли Арланя — заслуженный артист УССР В. Цимбалист.

Фото Н. Бориско.

НА СЦЕНЕ — ДРУЗЬЯ-ФРАНКОВЦЫ

Гастрольное лето в Москве началось спектаклями прославленного Украинского драматического театра имени Ивана Франко.

Давняя дружба связывает московских зрителей с этим коллективом, который с равным успехом играет украинскую и русскую классику, западную драматургию, пьесы братских народов СССР, переведенные на украинский язык. И несмотря на то, что спектакли украинцев идут в Москве без перевода, близость наших языков и понятий позволяет легко понимать певучую, образную речь, так хорошо выражающую чувства и переживания героев. Мягкий украинский юмор, задушевный лиризм, острая шутка вызывают всегда горячий отклик в зале.

На спектакле «Лымеривна» мы оказались в партере рядом с народным артистом СССР Иваном Семеновичем Козловским. «Я никогда не пропускаю гастроли франковцев в Москве. Всегда прихожу на их спектакли, бывая в Киеве, или встречаюсь с ними в поездках. Ведь мы родичи! Здесь у меня много старых друзей. Я хорошо знал Гната Юру, помню первые спектакли с Амвросием Бучмой, Юрием Шумским, Марьяном Крушельницким, Натальей Ужвий, Евгением Пономаренко и другими артистами, создававшими в двадцатые годы свой первый драматический театр на Украине.

Это был театр для тех, — продолжает И. С. Козловский,— кто, несмотря на тяжкое время разрухи, непрекращающейся борьбы, шел в театр, чтобы, приобщившись к искусству, духовно обновиться. Мне всегда хочется — после любого спектакля франковцев — отдать низкий поклон моим старым друзьям за их бережное отношение к традициям реалистического искусства...»

«Лымеривна» — драма классика украинской литературы Панаса Мирного — вошла в сокровищницу мировой драматургии. В постановке народного артиста УССР В. Лизогуба «Лымеривна» звучит сейчас как высокая народная трагедия, повествующая о жестоких обычаях домостроя, о гибели надежд, сломленных ложью и страхом.

В основу трагедии легла известная на Украине песня-дума о Лымерихе: в нужде и горе живет несчастная мать и не замечает, как привела свою дочь к гибели. Неподдельную девичью чистоту, гордую женскую непокорность, бурный темперамент со взрывами горя и гнева находит Наталье, своей героине, заслуженная артистка УССР В. Плотникова. И, как справедливо отмечает И. С. Козловский, спектакль красноречиво напомнил о связях театра с сегодняшним днем, о преемственности поколений, о великолепных традициях, родившихся в содружестве русского реалистического театра с демократическими устремлениями корифеев украинской сцены М. Заньковецкой, М. Кропивницкого, М. Старицкого, И. Карпенко-Карого, П. Саксаганского, М. Садовского...

Не случайно Москва всегда принимает своих украинских друзей в Доме Щепкина — на сцене Малого театра: здесь будто проверяется и закрепляется заново их нерасторжимая дружба. Интересно напомнить, что у Малого театра и у франковцев параллельно шла творческая работа с выдающимся украинским драматургом Александром Евдокимовичем Корнейчуком: «Страница дневника» репетировалась одновременно на сцене Малого и на украинской сцене.

— Но вот «Гибель эскадры» всетаки впервые увидела сцену у нас,— рассказывает главный режиссер театра, народный артист УССР Сергей Константинович Смеян.— Вообще Корнейчук принес в наш театр дотоле еще незнакомую, новую форму взаимоотношений драматурга и театра — постоянное и тесное творческое общение. Теперь это стало правилом нашего театра; в тесном общении мы работаем с Миколой Зарудным, Алексеем Коломийцем, Александром Левадой — драматургами, чьи пьесы увидят москвичи на наших гастролях.

К тридцатилетию Победы театр поставил новые пьесы А. Коломийца: «Голубые олени» и «Кравцов». Это два самостоятельных драматических произведения, где показана судьба одних и тех же героев — украинской девушки Аленки и молодого солдата, а затем талантливого инженера Николая Кравцова; он вернулся с войны, сохранив высокую человечность, красоту души...

Пьеса Александра Левады «Здравствуй, Припять!» посвящена строителям Чернобыльской атомной электростанции; здесь театр и драматург проверяли свою новую работу на зрителях — они были живыми героями спектакля. Строители сами приехали на премьеру и первыми дали театру «добро».

Особое место в гастрольном репертуаре франковцев занимает пьеса Леси Украинки «Кассандра», поставленная к столетию со дня рождения великой украинской поэтессы.

Режиссер С. К. Смеян и коллектив театра приложили все свое умение, труд и талант, чтобы вывести на сцену и показать зрителям эту жемчужину драматического искусства. И перед нами ожила одна из страниц античной истории. Народный художник СССР Ф. Нирод воспроизвел картины далекого античного мира с подлинностью и величием греческого театра. Роль Кассандры вдохновенно исполняет народная артистка УССР Ю. Ткаченко.

О борьбе за единство и могущество государства Киевской Руси повествует пьеса Ивана Кочерги «Ярослав Мудрый». Заглавную роль в спектакле исполняет народный артист СССР А. Гашинский. Его герой, наделенный романтическим настроением, философским пафосом, будто сошел с фрески Софийского собора... Ингигерду играет народная артистка СССР О. Кусенко.

Хорошо знают и любят зрители замечательную актрису Наталью Михайловну Ужвий, народную артистку СССР. Ее Оксана («Гибель эскадры» Корнейчука), Сюзанна («Женитьба Фигаро» Бомарше), Кручинина («Без вины виноватые» Островского), Анна («Украденное счастье» Франко) и многие другие работы являются эталоном актерского мастерства, свидетельством подвижнического труда на сцене.

Сейчас Н. Ужвий с присущим ей блеском показывает наших современниц. Это Марфа в спектакле «Здравствуй, Припять!», это башкирка Танкабике в пьесе Мустая Карима «В ночь лунного затмения». В лирической комедии М. Зарудного «Пора желтых листьев» Н. Ужвий играет Устину Федоровну, нашу современницу.

Наталью Михайловну называют в театре наставником молодежи. Ее неутомимая энергия создает вокруг актрисы атмосферу творческой неуспокоенности, всегдашнего поиска, требовательности. Она прослеживает первые шаги выпускников Института театрального искусства УССР и студийцев театра. И вот уже с третьим поколением франковцев Герой Социалистического Труда Н. М. Ужвий выходит на сцену как строгий и добрый друг, всегда готовый прийти на помощь молодежи.

Сейчас на украинской сцене играет один из первых выпускников студии театра — народный артист УССР Н. Панасьев. Его мы видели в роли Илько Сторожука («Такое долгое, долгое лето» М. Зарудного). А рядом в драме М. Кропивницкого «Две семьи» играет В. Коляда — один из последних выпускников студии...

Празднично, тепло принимает Москва украинских гостей. У подъезда Малого театра и театра имени А. С. Пушкина, где проходят спектакли Киевского государственного ордена Ленина Академического украинского драматического театра имени И. Франко, каждый вечер собираются москвичи, чтобы тепло приветствовать талантливых посланцев Киева.

Н. ЗЫБИНА

ОГНЕННЫЕ ДНИ

Земельно-водную реформу в Узбекистане двадцатых годов историки недаром называют «второй революцией»: у баев и мулл были наконец отобраны плодородные земли и безраздельные права на воду. Бывшие хозяева при активной поддержке духовенства вступили в борьбу с Советской властью, своим народом — появились басмаческие банды, начался контрреволюционный террор. Это были горячие годы, когда классовая борьба в Узбекистане достигла небывалого накала, когда рабочим и дехканам снова пришлось брать в руки оружие для защиты завоеваний Октября.

Об этих огненных днях и написан роман Юлдаша Шамшарова «Свет».

Основная удача книги — образ главного героя, поэта, учителя и композитора Шарафа. Именно в нем фокусируется все самое светлое, радостное, великодушное. Не сразу, однако, становится он сознательным, идейным борцом за счастье своего народа. Не вдруг удается ему изжить идеалистские миражи юности. Но потому враги ненавидят его и боятся, что по мере избавления от своих иллюзий Шараф пользуется все большим и большим уважением народа, его любовью, его доверием. Учитель Шараф воспитывает у молодежи и у всех идущих за ним ненависть к богатеям и их приспешникам; Шараф-поэт зовет в своих стихах народ на борьбу за свободу; Шараф-композитор открывает перед людьми бесконечно прекрасный мир музыки, искусства. У всех, кто испытывает на себе влияние личности Шарафа, светлеет душа и закаляется воля. Мутабар, еще совсем недавно «покорная овца аллаха», теперь уже может постоять за себя,— защищая свою честь, она убивает байского прихвостня, бандита. Мужают, становятся идейно зрелыми солдатами революции Мурад, Файзулла. Даже самые бессловесные правоверные мусульмане расправляют плечи, начинают разбираться, кто враг, а кто их подлинный друг.

Над сонмом врагов царит хитрый, коварный, умный шейх Шахабиддин. Основной сюжетный стержень романа и составляет борьба между Шарафом и шейхом, борьба двух идеологий.

Юлдашу Шамшарову удались и лирические линии романа, особенно история любви Кундуз и Шарафа.

«Свет» — первое крупное произведение Юлдаша Шамшарова, его дебют как романиста. Отрадно, что этот дебют успешен. Однако в романе есть и просчеты. Очень скомкан финал — гибель Шарафа. Это ключевая сцена романа, тем более неуместен в ней беглый пересказ происходящего.

Роман переведен Юрием Карасевым — большим знатоком узбекской современной литературы. Думается, что «Свет» — одно из лучших достижений Карасева-переводчика.

П. БОРИСОВ

Юлдаш Шамшаров. Свет. Ташкент, изд-во литературы и искусства имени Гафура Гулями, 1974, 360 стр.

СЛОВО ПРОЩАНИЯ

Умер поэт Владимир Котов. Всем, кто знал его близко, нетрудно представить его лицо, всегда серьезное и сосредоточенное, глаза, глядящие просто и прямо навстречу другу.

Убежденный коммунист, гражданин, патриот, Владимир Котов оставил нам прекрасные стихи о родине Советов, о строителях пятилеток, о славных воинах и поэмы, посвященные Ленинскому комсомолу, нашим героям, оставил веселые песни, острые строки сатиры.

Владимир Котов отличался верностью слова и верностью дружбы. О таких обычно говорят: «Товарища не подведет, в бою не отступит!»

Каждый новый день он воспринимал взволнованно, жадно, радостно:

День наш —
новая веха
боевого пути.
Здравствуй, молодость века,
с новой силой цвети!

Душевный мир Владимира Котова, его поэтическая «держава» заслуживают высокого уважения, потому что поэт ни разу не изменил своей правде, правде борца-агитатора. Он неколебимо, по-гвардейски сражался на идеологическом фронте во имя торжества высоких идей.

Годы мои,
годы лучшие,
вы налетели трубя.
Жизнь ты моя,
Революция,
я защищаю тебя!

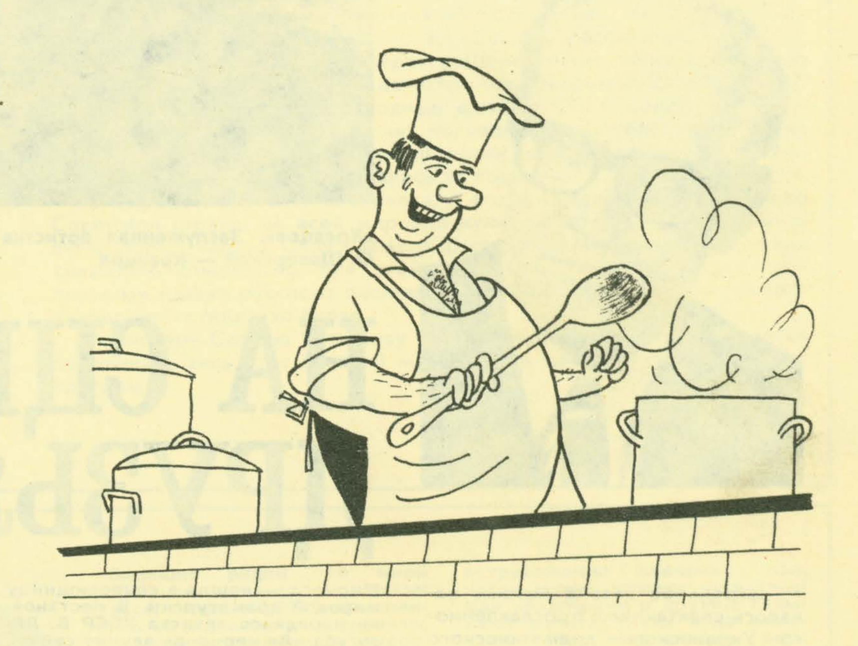
После внезапной смерти отчетливее и рельефнее видится большая судьба поэта. Он утверждал:

Радостно, а не обидно
вынести всё ради всех:
легкая битва —
не битва,
легкий успех — не успех.

ГРУППА ТОВАРИЩЕЙ

Николай ЕЛИН,
Владимир КАШАЕВ

ПОДХОДЯЩИЕ УСЛОВИЯ

РАЗ В НЕДЕЛЮ

— Панфилова, опять копаешься! — недовольно сказал жене Дмитрий Александрович.— Почему не накрываешь на стол?

Жена послушно принялась накрывать.

— Разве так я учил тебя накрывать? Где поднос?

Жена вышла и вернулась с подносом.

— Не туда ставишь. Поставь сюда. А почему нет вина? Опять забыла?

Жена принесла бутылку вина.

— Походка у тебя никуда не годится,— поморщился Дмитрий Александрович.— Ну ладно, садись.

Жена села.

— Да не сюда. Вон туда...

Они помолчали. Муж побарабанил пальцами по спинке стула и распорядился:

— Спой что-нибудь.

Жена запела бодрую песню.

Панфилов снова поморщился:

— Нет, лучше не надо!

Он откинулся на стуле и закурил. Жена, воспользовавшись паузой, робко взяла ложку.

— Ты что, уже за еду?! — удивился он.— Отставить! Будешь есть, когда придут гости. А сейчас полей-ка цветы!.. И это забыла?!

Муж выпустил изо рта колечко дыма, отпил кофе и прищурился:

— Веселее! Веселее! Не вижу энтузиазма!.. Что ты там бормочешь? Ну-ка, скажи погромче! И потом, как ты поливаешь?! Сколько раз можно учить?!

Панфилова закончила возиться с цветами и вопросительно посмотрела на мужа.

Раздался звонок.

— Теперь иди открывай дверь,— разрешил Дмитрий Александрович.— Гости пришли. Быстрее, быстрее! Радоваться должна! Бегом!

Жена встретила гостей, провела их в комнату и стала ждать дальнейших распоряжений. Но их не было. Задумавшись о чем-то, муж молчал. Он думал о том, что скоро они вернутся домой и жена будет вовсю командовать и повелевать им, а он будет безропотно выполнять каждое ее указание, как он делает это уже пятнадцать лет, всю их совместную жизнь. Но это будет потом, когда они вернутся. А пока... пока вечер еще не кончен, покомандует он. Покомандует хоть раз в неделю, здесь, на репетиции заводского драмкружка, где он, Дмитрий Александрович Панфилов,— руководитель и режиссер-постановщик, а его жена — всего лишь участница самодеятельности. И она должна беспрекословно выполнять все его указания...

Дмитрий Александрович очнулся от своих мыслей, отставил недопитый стакан кофе, поднялся из зрительного зала на сцену и безжалостно сказал:

— Нет, Панфилова, гостей нужно встречать не так. Повтори всю эту сцену сначала...

Владимир Егорович Мухалов сидел у себя в квартире за столом и пытался работать над диссертацией. В нем яростно боролись два чувства: стремление как можно быстрее завоевать в жизни место, достойное его таланта, и желание немедленно пойти на кухню и поесть пирожков с мясом, которые в настоящий момент жарила его преданная супруга и которые расточали по всей квартире изумительный аромат. В силу своей конкретности победило второе желание. Владимир Егорович недовольно отодвинул будущую диссертацию, хмуро принялся уничтожать тающие во рту пирожки.

— Черт знает что!— ворчал он.— Разве в таких условиях можно заниматься научной работой?!

Он испытывал злость и раздражение по отношению к жене, которая своими неустанными заботами активно мешала его научным поискам. Каждое утро, просыпаясь, он находил возле себя ее записку:

«Дорогой, я ушла на службу. Не вздумай ничего делать по дому. Не трать свой талант по пустякам, работай над диссертацией. Если захочешь есть, возьми в холодильнике. Я приготовила для тебя...»

Далее следовало перечисление таких блюд, от которых любящий покушать Мухалов сразу забывал про свой талант и, тяжело вздыхая, целый день курсировал между диссертацией и холодильником.

«Нет,— думал разомлевший после сытного обеда Владимир Егорович, подкладывая под голову диссертацию и закрывая глаза,— так я никогда ничего не добьюсь. Недаром говорят, что все гении жили впроголодь, в спартанской обстановке. Конечно, в таких условиях каждый дурак может работать и добиваться признания. А вот поставить бы их на мое место, посмотрел бы я, куда денется их гениальность...

Не повезло мне с женой, нет, не повезло! У людей жены как жены. Заставляют мужей и пылесосить, и по магазинам ходить, и брюки себе гладить, и обед готовить. Поневоле начнешь дорожить временем, целеустремленным станешь. А у нас в доме атмосфера для творческого человека гибельная... Уйду я отсюда! Ради таланта своего уйду. Здесь он никогда не раскроется!»

После месяца сомнений и колебаний Мухалов наконец порвал со своим прошлым и ушел от жены к другой женщине. Она была некрасива и обладала дурным характером, но зато жила в коммунальной квартире и абсолютно не умела готовить.

В первые дни после переезда Владимир Егорович налег на диссертацию, отрываясь только для того, чтобы сварить себе пельмени или изжарить яичницу. Но через неделю он почувствовал, что его избалованный талант больше не принимает яичницы, а с пельменями вообще несовместим. Теперь Мухалов вспоминал кушанья, которые готовила ему жена. Воспоминания туманили мозг, мешая работать. С каждым днем приходилось все больше стоять у плиты, экспериментируя и фантазируя. Все свободное от научной работы время он уделял кухне и уборке квартиры. За какой-нибудь месяц Владимир Егорович стал целеустремленным и высокоорганизованным человеком. И талант его, попав в подходящие условия, раскрылся и засверкал. Через год о работе Мухалова заговорил весь город. Ее высоко оценили даже люди, далекие от науки. Ничего удивительного: уже шесть месяцев Владимир Егорович работает шеф-поваром лучшего в городе ресторана «Калория». И как работает! Талант!

РАЗЛУКИ, РАССТАВАНИЯ

Они стояли на берегу и любовались лунной дорожкой.

— Ты будешь меня ждать? — спросил Он.

Она молча кивнула.

— Трудно быть женой моряка,— сказал Он.— Разлуки, расставания, ожидания. Долгое ожидание не каждый может выдержать...

— Я выдержу, — возразила Она.

— Рейсы будут частыми, — напомнил Он.

— Выдержу, — повторила Она.

— Видеться будем редко...

— Что ж делать, — вздохнула Она. — Я понимаю: такая работа. И не будем больше говорить об этом...

...Прошло три года. Однажды, когда Он был в рейсе, его вызвал к себе капитан.

— Вот какое дело. Вам надо срочно лететь домой. Получена радиограмма...

— Что-нибудь случилось?! — побледнел Он.

— Да,— кивнул капитан. — Ваша жена у себя на работе выполнила месячную норму на двести процентов.

— Очень приятно,— сказал Он.— Но зачем лететь? Я пошлю поздравительную телеграмму.

— Не в этом дело. Вашу жену вызывают для обмена опытом в соседнюю республику...

— Ну и?..

— Ну и ей не с кем оставить ребенка.

— Так что же, мне прерывать из-за этого рейс?

— Товарищи из республики очень просили. Они пришлют за вами вертолет.

— А вы... Что вы им сказали?

— А что я мог им сказать? — развел руками капитан. — Надо! Ведь просит целая республика...

Он возвратился домой и сидел с ребенком две недели, а потом снова ушел в рейс. Но не успел еще родной порт скрыться из глаз, как к их теплоходу подошел катер. Ему сообщили, что приказом начальника пароходства Он освобожден от рейса и должен немедленно вернуться на берег ввиду того, что его жену вызывают на совещание ударников.

Он, ожидая жену, нянчил ребенка десять дней, а потом, когда Она уезжала с делегацией за границу, еще три недели... Теперь Он работал на берегу (временно, конечно) и с нетерпением ждал встреч с женой.

Она вернулась, а через несколько дней опять стала собирать чемоданы. Он, взяв ребенка, пошел ее провожать.

— Трудно быть мужем передовика,— заметил Он.— Разлуки, расставания, ожидания...

— Да,— сказала Она.— Долгие ожидания не каждый может выдержать.

— Я выдержу, — возразил Он.

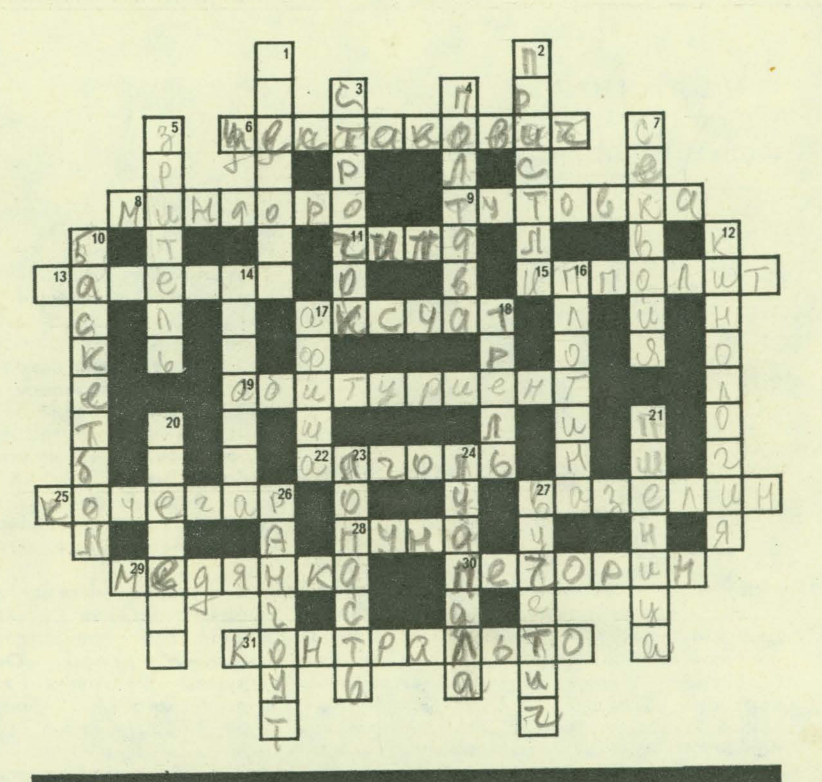
— Я понимаю, что тебе трудно...

— Выдержу, — повторил Он.

— Ты уж не сердись, что мы редко видимся, — попросила Она.

— Что ж делать, — вздохнул Он. — Я понимаю: такая работа. И не будем больше говорить об этом...

КРОССВОРД

По горизонтали:

6. Советский композитор. 8. Остров архипелага Филиппин. 9. Сорт яблок. 11. Областной центр в РСФСР. 13. Духовой музыкальный инструмент. 15. Трагедия Еврипида. 17. Озеро в Казахстане. 19. Поступающий в учебное заведение. 22. Звезда в созвездии Персея. 25. Картина Н. А. Ярошенко. 27. Мазь. 28. Город в Индии. 29. Змея. 30. Персонаж романа М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени». 31. Женский голос.

По вертикали:

1. Поселение в Древней Руси. 2. Английский писатель, драматург. 3. Гриб. 4. Поэма А. С. Пушкина. 5. Журнал, издававшийся в Петербурге с участием И. А. Крылова. 7. Гигантское хвойное дерево. 10. Спортивная игра. 12. Наука о собаках. 14. Птица семейства утиных. 16. Гидротехническое сооружение. 17. Объявление. 18. Многократное быстрое чередование двух смежных звуков. 20. Минерал, применяемый в керамической, стекольной промышленности. 21. Зерновая культура. 23. Часть весла. 24. Река в Замбии и Республике Заир. 26. Совокупность деревянных или металлических круглых брусьев корабля. 27. Советский скульптор.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 23

По горизонтали: 4. Папирус. 7. Пирс. 8. Град. 10. Макаренко. 12. Калуга. 14. Эпикур. 16. Телегин. 18. Экскаватор. 19. Тарантелла. 21. Нейтрон. 22. Пиджак. 24. «Ларчик». 25. Амбразура. 28. Балл. 29. Гимн. 30. Комарно.

По вертикали: 1. Шпицберген. 2. Парсек. 3. Вургун. 5. Бирма. 6. Каноэ. 9. «Нашествие». 11. Рубильник. 13. Гравюра. 15. Пятница. 16. «Титан». 17. Нарын. 20. Страдивари. 23. Какао. 24. «Лакме». 26. Баллон. 27. Ургенч.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Депутат Верховного Совета СССР, Герой Социалистического Труда, механизатор совхоза «Харьковский», Боровского района, Кустанайской области, Камшат Доненбаева с дочкой Гульшат. Сегодня мы публикуем ее рассказ на стр. 11 (см. также в номере репортаж «Напряжение» о посевной страде в целинном совхозе «Харьковский», на полях которого работает Камшат).

Фото А. Гостева

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Тренируются амурские спортсмены.

Фото В. Кузнецова

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, С. А. БАРЧЕНКО, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Н. А. ИВАНОВА, В. Д. КУДРЯВЦЕВ, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, Ю. Н. СБИТНЕВ (ответственный секретарь), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14. Рукописи не возвращаются.

Оформление Е. М. КАЗАКОВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-38-26; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 253-31-47; Юмора — 253-39-05; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 26/V — 75 г. А 00595. Подп. к печ. 10/VI— 75 г. Формат 70×108 1/8. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 1244. Тираж 2 050 000 экз. Заказ № 600.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

С. КАЛИНИЧЕВ

Фото Н. КОЗЛОВСКОГО.

Днепр делит этот город надвое. Изогнутые стрелы мостов слили воедино старые и новые районы Днепропетровска. На фоне голубого неба разворачиваются панорама новостроек, белокаменные громады жилых домов микрорайона «Солнечный», вдали встают колонны заводских труб. В Днепропетровске более 140 крупных промышленных предприятий, город растет и ввысь и вширь. Хозяйство этого большого промышленного, научного и культурного центра — в будущем году ожидается рождение миллионного жителя — сложно и многообразно.

— Исполком городского Совета да и все мы, пятьсот депутатов, в своей повседневной работе опираемся на избирателей, на их активную помощь,— рассказывает депутат горсовета Зоя Ивановна Рукас, электросварщица заводостроительного комбината. Она привела такой пример.

— В поселке Самаровка в основном частные дома. До центра города далеко — восемнадцать километров. Когда избрали меня депутатом, сразу стали приходить ко мне люди. И все по поводу школы. Школа старая, тесная, ни спортзала, ни мастерских. В новых районах этот вопрос решается проще. Все предусматривает проект, на все отпущены деньги и материалы. По плану. А как быть в Самаровке?

Я выступила на сессии горсовета. Меня выслушали и записали просьбу о школе как наказ депутату. В поселке у нас есть депутатская группа. Взялись сообща за дело. Сначала уточнили, кто живет в поселке. Оказалось, что здесь много рабочих с завода имени Карла Либкнехта. Часть денег на школу выделил завод, часть — гороно.

Очень всем хотелось открыть школу к началу учебного года, к первому сентября. Но строители не успевали. И тогда весь поселок, каждый из родителей обязался отработать на стройке не меньше одной недели. В результате школу построили, она обошлась дешевле. Теперь эта школа-десятилетка одна из лучших. Мои сыновья тоже там учатся.

С такой же энергией депутатская группа рабочего поселка Диевки выполнила наказ избирателей о реконструкции моста через железную дорогу. Особенно помогли депутаты горсовета с завода металлургического оборудования — инженер З. Д. Половая, сталевар В. И. Игнатьев. Они добились необходимых фондов, ассигнований. Мост реконструирован.

Четыре года — небольшой срок в жизни города. Однако здесь за эти четыре года было принято к исполнению 357 наказов избирателей. Почти все они выполнены или близки к выполнению. По наказам избирателей построены пять школ, три АТС, две поликлиники, рынок, много магазинов и спортплощадок.

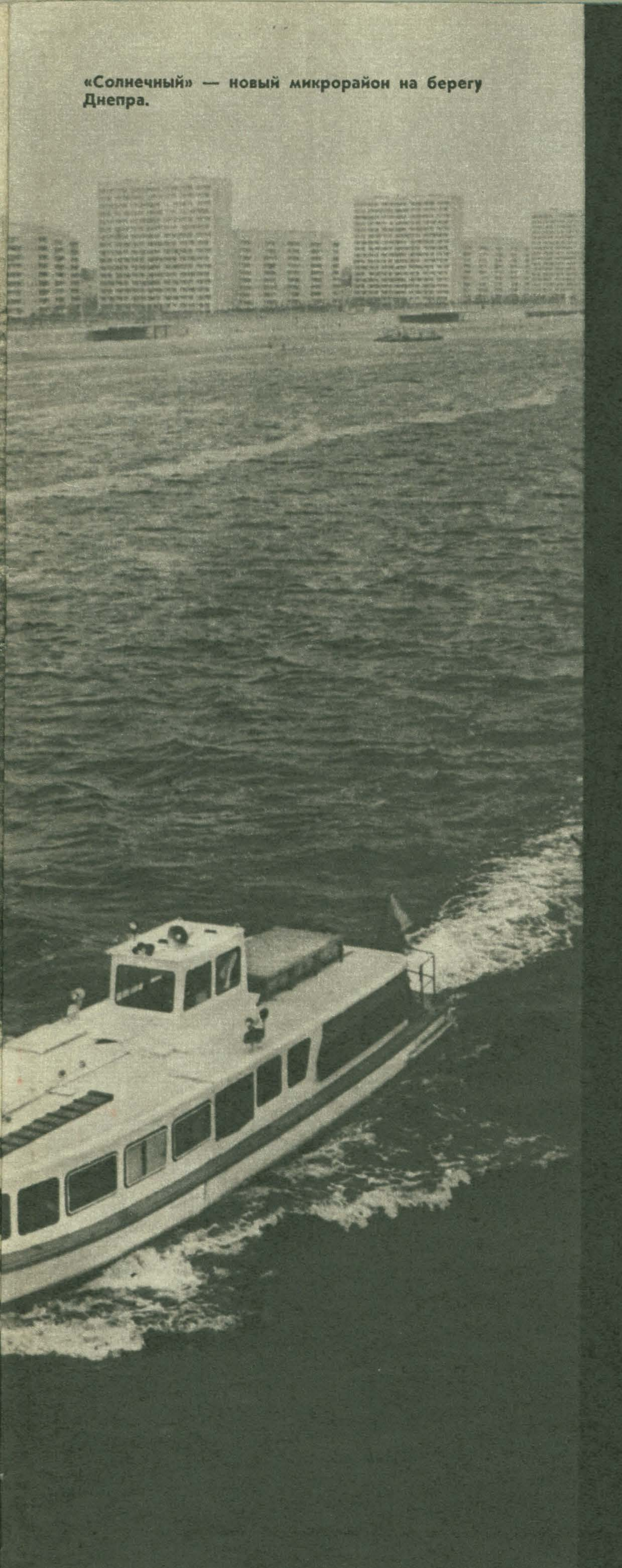
Конечно, плановое строительство — здание театра оперы и балета, новый аэровокзал, университетский корпус — по масштабам никак не сравнить с новой школой, построенной по наказу избирателей. Полмиллиона квадратных метров жилья в год, десятки школ, новые троллейбусные маршруты, перевод некоторых производств за черту города, расширение сети бытового обслуживания, торговли — все это воплощение заранее разработанных планов. И в этих планах и в наказах реализуется самый главный девиз нашей партии: все для блага человека!

Свидание у фонтана.

ПРИДНЕПРОВ

«Солнечный» — новый микрорайон на берегу Днепра.

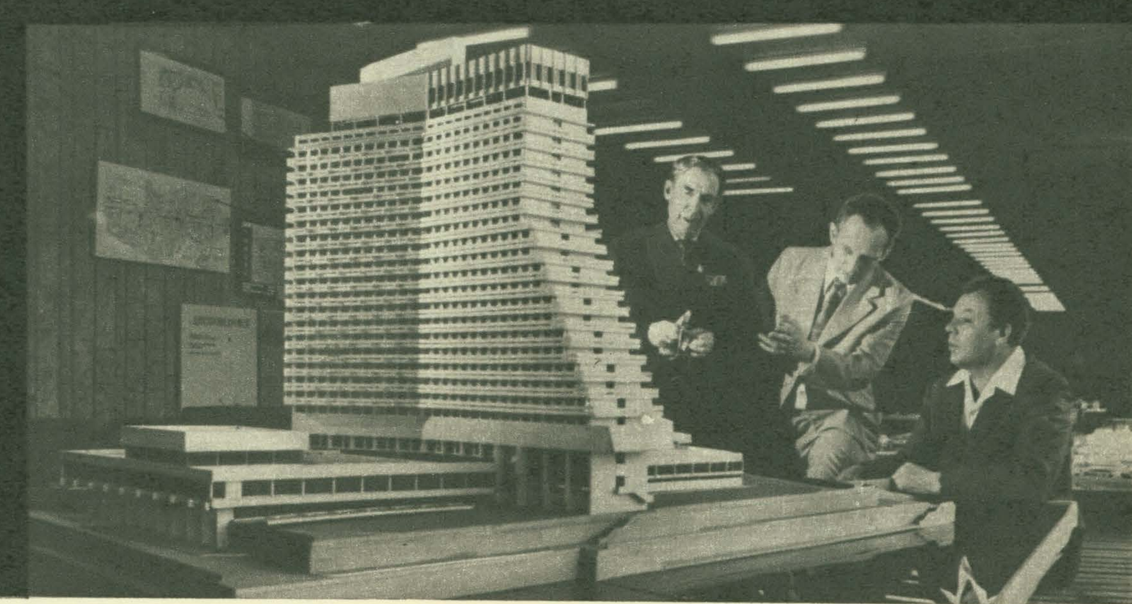

Молодые избиратели.

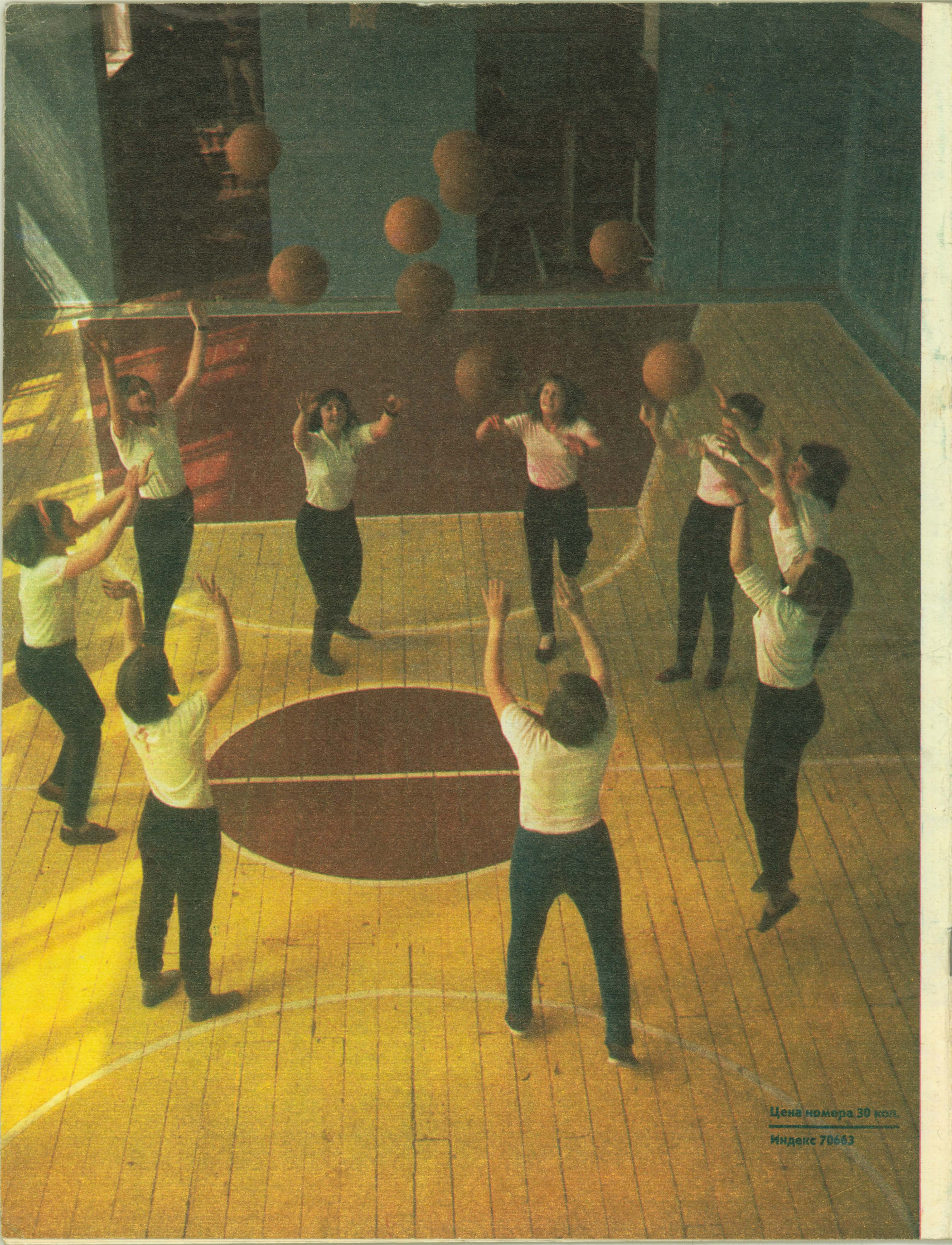
Новая АТС.

«Лебединое озеро» в новом театре. Солисты Алла Петрина и Николай Войтенко.

У макета будущей гостиницы «Парус»: главный архитектор города С. Е. Зубарев и председатели постоянных комиссий Г. М. Павловский и Я. П. Заспенко.

СКАЯ НОВЬ

Цена номера 30 коп.

Индекс 70663